

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, МГУ)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Джумайло О. А., д. филол. н., проф. (Россия, Ростов-на-Дону, Южный Федеральный университет)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт русской литературы РАН)
Краузе М., д-р, проф. (Германия, ун-т Гамбурга, Институт славистики)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт лингвистических исследований РАН)
Овчинникова И. Г., д. филол. н., проф. (Израиль, ун-т Хайфы; Россия, Первый МГМУ им. И. М. Сеченова)
Полякова Е. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Поссампи Д., д-р, проф. (Италия, Падуанский университет)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, ТюменГУ)
Фэрр-Дюпэтр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

Новокрещенных И. А. (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Русинова И. И. (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Шутёмова Н. В. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Абашев В. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Абашева М. П., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Алексеева Л. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Арустамова А. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Баженова Е. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Боронникова Н. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бочкарёва Н. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Братухин А. Ю., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бурдина С. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Данилевская Н. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Дускаева Л. Р., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кондаков Б. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Кочкарева И. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Кушнина Л. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Мишланов В. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Нестерова Н. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Подюков И. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Серова Т. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта Е. В. Исаева.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (10.01.01 – Русская литература, 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология, 10.01.09 – Фольклористика, 10.01.10 – Журналистика, 10.02.01 – Русский язык, 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи), 10.02.03 – Славянские языки, 10.02.04 – Германские языки, 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология, 10.02.19 – Теория языка, 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика).

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Olga Dzhumaylo (Russia, Rostov-on-Don, Southern Federal University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute for Slavic Studies)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Irina Ovchinnikova (Israel, University of Haifa; Russia, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University)
Elena Polyakova (Russia, Perm State University)
Donatella Possamai (Italy, University of Padua)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Perm Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennykh</i> – <i>Editor-in-Chief</i> (Perm State University)	<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian- Pedagogical University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Valeriy Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podyukov</i> (Perm State Humanitarian- Pedagogical University)
<i>Nina Bochkareva</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>

Site administrator A. V. Pustovalov, content editor of the English version of the site E. V. Isaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Боброва М. В. СОВРЕМЕННЫЙ СЕЛЬСКИЙ ЗООНИМИКОН В ДЕРИВАЦИОННОМ АСПЕКТЕ (на материале зоонимов одного куста деревень)	5
Гладкова К. Ю. СРЕДСТВА СВЯЗНОСТИ ИНТЕРРОГАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РОМАНЕ Г. СВИФТА “WATERLAND”	14
Исаева Е. В. РАЗРАБОТКА МЕТОДОЛОГИИ МЕДИАЦИИ ТРАНСДИСКУРСИВНОЙ ПЕРЕДАЧИ ЗНАНИЯ: НА СТЫКЕ КОГНИТИВНОЙ И КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ	25
Кун Чунься. НЕПОДГОТОВЛЕННОЕ ЧТЕНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СПОНТАННОЙ РЕЧИ (о приметах спонтанности в чтении на неродном языке)	36
Лукина А. А. КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КИНОДИСКУРСА	47
Сунь Сяоли. СЛОВО «САМЫЙ» КАК ФАКУЛЬТАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ РУССКИХ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ	58
Шкуратов Ю. А., Кротова-Гарина А. В. К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ НАЗВАНИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ ...	70
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	81
Бурдин И. В. КОНЦЕПТ «ЧАЙ» В ПОВЕСТИ «ЗАПИСКИ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» И РОМАНЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО	81
Вороневская Н. В. ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА Р. М. РИЛЬКЕ В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ	89
Липинская А. А. ПРИЗРАЧНАЯ КАРЕТА: ОТ ФОЛЬКЛОРА К ЛИТЕРАТУРЕ	97
Орлова О. Ю. «IT SOUNDED SO UNLIKE INDIA»: СЛУХОВАЯ РЕЦЕПЦИЯ В РОМАНЕ Ф. Х. БЕРНЕТТ «ТАИНСТВЕННЫЙ САД»	104
Павлова Н. И. В. И. КОМАРОВСКИЙ В ПЕРСОНАЖНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОМАНА Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»	111
Сыромятников О. И. КОНЦЕПТ «ДЕМОН» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО	121
Щербинина О. И. ЛИЛИАН ХЕЛЛМАН В СОВЕТСКОМ ТЕАТРАЛЬНОМ МИРЕ	132

CONTENTS

<i>LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY</i>	5
Bobrova M. V. CONTEMPORARY RURAL ZOONYMICON IN THE DERIVATIONAL ASPECT (on the Material of Zonyms of One Group of Villages) ...	5
Gladkova K. Yu. MEANS OF COHERENCE IN INTERROGATIVE UTTERANCES IN 'WATERLAND' BY G. SWIFT	14
Isaeva E. V. DEVELOPING A METHODOLOGY FOR TRANSDISCURSIVE KNOWLEDGE TRANSFER: AT THE INTERSECTION OF COGNITIVE AND COMPUTATIONAL LINGUISTICS	25
Kong Chunxia. UNPREPARED READING AS A TYPE OF SPONTANEOUS SPEECH (on Signs of Spontaneity in Reading in a Non-Native Language)	36
Lukina A. A. COMPREHENSIVE APPROACH TO RESEARCH INTO THE ECONOMICS FILM DISCOURSE	47
Sun Xiaoli. THE WORD 'SAMYJ' AS AN OPTIONAL COMPONENT OF RUSSIAN SET EXPRESSIONS	58
Shkuratok Iu. A., Krotova-Garina A. V. ON THE CLASSIFICATION OF NAMES OF MYTHOLOGICAL CHARACTERS IN THE KOMI-PERMYAK LANGUAGE	70
<i>LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT</i>	81
Burdin I. V. THE CONCEPT 'TEA' IN THE NOVELS 'THE HOUSE OF THE DEAD' AND 'CRIME AND PUNISHMENT' BY FYODOR DOSTOEVSKY	81
Voronevskaya N. V. ON ENGLISH TRANSLATIONS OF R. M. RILKE'S POETIC LANGUAGE	89
Lipinskaya A. A. A PHANTOM COACH: FROM FOLKLORE TO FICTION	97
Orlova O. Yu. 'IT SOUNDED SO UNLIKE INDIA': AUDITORY PERCEPTION IN 'THE SECRET GARDEN' BY F. H. BURNETT	104
Pavlova N. I. VICTOR KOMAROVSKY IN THE NOVEL 'DOCTOR ZHIVAGO' BY BORIS PASTERNAK	111
Syromyatnikov O. I. THE CONCEPT 'DEMON' IN THE WORKS BY FYODOR DOSTOEVSKY	121
Shcherbinina O. I. LILLIAN HELLMAN AND THE SOVIET THEATER	132

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 81'37

doi 10.17072/2073-6681-2021-2-5-13

СОВРЕМЕННЫЙ СЕЛЬСКИЙ ЗООНИМИКОН В ДЕРИВАЦИОННОМ АСПЕКТЕ (на материале зоонимов одного куста деревень)

Мария Владимировна Боброва

к. филол. н., старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии
и лингвогеографии русского языка

Институт лингвистических исследований РАН

199053, Россия, г. Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9. bomaripgu@yandex.ru

SPIN-код: 5931-0438

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9858-0573>

ResearcherID: Z-1779-2018

Статья поступила в редакцию 11.03.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Боброва М. В. Современный сельский зоонимикон в деривационном аспекте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 2. С. 5–13. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-5-13

Please cite this article in English as:

Bobrova M. V. Sovremennyy sel'skiy zoonimikon v derivatsionnom aspekte (na materiale zoonimov odnogo kusta dereven') [Contemporary Rural Zoonymicon in the Derivational Aspect (on the Material of Zoonyms of One Group of Villages)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 2, pp. 5–13. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-5-13 (In Russ.)

Статья посвящена изучению зоонимов, функционирующих в речи жителей Троельжанского сельского поселения Кунгурского района Пермского края. Методологически клички животных рассмотрены в русле теории деривации, т. е. как результат динамических процессов на различных уровнях языковой системы. Указывается на необходимость различать такие клички, которые появились вследствие собственно зоонимических трансформаций, и такие, которые появились вследствие трансформаций уже готовых лексических средств языка (продуктов дозоонимных преобразований). Обнаружено, что первые возникают в результате шести типов деривации: словообразовательной (с образованием слов, отсутствующих в литературном языке), лексико-словообразовательной (с образованием слов, омонимичных словам литературного языка), лексической (с использованием неприводных слов, отсутствующих в литературном языке, – неологизмов и варваризмов), лексико-семантической (с переосмыслением семантики производящего слова), лексико-грамматической (с функциональной трансформацией производящего слова), морфологической (с грамматической трансформацией производящего слова). Слова второй группы входят в зоонимикон путем лексической (с использованием производных и неприводных слов литературного языка), лексико-семантической (с семантической трансформацией общерусских слов), морфолого-синтаксической (с изменением частеречной принадлежности общерусских слов) деривации. В рамках этих типов реализуются определенные деривационные модели, в частности *к*-суффиксация, сближение слов на основе паронимии, онимизация и трансонимизация, субстантивация и др. Сделан вывод о многообразии способов формирования современного зоонимикона, о специфичности некоторых частных деривационных моделей для данной выборки.

Ключевые слова: ономастика; зооним; деривация; Пермский край; Троельжанское сельское поселение Кунгурского района.

Введение

В качестве одного из классов имен собственных принято выделять номинации животных – зоонимы, однако периферийное положение таких онимов стало причиной того, что лингвисты обращаются к ним спорадически, обследованные территории дисперсны, неравномерно изучены системы кличек в разных этнических группах. По нашим сведениям, первая работа по данной теме была опубликована в 1928 г. Н. К. Дмитриевым, в ней рассматривались клички собак у башкир [Дмитриев 1928]. Значительное количество публикаций по зоонимике было вызвано всплеском интереса к ономастике во второй половине XX в. Наиболее существенный вклад в изучение кличек животных в последние годы сделан Е. Н. Варниковой. В Пермском крае зоонимика фактически оказалась вне сферы интересов ономастов, нами обнаружены лишь тезисы Т. А. Сироткиной «Прозвища людей и клички животных – общее в номинации» [Сироткина 2000].

Возможно, развитию зоонимики препятствовала убежденность в том, что «основное значение изучения зоонимов – познавательно-теоретическое – выявление специфики языковой практики в области ономастической номинации» [Суперанская 2019: 28]. Однако исследования последних десятилетий, способствующие «антропологизации» лингвистики, позволяют увидеть в зоонимах источник самых разнообразных сведений, актуальных не только для ономастологии и ономастики, но и для лингвокультурологии, лингвострановедения, этнолингвистики, когнитивистики и других научных направлений (см., например, работы Е. Н. Варниковой, Е. В. Гусевой [Варникова 2011, Гусева 2002]). Перспективны дальнейшие исследования в связи с публикацией пятитомного словаря всеславянской зоонимии, который был подготовлен профессором Люблинского университета Стефаном Вархолом. Словарь объединяет свыше 120 000 единиц, зафиксированных в языках славянских народов, проживающих в Европе, в том числе в Центральной России [Warchol 2007–2016] (см. о словаре [Крюкова 2011; Романова 2017; Супрун, Мадиева 2011]).

Предметом изучения в настоящей работе послужили клички животных, зафиксированные уроженкой с. Троельга, учителем школы № 132 г. Перми Ю. Ю. Посохиной в дд. Вачегино, Ерши, Заборское, Кужлево, Нивино, Юмыш, с. Троельга Кунгурского района Пермского края в 2018–2019 гг., а также небольшое количество онимов, записанных доцентом Пермского государственного национального исследовательского университета С. Ю. Королевой в с. Бым в 2016 г.

Мы располагаем 229 номинациями домашних животных, преимущественно традиционных для сельской местности (коров, кошек, собак, кур и др.). Преобладающее количество кличек коров составляют именованья животных, которые содержатся в ООО Агрофирма «Труд» (83 вакконима), лишь 11 зоонимов принадлежат коровам в частных хозяйствах. Номинации лошадей (3) в настоящее время не функционируют, так как в современных условиях жители указанного куста деревень лошадей не держат. В последние годы сельчане стали содержать также мелких животных (черепаш, крыс, хомяков, попугаев и под.), однако к настоящему времени клички этих животных не фиксировались, за исключением одной номинации улитки ахатины (гигантского сухопутного брюхоногого моллюска). Для обозначения отдельных разрядов зоонимов в статье используются традиционные теперь термины «вакконим» (кличка коровы), «иппоним» (кличка лошади), «киноним» (кличка собаки), «фелиноним» (кличка кошки); для иных видов животных терминология не выработана.

Предыдущая наша публикация [Боброва, Посохина 2020] была посвящена тематической классификации производящей лексики в зоонимии. В настоящей статье мы продолжили изучение особенностей формирования зоонимикона в Троельжанском сельском поселении, обратившись к динамическому аспекту. При анализе учитывались мотивировки, предложенные хозяевами животных. В случае неочевидности указанных деривационных связей комментарии хозяев приведены нами в скобках.

Первоначально мы поставили перед собой цель провести словообразовательный анализ имеющихся материалов, однако столкнулись с тем, что «синхроническое» словообразование не обладает достаточной объяснительной силой в отношении фактов зоонимии, довольно подвижного пласта ономастической лексики. Это подвело нас к необходимости изменить ракурс исследования и оттолкнуться от широкого понимания деривации в русле теории дериватологии, разработанной Л. Н. Мурзиным. В соответствии с таким подходом деривация понимается как процесс образования новых языковых единиц, который может быть обусловлен изменениями на разных уровнях – не только на словообразовательном, но и на лексическом, семантическом, грамматическом, текстовом: «...дериватология – наука о процессах образования языковых единиц. Словообразование же является лишь частным случаем, одним из разделов дериватологии» [Мурзин 1984: 3–4].

Способы и средства деривации исследованных зоонимов

Исследователями неоднократно отмечалось, что в преобладающем количестве случаев клички животных образуются на базе уже имеющихся лексических средств языка. По этой причине абсолютное большинство номинаций является результатом дозоонимных формальных (собственно словообразовательных, т. е. таких, которые сопровождаются изменением формы производящего слова), семантических (лексических и лексико-семантических) и функциональных (грамматических) процессов. Лишь относительно небольшая часть зоонимов не имеет аналогов в иных группах лексики русского языка (онимических или апеллятивных) либо образована при помощи специфичных зоонимических аффиксов, привносящих особое значение. До сих пор ономотологи анализировали клички животных, не различая «дозоонимные» (вторичные) и «собственно зоонимные» (первичные) единицы, однако нам такой подход представляется недостаточно корректным, и мы сделали попытку преодолеть инерцию традиции.

1. Первичные зоонимы

Обратимся прежде всего к «собственно зоонимным» лексемам и начнем со словообразовательной деривации. В наших материалах относительно немногочисленны примеры новообразований морфологического типа, имеющих специфичное оформление: вакконимы *Агрономка* < агроном, *Алушка* < алый, *Деся* < десять, *Ликёрка* < ликёр; фелинонимы *Билька* < белый, диал. б[и]лый, *Буся* < бусина (Глаза круглые и большие, как бусинки (д. Кужлево)), *Мурка* < мурлыкать (Громко мурлычет (д. Вачегино)), *Ноляша* < Нолик 'персонаж мультсериала «Фиксики», *Фенька* < фенечка жарг. 'браслет' (Любит спать на руке, как фенечка – браслет (с. Троельга)), *Чаник* < Шарри 'корм для собак' (Кличка от названия корма для собак «Шарри», потому что котенком попал в лапы злой собаки, которая его чуть не загрызла (с. Троельга)); кинонимы *Верта* < вертеться, *Жуля* < жульничать (Очень хитрая, «жульничает» (д. Юмыш)), *Найда* < найти; иппонимы *Буланко*, *Буланиха* < буланный; клички кур *Рыжуха* < рыжий, *Пеструшка* < пестрый, *Чернушка* < чёрный.

Это «чистые» зоонимы, однако большинство из них образовано по существующим в русском языке морфологическим моделям путем усечения основы, или безаффиксным способом (*Верта*, *Жуля*, *Найда*, *Буся*), либо суффиксации (*Агрономка*, *Алушка*, *Ликёрка*, *Билька*, *Буланко*, *Буланиха*, *Рыжуха*, *Пеструшка*, *Чернушка*),

которая может предваряться усечением основы (*Мурка*, *Ноляша*). В одном случае обнаружено наложение суффикса на основу (*Чаник*).

Повторяемость некоторых элементов позволяет говорить о существовании особых моделей, например для образования безаффиксных отглагольных кличек собак и кличек коров с суффиксом -к(а).

Полагаем, что в следующих случаях необходимо говорить о «параллельном» образовании зоонимов, безотносительно к омонимичным словам русского языка, т. е. о лексико-словообразовательной деривации: вакконимы *Киска* < киса разг., детск. 'кошка', *Малюта* < маленький 'младший', *Ночка* < ночь; фелинонимы *Барсик* < барс (Назвали так, потому что полосатый, как барс (д. Вачегино), *Ночка* < ночь, *Лапка* < лапочка разг. 'приятный, милый человек', *Персик* < персидский 'персидской породы (о кошке)'¹, *Пешка* (кличка кошки, которая «все время бежит, куда-то спешит» (с. Троельга)) < спешка, *Сима* < сиамский 'сиамской породы (о кошке)', *Тёма* < тёмный, *Феня* < Феникс < феникс (Феникс – [потому что] огненно-рыжий окрас, но для экономии времени и легкости произношения стали звать Феня (с. Троельга)), *Фомка* < Фома; кинонимы *Барсик* < барс (Потому что дикий, как барс (д. Заборское)), *Буян* < буянить, *Дружок* < друг, дружеский, *Дымок* < дым. В ином случае следовало бы признать, что кличка коровы *Киска* мотивирована формой ласкового обращения к кошке, а не содержит свойственный вакконимам суффикс -к(а); кличка пса, который «щенком был очень активный, «буянил» в доме» (с. Троельга), *Буян* образована от апеллятива *буян* 'человек, который ведет себя необузданно, неистово; скандалист', хотя существует готовая модель для образования отглагольных собачьих кличек типа *Верта*, *Жуля*, *Найда*. Апеллятив *барсик* (как уменьшительное к слову *барс*) не фиксируется словами литературного языка, и две клички *Барсик* – это «чистый» фелиноним и киноним с зоонимным суффиксом -ик-. Вторичен зооним *Дымок*, отвечающий той же модели, что и традиционная номинация *Дружок*: едва ли можно непосредственно связать зооним с апеллятивом *дымок* 'легкий дым', поскольку зооним мотивирован цветом дыма, а не его интенсивностью. Аналогично образование фелинонима и вакконима *Ночка*, не связанных с ласкательной формой слова *ночь*, а транслирующих сведения о цвете, масти животных и имеющих уже упомянутый зоонимный суффикс -к(а), и образование вакконима *Ночка* с суффиксом -к(а), транслирующего информацию о времени рождения коровы. Лишь формально

подобны общерусским лексемам и другие указанные зоонимы. Для перечисленных кличек вновь характерны усечение основы и суффиксация, их комбинация (*Ланка*, *Персик*), а кроме того, депрефиксация (*Пешка*).

Имеются примеры лексической деривации «чистых» зоонимов. Прежде всего, это новообразования с затемненной внутренней формой: клички собак *Бастик*, *Грэм*, коров *Вельета*, *Карейка*, *Лангуса*, *Мириана*. В неологизмах обнаруживается сходство с существующими лексемами: так, в слове *Бастик* можно увидеть «псевдосуффикс» -ик-, в слове *Карейка* – «псевдосуффикс» -к(а); зооним *Вельета* образован, вероятно, по аналогии с женским именем *Джульетта*, *Мириана* – по аналогии с именем *Марианна* или *Мириам*. Номинация *Лангуса*, возможно, восходит к апеллятиву *лангуст* и по способу образования сходна с зоонимами *Бася*, *Бося*, *Буся*, *Деся*. Уникален по форме зооним *Грэм*: *Взяли щенком, у которого уже была кличка Грей, но им [хозяевам] не понравилась, и переделали на свой манер, поменяв одну букву, так как он [щенок] уже привык к своей кличке* (с. Троельга).

Вторая группа слов, возникших в результате лексической деривации, – заимствования, очень типичные для современного зоонимикона. В ряде случаев хозяева используют для номинации животных варваризмы, причем не только апеллятивные, но и онимические, главным образом личные именованья, чуждые русскому антропонимикону. Ср.: а) кинонимы *Блэк* (кличка пса черного окраса, из англ. *black* ‘черный’), *Грей* (кличка пса серого окраса, из англ. *grey* ‘серый’), *Камрад* (кличка пса, ср. англ. *comrade*, нем. *Kamerad*, исп. *camarada* ‘товарищ’), *Вольф* (кличка немецкой овчарки, ср. нем. *Wolf* ‘волк’), *Лаки* (ср. англ. *lucky* ‘счастливчик’), *Рэй* (кличка очень ласкового пса, ср. англ. *ray* ‘луч’); б) вакконимы *Мауса*, *Хамуса*, *Хайдрун*, *Хильда*, кинонимы *Арчи*, *Берта* (кличка немецкой овчарки), *Джек*, *Рой*, фелиноним *Юта* (ср. название одного из штатов США). Своеобразие этой группы кличек животных составляет то, что иноязычные слова попадают в зоонимикон, минуя стадию освоения литературным языком. Русификация лексики минимальна: заимствования осуществляются путем ее транскрипции или транслитерации.

Имеют место факты лексико-семантической деривации. Так, отмечено явление паронимии – образование клички по звуковому сходству слов: *Шурка* – кличка «очень шустрого и подвижного» пса (д. Вачегино). Сюда же примыкает фелиноним *Борис*, который совпадает по форме с антропонимом, но мотивирован глаголом *бороться*: *Очень часто «борется» с другими котами*

(д. Нивино). К этой же группе мы относим множественные омонимичные номинации, в числе которых выделяем два вида. В силу того, что имеет место омонимия кличек животных, следует констатировать существование «внутривидовой трансзоонимизации» кличек, которые воспринимаются номинаторами уже как традиционные («собачьи», «кошачьи», «коровьи имена»), ср., например, пес *Миша* в д. Юмыш и в д. Вачегино, корова *Зорька* в с. Троельга и в д. Вачегино, под. Это пример однофункциональных онимов. Но, кроме того, возможна также «межвидовая трансзоонимизация», ср.: *Чернушка* (применительно к кошке эта кличка, очевидно, вторична, производна от распространенного в Троельжанском сельском поселении наименования кур с черным оперением), *Зорька* (традиционный вакконим призван был, по задумке хозяев, транслировать пристрастие улитки к капусте: *Очень любит есть капусту, как многие коровы* (с. Троельга)). Это полифункциональные единицы.

Материал диктует необходимость выделить особый лексико-грамматический тип деривации зоонимов. Специфичный путь возникновения таких кличек – через онимизацию, т. е. функциональную трансформацию, лексики, сохраняющей при этом обобщенную семантику: иногда обнаруживаются традиционные клички животных, которые выступают в качестве своего рода дейктических элементов, равновесных соответствующим апеллятивам: *Борька* – ‘(любой) самец свиньи’, *Зинка* – ‘(любая) самка свиньи’, *Сюрка* – ‘(любая) овца’, *Куса* – ‘(любая) кошка’, *Петька* – ‘(любой) петух’, а также *Девка* – ‘овца’ (< *девка* ‘самка любого домашнего животного’ (КСРГСПК)). Это возникшие на базе апеллятивов (подчеркнем) *индивидуальные* клички, что подтверждается хозяевами животных, однако по ономаσιологическим признакам их нельзя отнести ни к посессивным, ни к качественным, ни к характеристическим, это «чисто» номинативные единицы². Показательно, что до сих пор исследователями отмечались лишь обратные процессы – деонимизация кличек животных (т. е. переход имен собственных в нарицательные): «В повседневной речи зоонимы обычно выполняют вокативную функцию. При выполнении этой функции зоонимы, как правило, повторяются, уподобляясь подзывным словам: *Васька-Васька-Васька* и *кс-кс-кс*, *Семка-Семка-Семка* и *серы-серы-серы*, *били-били-били*, *чиги-чиги-чиги* и др.»; традиционные клички «сближаются с нарицательными именами (и/или образуются на их основе) и употребляются для обозначения животных данного вида в целом» [Варникова 2011: 56, 54–55]. Ср. в бытовой речи: *барсик*, *васька* –

о любом коте, *мурка* – о любой кошке, *тузик* – о любой небольшой собаке, *щенке*, *буренка* – о любой корове и под.

В данном случае мы обнаруживаем незаурядное явление, которое мы образно определяем как «мерцательный оним». Это слово, принадлежность к лексико-семантическому разряду существительных которого определяется ситуативно: в зависимости от обстоятельств оно может выступать как в роли онима, так и в роли апеллятива. Ср., например, в наших записях: *В нескольких семьях говорили, что называют свиней Зинка и Борька, это те, кто держит не больше двух, а вот у кого их много, то они их опять же не называют никак, не дают им клички* (с. Троельга); *Назвали так [кота Васькой], потому что первое пришло на ум, все так называют* (с. Троельга); *Долго не могли придумать имя, так [Киса] и решили назвать [кошку]* (д. Заборское); *Овец сейчас мало кто держит, но у кого я спрашивала, они называют их Сюрками, то есть идут их кормить и говорят: «Сюрка»* (с. Троельга). Ср. также данные в словарях пермского региона: *борьки-борьки* ‘слова, которыми подзывают свиней’ (СРГСПК 1: 132); *сюрка* и *сюрка-сюрка* ‘слова, которыми ласково подзывают одну овцу’ (*Одна – дак маська, сюрка... Сюрка – это уважительное слово скотине, овце*) (СГСРПО: 624); *сюрка* 1) ‘слова, которыми подзывают овцу и название самой овцы’, 2) ‘овца’ (СРГЮП 3: 213). С ними коррелируют и данные в «Словаре русских народных говоров»: *борька* 1) ‘название некоторых домашних животных / баран / свинья’ (*Так свиней у нас зовут, самцов, свердловское*) || ‘названия детенышей некоторых животных / поросят (калининское, пермское)’, 2) ‘слово, которым подзывают свиней’ (СРНГ 3: 123), *сюрка* 1) ‘овца’ (свердловское), 2) ‘ягненок’ (среднеуральское), 3) ‘слово, которым подзывают овец’ (вологодское, ярославское, пермское, свердловское, среднеуральское) (СРНГ 43: 187). Полагаем, это очень древнее явление, оно нашло отражение в фольклоре, а затем в словарях литературного языка. В частности, составители «Словаря современного русского литературного языка» сочли необходимым включить в словник статьи *Петя* ‘в русских народных сказках – петух’, *Петька* ‘в русских народных сказках и баснях. То же, что Петя’, *Петькин* народно-поэтическое ‘относящийся к Петьке, принадлежащий ему’ (ССРЛЯ 9: 1123) (лексемы исторически связаны с глаголом *петь*, как и основная номинация этой птицы – *петух*). И сравните бытовое *петька* – о любом петухе.

Обнаруживаются примеры *морфологической* деривации, в данном случае – переоформления

прилагательных, реже существительных по модели существительных общего (фелиноним *Бяся* < *баса* диал. ‘красота’, ср. *баский*, *баской* ‘красивый’, киноним *Бося* < *босс*, вакконимы *Хорбена* < *Хорбен* ‘коммуна в Германии’, *Черня* < *чёрный*) или мужского (киноним *Бойко* < *бойкий*) рода. Подобные явления отмечались исследователями, но только в рамках рассуждений о способах трансляции половой принадлежности номинируемых животных.

II. Вторичные зоонимы

В остальных случаях отмечается вторичное использование лексики как результата дозоонимной словообразовательной деривации. Иными словами, это примеры лексической или лексико-семантической деривации зоонимов посредством онимизации апеллятивов либо перехода имени собственного в другой класс, а также факты морфолого-синтаксического способа образования слов:

1. *Лексическая* деривация приводит к образованию омонимичного имени собственного, не имеющего мотивационных связей с производящим апеллятивом либо онимом (либо интенции номинатора не прояснены):

1) онимизация: вакконимы *Альфа*, *Берегиня*, *Гармония*, *Герцогиня*, *Глобус*, *Долька*, *Драцена*, *Жара*, *Жужель*, *Зарница*, *Игра*, *Карта*, киноним *Фисташка* и т. д.;

2) трансономизация: вакконимы *Абба*, *Азия*, *Аскона*, *Астана*, *Боня*, *Гача*, *Германика*, *Губаха*, *Гуля*, *Дарина*, *Изабелла* и т. д.

Такие наименования характерны для коров в животноводческом хозяйстве. Для коров в частных хозяйствах и других животных (кроме одной собаки: *Фисташка*. *Искала необычное имя* (д. Вачегино)) номинации с затемненной внутренней формой не выявлены.

2. *Лексико-семантическая* деривация характеризует мотивированное вторичное использование слова:

1) онимизация: фелинонимы *Бегемот*, *Гром*, *Зайка*, *Ириска*, *Кит*, *Козёл*, *Маркиз*, кинонимы *Барон*, *Белка*, *Буран*, *Доллар*, *Зайка*, вакконимы *Звёздочка*, *Злючка*, *Зорька*, *Малышка*, *Премия*, кличка петуха *Забияка* и т. д. Подобные номинации имеют внутреннюю мотивировку, ср., например: *Доллар* – кличка дорогого породистого пса, *Барон* – кличка очень крупного пса породы кавказская овчарка, *Звёздочка* – кличка коровы, имеющей отметины в форме звездочки, *Козёл* – кличка кота, который «*лазит по стенам и постоянно рвет обои*» (д. Заборское), др.;

2) трансономизация: фелинонимы *Василиса*, *Ева*, *Капа*, *Каспер*, *Кузя*, *Маруся*, кинонимы

Аза, Барон, Бим, Вольт, Джек, Джерри, Дуся, Казбек, Порш, вакконим *Маруся* и т. д. Часть таких зоонимов дана животным хозяевами по аналогии с прецедентными именованиями персонажей книг, библейских сюжетов, мультсериалов и др. Ср., например: *Ева* – кличка самой первой в доме кошки, *Барон* – кличка пса, данная ему в честь собаки из сериала «Счастливы вместе», *Кана* – кличка кошки, по ассоциации с персонажем мультсериала «Лунтик» – пчелой Бабой Капой и др. Ср. также *Аза* – кличка большой черной собаки, напоминающей хозяевам цыганку, *Маруся* – «деревенское» (по мнению номинаторов) имя кошки, *Агафья, Анфиса* – «деревенское» имя коровы и под.

3. Морфолого-синтаксическая деривация: вакконимы *Добрая, Лютая, Храбрая*, киноним *Мелкий*, фелинонимы *Рыжий, Серый*.

Готовые лексические средства языка в составе зоонимии могут быть производными и непроизводными. Словообразовательный анализ последних должен составлять особый интерес исследователей (например, в аспекте выявления частотных моделей кличек, производных от личных антропонимов).

Деривационная специфика зоонимикона Троельжанского сельского поселения

Итак, выявлены особенности образования зоонимикона в Троельжанском сельском поселении Кунгурского района. «Собственно зоонимным» единицам свойственны следующие типы деривации:

1) словообразовательная (с образованием слов, отсутствующих в литературном языке): а) суффиксация (*-к(а)*, *-к(о)*, *-ик-*, *-ок-*, *-ушк(а)* / *-юшк(а)*, *-яш(а)*), б) усечение основы (безаффиксный способ), в) сочетание этих способов (комбинированный тип);

2) лексико-словообразовательная (с образованием слов, омонимичных словам литературного языка) с использованием словообразовательных средств: а) суффиксация (*-к(а)*, *-ик-*, *-ют(а)*, префиксид *-ис-*), б) усечение основы (безаффиксный способ), в) сочетание этих способов (комбинированный тип), г) депрефиксация;

3) лексическая (с использованием непроизводных слов, отсутствующих в литературном языке): а) образование неологизмов, имитирующих структуру традиционных зоонимов или слов активного запаса, б) заимствование (использование варваризмов);

4) лексико-семантическая (с переосмыслением семантики производящего слова): а) сближение слов на основе параномазии, б) трансзоонимизация (внутри- и межвидовая);

5) лексико-грамматическая (с функциональной трансформацией производящего слова) на основе онимизации слова;

б) морфологическая (с грамматической трансформацией производящего слова).

В остальных случаях номинаторы пользуются уже имеющимися лексическими средствами русского языка (апеллятивами и онимами), прибегая к способам лексической, лексико-семантической (которые могут проходить путем онимизации или трансонимизации) и морфолого-синтаксической деривации (в наших материалах только субстантивации).

В целом способы образования зоонимов отвечают традициям. В частности, обращает на себя внимание обилие иноязычной лексики – варваризмов, востребованность некоторых традиционных кличек животных. Необходимо согласиться также с оценкой стилистической функции к-зоонимов: «Своеобразие зоонимов как особого класса собственных имен заключается и в том, что, в отличие от антропонимов, клички типа *Васька, Машка, Димка* являются нейтральной формой имени, а не уничижительным вариантом» [Рядченко 1994: 82].

Отличны частные модели реализации отдельных типов деривации кличек животных. Так, в троельжанском зоонимиконе специфичен и менее разнообразен регистр используемых суффиксов. Уникальными для наших материалов являются, вероятно, суффиксы *-ют(а)*, *-яш(а)*, наблюдается предпочтительность суффиксов с элементом *-к-*, а также непроизводной лексики с финальным элементом *-к(а)*. Ср. с данными для зоонимикона Свердловской области П. Т. Поротникова, который в качестве продуктивных выделил суффиксы *-ух-а*, *-ок*, *-ан*, *-ин-а*, *-ач*, *-ьш*, *-ушк-а* [Поротников 1972]; с данными для псковской зоонимии В. М. Мокиенко и О. И. Фонаковой, которые обнаружили суффиксы *-ка*, *-оня*, *-оха*, *-уха*, *-анка*, *-ик*, *-иш* и др. [Мокиенко, Фонакова 1976]; с данными П. П. Чучки, который выделил зоонимические суффиксы *-ан*, *-ун*, *-уна*, *-уха*, *-уша*, *-уця* для украинских говоров [Чучка 1964]. Отличия в полученных результатах обусловлены, вероятно, разными подходами, поскольку обычно клички животных анализируются исследователями безотносительно к тому, являются ли они образованием собственно зоонимическим или же дозоонимическим (первичным или вторичным).

Заключение

Таким образом, проведенный анализ зоонимов Троельжанского сельского поселения манифестирует многообразие способов формирования

современного зоонимикона. Номинаторами активно используются словообразовательные, лексические, семантические, грамматические средства русского языка. Некоторые частные модели специфичны для изученной совокупности номинаций. Сделанные выводы нуждаются в уточнении на более полной выборке онимов применительно к сельской в частности и русской в целом зоонимии. Это требует расширения исследовательской базы и составляет перспективы разработки проблем зоонимической дериватологии.

Примечания

¹ Ср. с аналогичным фелинонимом, имеющим иную (семантическую) мотивационную базу: *Персик – окрасом напоминает персик* (с. Троельга).

² В этой связи сравните обнаруженное явление с размышлениями Е. Л. Березович по поводу специфики функционирования в русской культуре имен Иван и Марья: «...в сознании современного носителя русского языка Иван и Марья – ‘некий мужчина’ и ‘некая женщина’, ‘мужчина и женщина вообще’, ‘имярек’ <...> Обозначения *иван* и *марья* как бы перестают быть собственными именами, они существуют до имени – как «протоимена» (Адам и Ева) и вне имени – как родовые понятия. <...> ...имя фактически превращено в местоимение *Иван – Марья = Он – Она*» [Березович 2007: 288, 289].

Список источников (с сокращениями)

КСРГСПК – Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», хранящаяся на кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.

СГСРПО – Словарь говоров Соликамского района Пермской области / сост. О. П. Беляева; под ред. Е. А. Голушковой; Перм. гос. пед. ин-т. Пермь, 1973.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Русинова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2011. Вып. 1.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3 вып. / И. А. Подюков (науч. ред.), Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2010–2012.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л.; СПб.: Наука, 1965. Вып. 1–51.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

Список литературы

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 599 с.

Боброва М. В., Посохина Ю. Ю. Зоонимы Троельжанского сельского поселения Пермского края: производящая лексика // *Филология в XXI в.* 2020. № 2(6). С. 141–148.

Варникова Е. Н. Зоонимы: место в ономастическом пространстве // *Вопросы ономастики.* 2011. № 1(10). С. 51–62.

Гусева Е. В. Традиционные и частотные клички животных в языковой картине мира современного горожанина // *Вестник Московского университета.* Сер. 9. Филология. 2002. № 4. С. 91–104.

Дмитриев Н. К. Собачьи клички у башкир // *Доклады АН СССР.* Л., 1928. Сер. 8, № 15. С. 328–330.

Крюкова И. В. Рекламная зоонимия // *Rozprawy Sławistyczne.* 2011. № 23. S. 123–132.

Мокиенко В. М., Фоякова О. И. Способы названия в зоонимии // *Ономастика Поволжья / отв. ред. В. А. Никонов, Н. Ф. Мокшин.* Саранск, 1976. Вып. 4. С. 317–322.

Мурзин Л. Н. Основы дериватологии: конспект лекций. Пермь: Перм. ун-т, 1984. 56 с.

Поротников П. Т. Из уральской зоонимии // *Восточно-славянская ономастика / ред. А. В. Суперанская.* М.: Наука, 1972. С. 210–250.

Романова Т. П. Общеславянский словарь народной зоонимии // *Вопросы ономастики.* 2017. Т. 14, вып. 3. С. 233–240. doi 10.15826/vopr_onom.2017.14.3.033

Рядченко Н. Г. Зоонимия русская // *Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. О. Н. Трубочёва.* М.: Школа-Пресс, 1994. С. 78–84.

Сироткина Т. А. Прозвища людей и клички животных – общее в номинации // *Бренное и вечное: Проблемы функционирования и развития культуры: тез. докл. и выступл. Всерос. науч. конф. / ред. В. П. Большаков, А. В. Кокин.* Великий Новгород, 2000. Вып. 3. С. 68.

Суперанская А. В. и др. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов; отв. ред. А. П. Непокупный. М.: URSS, 2019. 256 с.

Супрун В. И., Мадиева Г. Б. Развитие ономастической теории в трудах профессора Стефана Вархола // *Rozprawy Sławistyczne.* 2011. № 23. S. 259–270.

Чучка П. П. Слов'янське / неслов'янське в зоонімії Закарпаття // *Українська славістична конференція.* Чернівці, 1964. С. 61–63.

Warchol S. Słownik etymologiczno-motywuacyjny słowiańskiej zoonimii ludowej. T. I–V. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2007–2016.

References

- Berezovich E. L. *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 599 p. (In Russ.)
- Bobrova M. V., Posokhina Yu. Yu. Zoonimy Troel'zhanskogo sel'skogo poseleniya Permskogo kraia: proizvodyashchaya leksika [Zoonyms of Troelga rural settlement, Perm region: Producing vocabulary]. *Filologiya v 21 veke* [Philology in the 21st Century], 2020, issue 2(6), pp. 141–148. (In Russ.)
- Varnikova E. N. Zoonimy: mesto v onomasticheskom prostranstve [Zoonyms: a place within the onomastic space]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2011, issue 1(10), pp. 51–62. (In Russ.)
- Guseva E. V. Traditsionnye i chastotnye klichki zhivotnykh v yazykovoy kartine mira sovremennogo gorozhanina [Traditional and frequent proper names of animals in the linguistic worldview of the modern city dweller]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology], 2002, issue 4, pp. 91–104. (In Russ.)
- Dmitriev N. K. Sobach'i klichki u bashkir [The Bashkirs' dog names]. *Doklady AN SSSR. Ser. 8* [Reports of the Academy of Sciences of the USSR. Series 8]. Leningrad, 1928, issue 15, pp. 328–330. (In Russ.)
- Kryukova I. V. Reklamnaya zoonimiya [Zoonymy in advertising]. *Rozprawy Slawistyczne*, 2011, issue 23, pp. 123–132. (In Russ.)
- Mokienko V. M., Fonyakova O. I. Sposoby nazyvaniya v zoonimii [Methods of naming in zoonymy]. *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga Region]. Ed. by V. A. Nikonov, N. F. Mokshin. Saransk, 1976, issue 4, pp. 317–322. (In Russ.)
- Murzin L. N. *Osnovy derivatologii. Konspekt lektsiy* [Fundamentals of Derivatology. Lecture notes]. Perm, Perm State University Press, 1984. 56 p. (In Russ.)
- Porotnikov P. T. Iz ural'skoy zoonimii [From the Ural zoonymy]. *Vostochno-slavyanskaya onomastika* [East Slavic Onomastics]. Ed. by A. V. Superanskaya. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 210–250. (In Russ.)
- Romanova T. P. Obschcheslavyanskiy slovar' narodnoy zoonimii [All-Slavic dictionary of folk zoonymy]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2017, vol. 14, issue 3, pp. 233–240. doi 10.15826/vopr_onom.2017.14.3.033 (In Russ.)
- Ryadchenko N. G. Zoonimiya russkaya [Russian zoonymy]. *Russkaya onomastika i onomastika Rossii. Slovar'* [Russian Onomastics and Onomastics of Russia. Dictionary]. Ed. by O. N. Trubachev. Moscow, Shkola-Press Publ., 1994, pp. 78–84. (In Russ.)
- Sirotkina T. A. Prozvishcha lyudey i klichki zhivotnykh – obshchee v nominatsii [Nicknames of people and nicknames of animals: common in nominating]. *Brennoe i vechnoe: Problemy funktsionirovaniya i razvitiya kul'tury: tez. dokladov i vystupleniy Vseros. nauch. konf.* [The Perishable and the Eternal: Issues of the Functioning and Development of Culture: Proceedings of the All-Russian scientific conference]. Ed. by V. P. Bol'shakov, A. V. Kokin. Veliky Novgorod, 2000, issue 3, p. 68. (In Russ.)
- Superanskaya A. V., et al. *Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy* [Theory and Methodology of Onomastic Research]. Ed. by A. P. Nepokupnyy. Moscow, URSS Publ., 2019. 256 p. (In Russ.)
- Suprun V. I., Madieva G. B. Razvitie onomasticheskoy teorii v trudakh professora Stefana Varkhola [The development of onomastic theory in the works of Professor Stefan Warhol]. *Rozprawy Slawistyczne*, 2011, issue 23, pp. 259–270. (In Russ.)
- Chuchka P. P. Slovyans'ke / neslovyans'ke v zoonimii Zakarpattya [Slavic / non-Slavic in zoonymy of Transcarpathia]. *Ukrains'ka slavistichna konferentsiya* [Ukrainian Slavic Conference]. Chernivtsi, 1964, pp. 61–63. (In Ukr.)
- Warchoł S. *Słownik etymologiczno-motywacyjny słowiańskiej zoonimii ludowej* [Etymological and Motivational Dictionary of Slavic Folk Zoonyms]. Lublin, Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2007–2016, vols. 1–5. (In Pol.)

**CONTEMPORARY RURAL ZOONYMICON IN THE DERIVATIONAL ASPECT
(on the Material of Zoonyms of One Group of Villages)**

Maria V. Bobrova

**Senior Researcher in the Department of Dialect Lexicography
and Linguogeography of the Russian Language
Institute for Linguistic Studies of the RAS**

9, Tuchkov pereulok, St.Petersburg, 199053, Russian Federation. bomaripgu@yandex.ru

SPIN-code: 5931-0438

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9858-0573>

ResearcherID: Z-1779-2018

Submitted 11.03.2021

The article is devoted to the study of zoonyms functioning in the speech of the inhabitants of Troel'ga rural settlement, Kungur district (Perm Krai). Methodologically, animal names are considered in the article in line with the theory of derivation, that is, as a result of dynamic processes at different levels of the language system. It is necessary to distinguish between nicknames that appeared in the course of zoonymic transformations and those that appeared due to transformations of ready-made lexical means (products of pre-zoonymic transformations). We have found that the first ones form as a result of six types of derivation: word-forming derivation (with the formation of words that are absent in the literary language), lexical and word-forming derivation (with the formation of words that are homonymous to the words of the literary language), lexical derivation (with the use of non-derived words that are absent in the literary language: neologisms and barbarisms), lexical-semantic derivation (with the reinterpretation of the semantics of the generating word), lexical-grammatical derivation (with the functional transformation of the generating word), morphological derivation (with the grammatical transformation of the generating word). The words of the second group are included in the zoonymicon through lexical derivation (using derived and non-derived words of the literary language), lexical-semantic derivation (with semantic transformation of all-Russian words), morphological-syntactic derivation (with a change of the part of speech of all-Russian words). Within these types, certain derivational models are implemented, in particular *k*-suffixation, word convergence based on paronymasia, onymization and transonymization, substantivization, etc. The paper provides a conclusion about a variety of ways of forming modern zoonymicon, about the specificity of some particular derivational models for the given sample.

Key words: onomastics; zoonym; derivation; Perm Krai; Troel'ga rural settlement of Kungur district.

УДК 81'16

doi 10.17072/2073-6681-2021-2-14-24

СРЕДСТВА СВЯЗНОСТИ ИНТЕРРОГАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РОМАНЕ Г. СВИФТА “WATERLAND”

Катерина Юрьевна Гладкова

старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Katerina_G_L@mail.ru

SPIN-код: 9747-1840

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7603-2082>

Статья поступила в редакцию 25.04.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:*Гладкова К. Ю.* Средства связности интеррогативных высказываний в романе Г. Свифта “Waterland” // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 2. С. 14–24. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-14-24**Please cite this article in English as:***Gladkova K. Yu.* Sredstva svyazi interroгатivnykh vyskazyvaniy v romane G. Svifta «Waterland» [Means of Coherence in Interrogative Utterances in ‘Waterland’ by G. Swift]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 2, pp. 14–24. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-14-24 (In Russ.)

Рассматривается проблема взаимосвязи фундаментальных категорий лингвистики – интеррогативности и связности – в художественном тексте. В частности, освещается вопрос о способах репрезентации категории связности в интеррогативных высказываниях, представленных в тексте. Цель исследования – выявление и анализ средств связности в интеррогативных высказываниях на материале романа Г. Свифта “Waterland”. Выбор материала обоснован тем, что интеррогативное высказывание в нем является способом репрезентации глубинного вопрошания как неотъемлемого компонента идейно-эмотивного уровня рассматриваемого художественного текста. Методом направленной выборки была сформирована база данных, включающая 932 интеррогативных высказывания. При анализе материала были использованы методы компонентного, контекстуального, стилистического, синтаксического анализа. В результате было установлено, что интеррогативные высказывания романа реализуют комплекс фонетических, лексических и грамматических средств связности. Было выявлено, что наиболее широко распространенным лексическим средством связности является лексический повтор, который представлен различными разновидностями: полный и частичный, синонимический и антонимический, дейктический, повтор вопросительного местоимения и наречия. К грамматическим средствам связности были отнесены согласование видо-временных форм глаголов, анафора, синтаксический параллелизм, полный и частичный повтор интеррогативного высказывания в контактной позиции, хиазм, использование причастных оборотов и парентезы. Среди фонетических средств связности были выявлены аллитерация и ассонанс, которые вместе с лексическими повторами и различными синтаксическими средствами способствуют ритмизации интеррогативных высказываний. Как показал анализ, выявленные языковые средства реализуются в интеррогативных высказываниях комплексно, что указывает на явную, эксплицированную связность исследуемого художественного текста. Кроме того, помимо связности они также реализуют эстетическую функцию текста, в частности служат актуализации глубинных смыслов, репрезентации эмотивности и образности.

Ключевые слова: интеррогативность; связность; художественный текст; интеррогативное высказывание; средство связности; Г. Свифт.

Разработка понятия «вопросание», или «интеррогативность», в науке, начиная с Античности, связана с осмыслением широкого круга фундаментальных проблем онтологии и гносеологии. В философии его исследование восходит прежде всего к изучению проблемы познаваемости мира: еще древнегреческие и древнеримские мыслители рассматривали вопрос как инструмент получения нового знания о мире – с одной стороны и как средство убеждения собеседника в риторике – с другой. Кроме того, она плодотворно изучена в логике, в особенности в формальной логике, анализирующей различия между вопросом и суждением, и интеррогативной логике, т. е. логике построения поисковых компьютерных систем [Аверьянов 1993; Аристотель 1952; Белнап, Стил 1981; Гадамер 1988; Декарт 1989; Хайдеггер 1998; Hintikka, Harris 1988; Mutanen 2011]. Логико-философские традиции изучения интеррогативности развиваются и в лингвистике, в частности в семантике, стилистике, грамматике, теории речевых актов. С позиций грамматики, например, освещаются вопросы языковой формы вопросительных предложений, которые отличаются от других типов предложения формальными маркерами: интонационный контур, инвертированный порядок слов, наличие вопросительных слов [Виноградов 1975, Пешковский 2001, Шведова 1980]. В рамках семантики и теории речевых актов актуальны проблемы неоднородности плана содержания вопросительных предложений и разнообразия их функций, реализуемых в конкретном речевом акте. Так, функции вопросов принято делить на первичные (собственно запрос информации) и вторичные (выражение побуждения, утверждения, сомнения, несогласия и др.) [Арутюнова 1976; Волошина, Миронова 2017; Кобозева 2000; Логинов 2015; Путина 2021; Остин 1986; Серль 1986]. В функциональной стилистике рассматривается роль интеррогативности в текстах различных функциональных стилей. В научных текстах она трактуется как ментальная деятельность исследователя по выявлению и развертыванию нового знания [Алексеева 2013; Кобелева 2007; Кожина, Дускаева, Салимовский 2008]. Интеррогативность в текстах, принадлежащих к публицистическому функциональному стилю, направлена на реализацию одной из важнейших функций, присущих данным текстам, а именно экспрессивной функции. Вопрос здесь является средством обращения к читателю и концентрации читательского внимания на проблеме, освещаемой в тексте. В официально-деловых текстах вопрос необходим для реализации стилевой черты точности, не допускающей интолкувания [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008]. В текстах художественного стиля ин-

террогативность служит реализации индивидуально-авторской эстетической концепции и характеризуется субъективностью, эмотивностью, экспрессивностью, оценочностью, алогичностью. Функцией вопроса в художественном произведении является воспроизведение динамики эмоционального и мыслительного процесса (внутренней работы мысли) [Ковтунова 1986].

В настоящей статье категория интеррогативности рассматривается в соотношении с категорией связности, также являющейся одной из фундаментальных категорий лингвистики, изучение которой чрезвычайно актуально в современной науке. Под связностью в лингвистике понимается одно из основных свойств текста, характеризующееся синтагматичностью. Исследователями изучается роль связности в аспекте проблемы текстопорождения и текстовосприятия [Белянин 2013; Леонтьев 1997; Мурзин 1974; Мурзин, Штерн 1991; Павлова, Ерофеева 2015; Givón 1993; Meyer 2003], стилистики текста [Гальперин 2006; Солганик 2018], в теории функциональных стилей, где она, в частности, рассматривается как функционально-стилистика семантическая категория [Котюрова 2009, 2011], в теории художественного текста [Лотман 2015; Бабенко, Казарин 2006; Reinhart 1980], в компьютерной лингвистике [Kibble, Power 2004; Görkem, Murat 2020]. Полагают, что в художественном тексте, в отличие от других видов текста, преобладает имплицитная, смысловая связность, которая обычно не эксплицируется разнообразными формальными средствами [Котюрова 2011; Скороходько 1983; Сыров 2005]. Однако, как показал анализ выбранного материала, роман Г. Свифта “Waterland” характеризуется усиленной связностью, репрезентированной на поверхностном уровне целым комплексом языковых средств, которые помимо связности способствуют также реализации эстетической функции художественного текста.

В настоящем исследовании изучается роль интеррогативного высказывания в образовании связности художественного текста на материале романа Г. Свифта “Waterland”. Под интеррогативным высказыванием в лингвистике понимается структурообразующий и функционально значимый компонент категории интеррогативности, выражающий семантику запроса информации [Логинов 2015: 3–4]. Интеррогативный контекст трактуется нами как расширенный контекст, характеризующийся цельностью и связностью и включающий интеррогативное высказывание. Под расширенным контекстом мы понимаем контекст в объеме текстового фрагмента, например сверхфразовое единство, абзац, строфа, тип речи [Комарова 2012: 621].

Исследование было проведено с опорой на методику, предполагающую следующие этапы:

1. Выявление интеррогативных контекстов по параметрам цельности и связности, а также наличия интеррогативного высказывания.

2. Анализ средств связности и видов связи интеррогативных контекстов на микро- и на макроуровне.

3. Анализ интеррогативных высказываний как средства связности художественного текста на микро- и на макроуровне.

В ходе исследования были использованы общенаучные методы анализа, синтеза, интерпретации, наблюдения, описания, моделирования, а также собственно лингвистические методы контекстуального, стилистического анализа, анализа актуального членения предложения. В настоящей статье представлены результаты анализа средств связности интеррогативных контекстов в романе Г. Свифта "Waterland" на микроуровне текста.

Анализ показал, что наиболее частотным лексическим средством связности интеррогативных высказываний на микроуровне текста является повтор. Лексический повтор реализуется в своих различных разновидностях: полный лексический повтор, частичный, синонимический и антонимический, дейктический повтор. Помимо формирования связности он служит также созданию эффекта настойчивости вопрошания, выражению смыслов цикличности и замкнутости, характерных для произведения в целом, заострению авторского и читательского внимания на ключевых моментах и событиях романа. Обратимся к следующим примерам:

And what does this question Why imply? It implies – as it surely implies when you throw it at me rebelliously in the midst of our history lessons – dissatisfaction, disquiet, a sense that all is not well. In a state of perfect contentment there would be no need or room for this irritant little word. History begins only at the point where things go wrong; history is born only with trouble, with perplexity, with regret [Swift 2008: 111].

В рассматриваемом интеррогативном контексте реализуется целый комплекс различных лексических повторов. Данный пример демонстрирует использование полного тождественного лексического повтора (*implies, it, history, this, only*), частичного повтора (*imply – implies*), дейктического повтора (*this question Why – it*), парафразы (*this question why – this irritant little word*), рядов контекстуальных синонимов (*dissatisfaction, disquiet; is born, begins; trouble, perplexity*), контекстуальных антонимов (*contentment – trouble*). Выявленный комплекс повторов служит не только связности внутри интеррогативного контекста, но и актуализации важных в пределах мак-

роконтекста произведения смыслов. Например, повтор глагольной формы *imply – implies*, усиленный наречием *surely*, выражает семантику уверенности рассказчика в своем мнении, в том, что, на его взгляд, предполагает вопрос *Why*. Использование рядов контекстуальных синонимов и антонимов способствуют актуализации противоречия, заложенного в семантике вопроса *Why*, формированию антитезы «спокойствие – беспокойство», которая служит актуализации более глубокой в контексте романа антитезы «знание – незнание», репрезентированной в том числе посредством настойчивого использования интеррогативных высказываний, объединенных в целые комплексы и выражающих идею настойчивого вопрошания. Антитеза «спокойствие – беспокойство» поддерживается также использованием эпитетов *perfect (contentment) – irritable, little (word)*. Семантика нестабильности, беспокойства актуализируется рядом однородных дополнений в последнем предложении *trouble – perplexity – regret*, значение которых акцентируется повтором союза *with*. Повтор существительного *history* актуализирует понимание истории как академической дисциплины (*history lessons*) и как мирового исторического процесса, а также поддерживает единство темы «история», являющейся ключевой для романа. В целом в интеррогативном контексте раскрывается значение вопроса *Why* в поиске знания через сомнение, неуверенность и незнание, его роль в понимании исторических событий.

Использование антонимических повторов способствует не только связности интеррогативных контекстов, но и актуализации антитезы, которая в данном романе является одним из эстетических принципов реализации авторской концепции. Рассмотрим следующий пример:

Why this seeking for omens? This superstition? Why must the zenith never be fixed? Because to fix the zenith is to contemplate decline. Because if you construct a stage then the show must go on. Because there must always be – don't deny it – a future [ibid.: 98].

Связность анализируемого интеррогативного контекста также достигается посредством комплекса лексических повторов. Например, выявлено использование повтора указательного местоимения *this*, актуализирующего семантику существительных *omens* и *superstition*, входящих в одно тематическое поле и тем самым обеспечивающих смысловое единство внутри контекста. Повтор вопросительного наречия *why* актуализирует усиленность вопрошания, а повтор союза *because*, во-первых, акцентирует семантику причинности и закономерности, во-вторых, актуализирует семантику ответных повествовательных

предложений, в-третьих, служит связи между последним вопросом и ответами в анализируемом контексте. Повтор модального глагола *must* подчеркивает усиленное значение необходимости, обязательности и уверенности. Частичный повтор глагольной формы *fix – fixed* также способствует внутренней связности контекста и актуализирует семантику остановки, важной в контексте идеи развития и успеха, репрезентированной в данном контексте, например, метафорой *construct a stage – show must go on*, существительными *zenith, future*. Использование контекстуальных антонимов *zenith – decline* в данном контексте способствует созданию антитезы «успех – упадок», а также репрезентации идеи развития, которые важны для всего романа в целом.

Характерным средством связности как внутри интеррогативных высказываний, так и между ними является повтор вопросительных местоимений и наречий, который служит созданию эффекта усиленного, настойчивого, зачастую неразрешимого вопрошания. Обратимся к примеру:

Why does he hang his head and gaze at the ground? Why, returning on these long summer evenings, does he loiter as of old with his motor-bike by the lean-to, tinker with it, whisper to it, as to some chromium-plated confessor? [Swift 2008: 256].

Данный интеррогативный контекст характеризует главного героя Дика Крика, переживающего чувство любви по отношению к Мэри Мэткаф. С формальной точки зрения интеррогативные высказывания представлены простыми вопросительными предложениями, осложненными однородными сказуемыми (*hang, gaze; loiter, whisper, tinker*) и причастным оборотом (*returning on these long summer evenings*), которые придают контексту динамику и способствуют художественной изобразительности текста. Внутренняя связность микроконтекста достигается за счет использования союзов (*and, as, with*), повтора вопросительного наречия *why*, местоимений *he, it*, частичного повтора *he – his*.

Помимо повтора вопросительных местоимений и наречий в качестве средства связности интеррогативных высказываний используется повтор союзов, который служит выражению логико-сематических отношений в тексте. Проанализируем следующий пример:

'But he loves you?'
'Yes'
'And will you tell him, ever – this husband – whose the child really is?'
'That must be up to me'
'And you will look after him – my son, I mean?'
'If a son it is'
'And he will be the saviour of the world?'
'He will be the savior of the world'
[ibid.: 230].

Данный пример демонстрирует отрывок диалога между двумя героями романа, Эрнестом Аткинсоном и его дочерью Хелен Аткинсон. Связность в данном контексте достигается за счет полного тождественного повтора местоимения *you*, существительных *son, savior, world*; частичного повтора *he – him*; местоименного повтора *he – him – this husband, him – my son – he*; контекстуальных синонимов *child – son – the savior (of the world)*. Повтор союза *and* служит связи между вопросительными репликами и демонстрирует логику развития рассуждения героя. Он способствует созданию эффекта нарастания эмоционального напряжения, репрезентации динамики диалога, которая также подчеркивается достаточно краткими и емкими ответными репликами. Создается впечатление, что союз *and* служит не для связи между репликами обоих героев, что характерно для диалога, а для присоединения вопросительных реплик друг к другу, что поддерживается также единством образа ребенка, о котором идет речь в диалоге и который репрезентирован лексическим рядом *the child – my son – the savior of the world*.

Таким образом, анализ языкового материала позволил сделать вывод о реализации в интеррогативных высказываниях комплекса лексических повторов, которые в целом служат как связности интеррогативных высказываний, так и актуализации их семантики.

В результате анализа помимо лексических средств связности интеррогативных высказываний на микроуровне были выявлены также грамматические средства, например: согласование грамматической семантики глаголов, анафора, синтаксический параллелизм, полный и частичный повтор интеррогативного высказывания, хиазм, осложненность и неполнота синтаксических конструкций. Проанализируем более подробно каждое из обозначенных средств. Обратимся к примеру, в котором согласование видо-временной семантики глаголов служит грамматическим средством связности интеррогативного контекста:

We ask: Why did this corpse come to be a corpse? Answer: By accident – or because on a certain day in Paris a certain guillotine was descending, Louis XVI happened to have his neck on the way [ibid.: 112].

В рассматриваемом интеррогативном контексте продемонстрирована роль временных форм глагола в репрезентации двух временных пластов произведения, прошлого и настоящего, и их взаимодействия. Так, глагол *ask*, использованный в настоящем простом времени, соотносит нас с временным планом настоящего, в котором рассказчик повествует аудитории слушателей (уче-

ников) историю своей жизни. Глагольные формы прошедшего простого и прошедшего длительно-го времени *did... come to be, happened to have was descending* отсылают читателя к описанию исторического прошлого, прошедших событий мировой истории, что поддерживается упоминанием конкретных мест (*Paris*), исторических личностей (*Louis XVI*), времени (*on a certain day*).

Взаимосвязь временных контекстов, в которых разворачиваются события романа, может быть продемонстрирована также следующим примером:

Yet why, you may ask, did the Cricks rise no further? [Swift 2008: 24]

В данном интеррогативном высказывании глагольная форма во вводной конструкции *may ask* служит для обозначения настоящего временного контекста, в то время как глагольная форма, использованная собственно в вопросе (*did... rise*), соотносит нас с событиями прошлого. Оба интеррогативных контекста, проанализированные выше, представляют собой примеры несобственно-прямой речи, что также способствует репрезентации рассуждения рассказчика, выражению диалогичности текста и единству временных контекстов романа.

Анализ показал использование частичного и полного повтора интеррогативного высказывания в качестве синтаксического средства связности. Проанализируем следующий пример:

Why are the Fens flat? [ibid.: 21]

Why are the Fens flat? So God has a clear view... [ibid.].

Рассматриваемый контекст репрезентирует воспоминание рассказчика о диалоге между ним, ребенком, и его отцом. Повтор вопросительного предложения служит не только для создания связности в пределах ближайшего контекста, но и для актуализации семантики, заложенной в вопросе. Значение вопрошания о сути вещей, о причине происходящего, причине мироустройства, в данном случае в пределах Фенов – места, где живут герои произведения, является важной смысловой составляющей в рамках романа.

Повтор интеррогативного высказывания характерен для диалогов между героями, где этот прием не только способствует связности в пределах микроконтекста, но и актуализирует функцию вопросительного предложения, например, переспрос, уточнение, выражение эмоционального состояния. Например в интеррогативном контексте *'Hey, Mary, aren't you going to?'* *'Aren't you going to play the game? Aren't you?'* [ibid.: 193] частичный синтаксический повтор *aren't you going to – aren't you going to – aren't you*, который во втором предложении выступает как

прием подхвата, служит как связности, так и репрезентации идеи настойчивости побуждения к действию.

Проанализируем далее анафору как синтаксическое средство связи интеррогативных высказываний. Обратимся к следующему примеру:

Who can stop them hissing? Who can curb their unappeasable appetite? And who can stop the hunger in the faces of the crowd who watch, wet their lips, jeer and cheer [ibid.: 269].

Данный пример актуализирует размышления рассказчика относительно одного из событий мировой истории, а именно Французской революции. В главе и в самом интеррогативном контексте репрезентированы рассуждения о смертной казни, которая была нередким явлением в этот исторический момент. Ключевым образом, через который транслированы темы смерти, насильственной смерти, наказания, становится образ гильотины, открывающий данную главу. Связность между интеррогативным контекстом и контекстом главы достигается посредством дейктического повтора *guillotines – them, their*, а также полного тождественного повтора глагольной формы *hissing*. Повтор вопросительного наречия *who*, глагола *stop*, анафора *who can*, использование союзной связи между вторым и третьим предложением, а также контекстуальных синонимов *stop – curb, appetite – hunger* способствуют связности в пределах микроконтекста. Прием анафоры в данном контексте способствует не только связности и репрезентации идеи настойчивости вопрошания, но и выражению нарастающего эмоционального напряжения рассказчика, что также достигается посредством приема градации, использования экспрессивной лексики (*unappeasable, jeer, cheer*), рядами однородных сказуемых в третьем предложении.

Перейдем к рассмотрению хиазма как еще одного средства связности, реализуемого интеррогативными высказываниями на синтаксическом уровне текста. Рассмотрим следующий пример:

How many times do we enter Here and Now?

How many times does the Here and Now pay us visits? [ibid.: 66]

Анализируемый интеррогативный контекст раскрывает тему времени, он взят из главы *About the Story-Telling Animal*, посвященной размышлениям рассказчика о месте человека в истории. Использование лексики тематического поля «время» (*now – times*), метафорическое осмысление автором пространства как времени, представленное указательным местоимением *here*, метафорическое осмысление времени как пространства, репрезентированное в глаголе действия *enter*, и как активного деятеля, что актуа-

лизировано в словосочетании *pay visits*, создает семантическое единство внутри микроконтекста. Связь между предложениями достигается за счет повтора указательного местоимения *here* и наречия времени *now*, анафоры и синтаксического параллелизма. Хиазм (*we enter Here and Now – Here and Now pays us visits*) служит не только связности интеррогативного высказывания, но и созданию эффекта алогичности, выражению авторского сомнения по поводу осуществления описываемого события. Авторская ирония, репрезентированная посредством хиазма, актуализирована и самой вопросительной формой предложений, которая служит заострению проблемы, стимулированию развития авторской и читательской мысли. В рамках главы рассматриваемый контекст связан с предложением *For most of the time the Here and Now is neither now nor here* [Swift 2008: 67], которое выступает своеобразным ответом на поставленные вопросы. Мы наблюдаем как формальные средства связности между контекстами (лексические повторы), так и тематическую связь, а также единство стилистического эффекта, поскольку игра слов, используемая в предложении, способствует созданию впечатления алогичности и выражению авторской иронии.

Прием синтаксического параллелизма играет немаловажную роль в образовании связности интеррогативных высказываний на микроуровне. Проанализируем следующий пример:

For what is water, which seeks to make all things level, which has no taste or colour of its own, but a liquid form of nothing? And what are the Fens, which so imitate in their levelness the natural disposition of water but a landscape which, of all landscapes, most approximates to Nothing? [ibid.: 20–21]

Данный интеррогативный контекст демонстрирует параллельный вид связи между первым и вторым вопросительными предложениями, а также между придаточными внутри первого вопросительного предложения. Параллельная связь в исследуемом примере служит для сопоставления двух базовых концептов произведения: *water* и *Fens*. Сопоставление достигается также за счет выстраивания родовидовых отношений между явлениями художественной действительности (*water – a liquid form of Nothing; Fens – a landscape, which most approximates to Nothing*) и акцентируется синтаксическим параллелизмом двух вопросительных предложений. Связность внутри контекста поддерживается посредством различного вида повторов: полного лексического повтора (*water, which, what, Nothing*), частичного лексико-семантического повтора (*level – levelness, landscape – landscapes*),

дейктического повтора (*water – which – its, Fens – which, their, landscape – which*). Использование соединительного союза *and* в начале второго предложения актуализирует логику развития авторской мысли, динамику перехода от одного описываемого явления к другому и служит как для создания внутренней связности, так и для сопоставления рассматриваемых образов.

Анализ показал использование фонетических средств связности в интеррогативных высказываниях романа, например аллитерацию и ассонанс. Обратимся к анализу следующих примеров:

Do not ghosts prove – even rumours, whispers, stories of ghosts – that the past clings, that we are always going back...? [ibid.: 108]

Данный интеррогативный контекст демонстрирует использование аллитерации глухого фрикративного согласного звука /s/ (*ghosts, stories, whispers, past, ghosts*), звонких фрикративных согласных звуков /z/, /ð/ (*rumours, whispers, stories, that, the, clings, always*), смычных глухих согласных звуков /t/, /p/, /k/ (*ghosts, prove, whispers, stories, ghosts, past, back*), сонорных звуков /n/, /r/, /w/, /l/, /ŋ/ (*not, even, whispers, clings, we, always, going*), звонкого фрикративного согласного /v/ (*prove, even, of*), звонкого смычного согласного звука /g/ (*ghosts, going*). Повтор глухих смычных и фрикративных согласных, а также звонких фрикративных согласных звуков способствует актуализации семантики таинственности, которая выражена на лексическом уровне повтором существительного *ghosts* и существительными *past, stories, whispers, rumours*. Помимо аллитерации в анализируемом примере выявлен прием ассонанса, в частности гласных звуков /o/ – /o:/ (*not, stories, always*), /u:/ (*prove, do, rumours*), /i/ (*whispers, stories, clings*), /i:/ (*we, even*), /eɪ/ (*ghosts, going*), открытых гласных /æ/, /a:/ (*past, back, are*). На лексическом уровне связности внутри интеррогативного контекста способствуют повторы (*ghosts, that*), контекстуальные синонимы (*rumours, whispers, stories*), слова тематического поля «прошлое» (*past, going back*). С синтаксической точки зрения исследуемый пример представляет сложноподчиненное предложение с рядами однородных членов, парентезой, синтаксическим параллелизмом придаточных предложений. Выявленный комплекс языковых средств способствует не только связности внутри контекста, но и созданию определенного ритмического рисунка, а также актуализации семантики вопросительного предложения.

Проанализируем еще один пример, демонстрирующий использование аллитерации и ассонанса в качестве фонетических средств связности интеррогативных контекстов:

*The Great Ouse. Ouse. Say it. Ouse. Slowly.
How else can you say it?* [Swift 2008: 146]

В рассматриваемом интеррогативном высказывании выявлен ассонанс долгого гласного звука /u:/ в слове *Ouse*, обозначающем название реки, ассонанс долгих гласных звуков /u:/ – /ju:/ (*Ouse* – *you*); дифтонга /ei/ (*great, say*). Ассонанс дифтонгов и долгих гласных звуков способствует созданию образа реки, о которой идет речь в данном контексте, а также во всей главе 15 *About the Ouse*. Долгота гласных создает впечатление размеренности, медленного и спокойного течения реки, которое поддерживается семантикой наречия *slowly*, а также прилагательными *slow, sluggish, oozing, quiet, cool, impassive, unmoved*, словосочетанием *minimum tempo*, использованными в ближайшем контексте. Аллитерация глухих и звонких фрикативных согласных звуков /s/, /z/, /ð/ (*the, Ouse, say, slowly, else*), сонанта /l/ (*slowly, else*) акцентируют семантику неторопливости и размеренности, объективированную в образе реки Уз. Повтор названия реки (*Ouse*) наряду с использованием приема парцелляции также акцентируют звуковую характеристику этого слова. Повтор в целом, как на фонетическом, так и на лексическом уровне (*Ouse, say it*), является основным средством связности в данном интеррогативном высказывании.

Рассмотрим другой пример:

Who can stop them hissing? Who can curb their unappeasable appetite? And who can stop the hunger in the faces of the crowd who watch, wet their lips, jeer and cheer [ibid.: 269].

В рассматриваемом интеррогативном контексте аллитерация шумных щелевых глухих согласных /h/, /s/, /f/ (**who, stop, hissing, hunger, faces, lips**), звонких щелевых согласных /z/, /ð/ (**them, their, unappeasable, faces**), смычно-щелевых согласных /dʒ/, /tʃ/ (**jeer, cheer**), глухих и звонких смычных согласных /k/, /t/, /p/, /b/, /d/, /g/ (**can, stop, curb, unappeasable, and, hunger, crowd**) способствует созданию образа гильотин, о которых идет речь в данном примере. Использование шумных глухих согласных звуков создает эффект подражания звуку падающего лезвия гильотины, а также звуку шумной толпы наблюдающих за казнью. Кроме того, повтор вопросительного местоимения *who*, глаголов *can* и *stop*, использование рядов однородных сказуемых в последнем предложении, среди которых близкие по звучанию глаголы *jeer* и *cheer*, способствуют созданию определенного ритмического рисунка в данном контексте.

Анализ показал, что повтор является одним из средств создания ритма в интеррогативных контекстах на микроуровне. Например:

So you want drama? You want action? You want the apocalyptic note? [ibid.: 172]

В рассматриваемом контексте ритм создается за счет повтора односложных местоимения *you* и глагола *want*, который актуализирует семантику – с одной стороны и звучание – с другой, существительных *drama, action* и словосочетания *the apocalyptic note*. Кроме того, ритм в данном примере поддерживается приемом градации *drama – action – the apocalyptic note*. В целом комплекс выявленных средств способствует созданию эмоционального напряжения, драматизма, нарастающей динамики интеррогативного контекста.

Таким образом, анализ показал, что интеррогативные высказывания исследуемого романа реализуют различные языковые средства связности: лексические, грамматические, фонетические. Насыщенность текста выявленными средствами связности, их разнообразие и комплексная реализация позволяют сделать вывод о выраженной, эксплицитной связности изучаемого текста, что нетипично для художественных текстов и, следовательно, определяет его своеобразие. Помимо репрезентации категории связности, изученные языковые средства служат для актуализации глубинных смыслов романа, его идейности, эмотивности и образности, т. е. реализуют эстетическую функцию художественного текста. Полученные в ходе исследования результаты могут быть применены в лингвостилистике, в частности в идиостилистике и стилистике креатива, в функциональной стилистике, в теории художественного дискурса. Также результаты исследования могут внести определенный вклад в теорию связности и интеррогативности и в перспективе способствовать дальнейшему изучению типологии интеррогативности.

Список литературы

- Аверьянов Л. Я. Почему люди задают вопросы? М.: Социолог, 1993. 152 с.
- Алексеева Л. М., Шутёмова Н. В. Типология перевода / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2012. 198 с.
- Аристотель. Аналитики. Л.: Гос. изд-во полит. Лит., 1952. URL: <http://bookre.org/reader?file=63-9912&pg=437> (дата обращения: 10.03.2021).
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 380 с.
- Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник, практикум. М.: Наука, 2006. 496 с.
- Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. М.: Прогресс, 1981. URL: <https://scien>

ter.online/logika-uchebnik-scicenter/logika-voprosov-otvetov-moskva-progress.html (дата обращения: 05.04.2021).

Белянин В. П. Основы психолингвистики. М.: Флинта, 2013. 416 с.

Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 562 с.

Волошина Т. Г., Миронова Г. В. Семантика и прагматика косвенных речевых актов вопросительных конструкций (на материале англоязычных сценарных текстов) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2017. № 3. С. 72–74.

Гадамер Г. Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.

Декарт Р. Правила для руководства ума // *Рене Декарт. Сочинения в 2 т.* М.: Мысль, 1989. Т. 1. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3958> (дата обращения: 15.03.2021).

Кобелева М. А. Категория интеррогативности как атрибут научного текста // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2007. Вып. 1(79). С. 57–61.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 205 с.

Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М.: Наука, 2008. 463 с.

Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. Екатеринбург: Изд-во УРФУ, 2012. 818 с.

Котюрова М. П. Стилистика научной речи: учеб. пособие. Пермь, 2009. 363 с.

Котюрова М. П. Связность речи (как текстовая категория) // *СЭС русского языка / под ред. М. Н. Кожинной.* М.: Флинта, 2011. С. 376–380.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Логинов А. В. Категория интеррогативности в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2015. 40 с.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. СПб.: Азбука, 2015. 374 с.

Мурзин Л. Н. Синтаксическая деривация. Пермь: изд-во Перм. гос. ун-та. 1974. 169 с.

Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1991. 172 с.

Остин Дж. Слово как действие // *Новое в зарубежной лингвистике.* 1986. № 17. URL: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/-source/wordocuments/xvii.htm> (дата обращения: 10.04.2021).

Павлова Д. С., Ерофеева Е. В. Семантическая структура устного спонтанного текста: теоретические и методологические подходы к исследованию // *Вестник пермского университета. Российская и зарубежная филология.* 2015. Вып. 1(29). С. 5–17.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.

Путина О. Н. Функционирование дискурсивных маркеров в диалогическом единстве вопрос-ответ (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2021. 24 с.

Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // *Новое в зарубежной лингвистике.* 1986. № 17. URL: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/-source/wordocuments/xvii.htm> (дата обращения: 20.02.2021).

Скоруходько Э. Ф. Семантические сети и автоматизированная обработка текста. Киев: Наукова думка, 1983. 220 с.

Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. М.: Изд-во ЛКИ, 2018. 232 с.

Сыров И. А. Способы реализации категории связности в художественном тексте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/sposoby-realizatsii-kategorii-svuznosti-v-hudozhestvennom-tekste> (дата обращения: 10.04.2021).

Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998. URL: http://www.odinblago.ru/haideger_prolegomeni/ (дата обращения: 12.03.2021).

Шведова Н. Ю. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. URL: <https://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/funktsionalno-semanticheskie-tipyi-voprositelnyi-96649.html> (дата обращения: 15.03.2021).

Шутёмова Н. В. Понятие доминанты в типологии перевода // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология.* 2015. Вып. 3(31). С. 46–51.

Givón Th. Coherence in Text, Coherence in Mind // *Pragmatics and Cognition.* 1993. № 1. P. 171–227.

Görkem G., Murat O. Ü. Assessment of Text Coherence Using an Ontology-Based Relatedness Measurement Method // *Expert Systems.* 2020. Vol. 37, № 3. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/exsy.12505> (дата обращения: 15.03.2021)

Hintikka J., Harris S. On the Logic of Interrogative Inquiry // *Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association.* 1988. Vol. 1. P. 233–240.

Kibble R., Power R. Optimizing Referential Coherence in Text Generation // *Computational Linguistics.* 2004. Vol. 30, № 4. P. 401–416.

Meyer B. J. Text Coherence and Readability // Language Disorders. 2003. Vol. 23, № 3. P. 204–224.

Mutanen A. The Interrogative Model of Inquiry as a Logic of Scientific Reasoning // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2011. № 3. С. 22–30.

Reinhart T. Conditions for Text Coherence // Poetics today. Vol. 1. № 4. Narratology II: The Fictional Text and The Reader. Durham: Duke University Press, 1980. P. 161–180.

Swift G. Waterland. London: Picador, 2010. 355 p.

References

Aver'yanov L. Ya. *Pochemu lyudi zadayut voprosy?* [Why Do People Ask Questions?] Moscow, Sotsiolog Publ., 1993. 152 p. (In Russ.)

Alekseeva L. M., Shutemova N. V. *Tipologiya perevoda* [Typology of Translation]. Perm, Perm State University Publ., 2012. 198 p. (In Russ.)

Aristotle. *Analitiki* [Analytics]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1952. Available at: <http://bookre.org/-reader?file=639912&pg=437> (accessed 10.03.2021). (In Russ.)

Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy* [Sentence and Its Meaning. Issues of Logic and Semantics]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 380 p. (In Russ.)

Babenko L. G., Kazarin Yu. V. *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika: uchebnik, praktikum* [Linguistic Analysis of Literary Text: Theory and Practice]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 496 p. (In Russ.)

Belnap N., Steel T. *Logika voprosov i otvetov* [The Logic of Questions and Answers]. Moscow, Progress Publ., 1981. Available at: <https://scicenter.online/logika-uchebnik-scicenter/logika-voprosov-otvetov-moskva-progress.html> (accessed 05.04.2021). (In Russ.)

Belyanin V. P. *Osnovy psikholingvistiki* [Foundations of Psycholinguistics]. Moscow, Flinta Publ., 2013. 416 p. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Issledovaniya po russkoy grammatike* [Studies on Russian Grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 562 p. (In Russ.)

Voloshina T. G., Mironova G. V. Semantika i pragmatika kosvennykh rechevykh aktov voprositel'nykh konstruktivnykh (na materiale angloyazychnykh stsensarnykh tekstov) [Semantics and pragmatics of indirect speech acts of interrogative constructions (based on the material of English-language scripts)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2017, issue 3, pp. 72–74. (In Russ.)

Gadamer H. G. *Istina i metod* [Truth and Method]. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p. (In Russ.)

Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 144 p. (In Russ.)

Descartes R. *Pravila dlya rukovodstva uma* [Rules for the direction of the mind]. Descartes R. *Sochineniya v 2 t.* [A collection of works in 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, vol. 1. Available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3958> (accessed 15.03.2021). (In Russ.)

Kobeleva M. A. Kategoriya interroгатivnosti kak atribut nauchnogo teksta [Interrogativity as a category attributed to scientific text]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2007, issue 1(79), pp. 57–61. (In Russ.)

Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic Semantics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000. 352 p. (In Russ.)

Kovtunova I. I. *Poeticheskiy sintaksis* [Poetical Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 205 p. (In Russ.)

Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskiy V. A. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 463 p. (In Russ.)

Komarova Z. I. *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Methodology, Method and Techniques of Research in Linguistics]. Ekaterinburg, Ural Federal University Press, 2012. 818 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P. *Stilistika nauchnoy rechi: ucheb. posobie* [Stylistics of Scientific Discourse: coursebook]. Perm, 2009. 363 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P. Svyaznost' rechi (kak tekstovaya kategoriya) [Coherence of speech (as a textual category)]. *SES russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta Publ., 2011, pp. 376–380. (In Russ.)

Leont'ev A. A. *Osnovy psikholingvistiki* [Foundations of Psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ., 1997. 287 p. (In Russ.)

Loginov A. V. *Kategoriya interroгатivnosti v sovremennom russkom yazyke*. Avtoref. diss. d-ra ... filol. nauk [Category of interrogativity in the modern Russian language. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Tambov, 2015. 40 p. (In Russ.)

Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [Structure of Literary Text]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2015. 374 p. (In Russ.)

Murzin L. N. *Sintaksicheskaya derivatsiya* [Syntactic Derivation]. Perm, Perm State University Press, 1974. 169 p. (In Russ.)

Murzin L. N., Shtern A. S. *Tekst i ego vospriyatie* [Text and Its Perception]. Sverdlovsk, Ural State University Press, 1991. 172 p. (In Russ.)

- Austin J. Slovo kak deystvie [Utterance as an action]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics], 1986, issue 17. Available at: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (accessed 10.04.2021). (In Russ.)
- Pavlova D. S., Erofeeva E. V. Semanticheskaya struktura ustnogo spontannogo teksta: teoreticheskie i metodologicheskie podkhody k issledovaniyu [Semantic structure of oral spontaneous text: Theoretical and methodological approaches to its study]. *Vestnik permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2015, issue 1(29), pp. 5–17. (In Russ.)
- Peshkovskiy A. M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Syntax of the Russian Language from a Scientific Perspective]. Moscow, LRC Publishing House, 2001. 544 p. (In Russ.)
- Putina O. N. *Funktsionirovanie diskursivnykh markerov v dialogicheskom edinstve vopros-otvet (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [The functioning of discourse markers in the dialogical unity question-answer (based on the material of the Russian and English languages. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2021. 24 p. (In Russ.)
- Searle J. R. Kosvennyye rechevye akty [Indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [The New in Foreign Linguistics], 1986, issue 17. Available at: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (accessed 20.02.2021). (In Russ.)
- Skorokhod'ko E. F. *Semanticheskie seti i avtomatizirovannaya obrabotka teksta* [Semantical Nets and Automated Text Analysis]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1983. 220 p. (In Russ.)
- Solganik G. Ya. *Sintaksicheskaya stilistika* [Syntactic Stylistics]. Moscow, LKI Publ., 2018. 232 p. (In Russ.)
- Syrov I. A. *Sposoby realizatsii kategorii svyaznosti v khudozhestvennom tekste*. Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk [Means of realization of the category of text cohesion in literary text. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005. Available at: <http://cheloveknauka.com/sposoby-realizatsii-kategorii-svyaznosti-v-hudozhestvennom-tekste> (accessed 10.04.2021). (In Russ.)
- Heidegger M. *Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni* [Prolegomena to the History of the Concept of Time]. Tomsk, 1998. Available at: http://www.odinblago.ru/haideger_prolegomeni/ (accessed 12.03.2021). (In Russ.)
- Shvedova N. Yu. *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1980, vol. 2. Sintaksis [Syntax]. Available at: <https://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/funktsionalnosemanticheskie-tipyi-voprositelnyi-96649.-html> (accessed 15.03.2021). (In Russ.)
- Shutemova N. V. Ponyatie dominanty v tipologii perevoda [The notion of dominant in typology of translation]. *Vestnik permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2015, issue 3(31), pp. 46–51. (In Russ.)
- Givón Th. Coherence in text, coherence in mind. *Pragmatics and Cognition*, 1993, issue 1, pp. 171–227. (In Eng.)
- Görkem G., Murat O. Ü. Assessment of text coherence using an ontology-based relatedness measurement method. *Expert Systems*, 2020, vol. 37, issue 3. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/exsy.12505> (accessed 15.03.2021). (In Eng.)
- Hintikka J., Harris S. On the logic of interrogative inquiry. *Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*, 1988, vol. 1, pp. 233–240. (In Eng.)
- Kibble R., Power R. Optimizing referential coherence in text generation. *Computational Linguistics*, 2004, vol. 30, issue 4, pp. 401–416. (In Eng.)
- Meyer B. J. Text coherence and readability. *Language Disorders*, 2003, vol. 23, issue 3, pp. 204–224. (In Eng.)
- Mutanen A. The Interrogative model of inquiry as a logic of scientific reasoning. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [RUDN Journal of Philosophy], 2011, issue 3, pp. 22–30. (In Eng.)
- Reinhart T. Conditions for text coherence. *Poetics Today: Narratology II: The Fictional Text and the Reader*, vol. 1, issue 4. Durham, Duke University Press, 1980. pp. 161–180. (In Eng.)
- Swift G. *Waterland*. London, Picador, 2010. 355 p. (In Eng.)

MEANS OF COHERENCE IN INTERROGATIVE UTTERANCES IN 'WATERLAND' BY G. SWIFT

Katerina Yu. Gladkova

Senior Lecturer in the Department of Linguistics and Translation

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. Katerina_G_L@mail.ru

SPIN-code: 9747-1840

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7603-2082>

Submitted 25.04.2021

The paper considers relations between two fundamental linguistic categories, which are interrogativity and text coherence. In particular, the problem of representation of the coherence category in interrogative utterances is being analyzed. The aim of the article is to study the means of coherence used in interrogative utterances in *Waterland* by G. Swift. This novel was chosen to provide material for investigation as it is characterized by explicit interrogation which serves to facilitate cohesion. Based on the text of the novel, we created a database including 932 interrogative utterances. To research the material, the methods of component, contextual, syntactical, stylistic analysis were employed. According to the author's hypothesis, a variety of lexical, grammatical and phonetic means provide coherence of interrogative utterances at microlevel of a literary text. Among the lexical means of coherence presented in the novel under investigation, we found full and partial lexical repetition, repetition of synonyms and antonyms, repetition of interrogative pronouns and adverbs. Among grammatical means of coherence, there are presented full and partial repetition of an interrogative utterance, anaphora, syntactical parallelism, chiasmus, parenthesis, participle clauses and tense agreement of verbs. Among phonetic means of coherence, there were found alliteration, assonance and rhythm. The discovered means of coherence serve to form not only a syntactical but also a semantical unity of a literary text.

Key words: interrogativity; coherence; literary text; interrogative utterance; means of coherence; G. Swift.

УДК 37.017.92: 004
doi 10.17072/2073-6681-2021-2-25-35

РАЗРАБОТКА МЕТОДОЛОГИИ МЕДИАЦИИ ТРАНСДИСКУРСИВНОЙ ПЕРЕДАЧИ ЗНАНИЯ: НА СТЫКЕ КОГНИТИВНОЙ И КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Екатерина Владимировна Исаева

к. филол. н., зав. кафедрой английского языка профессиональной коммуникации

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. ekaterinaisae@gmail.com

SPIN-код: 4468-9991

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1048-7492>

ResearcherID: O-6777-2015

Статья поступила в редакцию 06.04.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Исаева Е. В. Разработка методологии медиации трансдискурсивной передачи знания: на стыке когнитивной и компьютерной лингвистики // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 2. С. 25–35. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-25-35

Please cite this article in English as:

Isaeva E. V. Razrabotka metodologii mediatsii transdiskursivnoy peredachi znaniya: na styke kognitivnoy i komp'yuternoy lingvistiki [Developing a Methodology for Transdiscursive Knowledge Transfer: at the Intersection of Cognitive and Computational Linguistics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 2, pp. 25–35. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-25-35 (In Russ.)

В эпоху современного информационного общества актуальным становится изучение эффективных способов передачи, получения, обработки и хранения знаний. Особую ценность представляет собой специальное знание, формирующееся в процессе профессиональной деятельности, хранящееся в форме онтологии в сознании индивида и репрезентирующееся в виде языка профессиональной коммуникации, терминологий и терминосистем. При этом возрастает роль междисциплинарного общения и коммуникации специального знания, в ходе которых возникает проблема мисрепрезентации специального знания, вызванная несовпадением онтологий коммуникантов. Решением данной проблемы может стать медиация специального знания при его передаче, позволяющая трансформировать исходящее знание с минимальными информационными потерями и высокой степенью усвоения.

В статье представлены результаты проекта, направленного на решение означенной проблемы. В рамках проекта разработана методология медиации знания и создан программный комплекс, позволяющий автоматизировать процесс выявления потенциально близких предметных областей для выбора эффективных лингвистических средств когнитивной медиации.

Новизна исследования заключается в обращении к средствам интеллектуального анализа данных для реализации онтологического и метафорического моделирования.

Разработанная методология медиации специального знания может быть использована для оптимизации профессиональной коммуникации в различных предметных областях, а также при реализации предметного обучения студентов.

Ключевые слова: медиация знания; мисрепрезентация информации; межотраслевая метафора; метафорическое моделирование; онтологическое моделирование; трансдискурсивная передача знания; пересечение онтологий.

Медиация знания как фундаментальная научная задача

Проект направлен на решение проблемы мисрепрезентации информации, возникающей из-за значительных различий в онтологиях (фоновых знаниях) коммуникантов. В ходе научного (профессионального) взаимодействия эти различия препятствуют формированию аналогичных концептуальных метафор, которые могли бы послужить когнитивной основой для усвоения новых знаний. При этом коммуниканты используют языковые средства, в том числе термины и языковые метафоры, являющиеся малоинформативными и даже вызывающими когнитивный диссонанс у собеседника.

В рамках проекта разработана методология медиации научного знания и создан программный комплекс, позволяющий автоматизировать процесс обработки больших текстовых данных с последующим обучением интеллектуальных систем и моделированием компьютерных онтологий. Последние позволяют решить фундаментальные проблемы когнитивного языкознания, такие как моделирование концептуальных, метафорических и семантических и терминологических систем.

Актуальность проблемы медиации знания

Языкознание – отрасль науки, непосредственно связанная со всеми другими отраслями знания, целью которой является изучение языка в различных формах его существования и сферах реализации.

В эпоху современного информационного общества актуальным становится изучение языка с позиции когнитивной лингвистики – инструмента получения, обработки и хранения знаний. Особую ценность представляет собой специальное знание, формирующееся в процессе профессиональной деятельности (в дискурсе), хранящееся в форме онтологии в сознании индивида и репрезентирующееся в виде языка профессиональной коммуникации.

При этом возрастает роль междисциплинарного (трансдискурсивного) общения, в ходе которого возникает проблема мисрепрезентации научной информации, вызванная несовпадением онтологий коммуникантов. В связи с этим актуальным становится вопрос эффективной коммуникации специального знания.

Коммуникация представляет собой двусторонний процесс передачи и усвоения специализированной информации. При этом проблемы в коммуникации знания могут возникнуть как на этапе передачи, так и на этапе усвоения информации. Для повышения эффективности коммуникации необходимо координировать качество

передачи специального знания на языковом уровне так, чтобы оно органично встраивалось в существующую онтологию реципиента, при этом не теряя своей способности быть частью исходной онтологии. Изучение межотраслевых метафор, выявление общих элементов онтологий различных научных отраслей, на которые следует опираться при осуществлении лингвистического сопровождения научной (профессиональной) коммуникации, послужило основой для разработки методологии медиации специального знания. Автоматизация исследования позволила рассмотреть большой объем данных, обобщить и визуализировать результаты исследования. Таким образом, исследование, выполняемое на стыке лингвистики, информационных компьютерных технологий и специализированных предметных областей, представляется нам особенно актуальным.

Эволюция проблемы медиации знания в науке

Изучение принципов профессиональной коммуникации является актуальным аспектом современных исследований в различных предметных областях.

Вопрос об эффективности профессиональной коммуникации не является новым. Первые попытки изучения основного инструмента профессиональной коммуникации – терминологии – предпринимались еще в XVI–XVIII вв.; исследования были направлены на фиксацию терминологии анатомии (А. Везалий, Королевское Общество), химии (А. Л. Лавуазье, К. Л. Бертолле), экономики (И. Бекман), биологии и зоологии.

В конце XIX – начале XX в. начинается деятельность по стандартизации терминологии (IEC, ISO, Nord Term), появляются терминологические теории и практики (например, лексикография языков для специальных целей).

В XX в. изучение языков для специальных целей становится прикладной отраслью лингвистики, важнейший вклад в развитие которой внесли Е. Вюстер, Д. Лотте, А. Реформатский и другие. Внимание к языковым процессам, связи языка и мышления становится толчком для развития когнитивной науки, важнейший вклад в развитие которой внесли такие известные ученые, как Г. Харман, У. Чейф (выявление принципов когнитивной науки), Ч. Филлмор (теория фреймовой семантики), Д. Лакофф и М. Джонсон (теория метафоры и метонимии), Р. Лэнкер (когнитивная грамматика), Э. Рош (теория прототипов). Началом отечественного осмысления когнитивной лингвистики как нового направления исследований стал «Краткий словарь когнитивных терминов», вышедший в свет в Москве

в 1996 г. [Кубрякова 1996]. На базе когнитивной лингвистики формируется когнитивное (гносеологическое) терминоведение, значимую роль в котором играют такие отечественные ученые, как Б. Н. Головин, В. М. Лейчик, Е. С. Кубрякова и др.

Языкознание XXI в. опирается на теоретические основы предшествующих парадигм, развиваясь в когнитивном направлении и углубляясь в концептуальное содержание термина.

Сегодня в рамках этого направления работают такие известные отечественные лингвисты, как Л. М. Алексеева, Н. Н. Болдырев, Е. И. Голованова, В. З. Демьянков, Л. А. Манерко, С. Л. Мишланова, В. Ф. Новодранова, В. Ф. Табанакова и др. Общепризнанным становится положение, что терминология любой области знания или деятельности выступает главным средством хранения, обработки, трансляции и развития концептуальных парадигм в науке: «Центральной проблемой когнитивного терминоведения является проблема соотношения терминосистем... со стоящими за ними структурами специального знания» [Голованова 2013: 13].

Когнитивно-дискурсивное направление терминоведения предлагает комплексное изучение терминологии и позволяет рассмотреть терминологические единицы на лингвистическом, концептуальном и прагматическом уровнях. Такой подход к описанию терминологии согласуется с современными тенденциями ведущих европейских и американских лингвистических школ, представленных работами Л. Барсалоу, Г. Будина, Р. Гиббса, Т. ван Дейка, Г. Пихта, Г. Стейна, П. Фабер, Я. Энберг и др. Один из когнитивно-дискурсивных методов изучения и упорядочивания системы концептов области специального знания – фреймовая терминология (frame-based terminology; термин, введенный П. Фабер [Faber, Linares, Exposito 2005]) – основывается на предположении, что структура языка отражает концептуальную структуру и что понять суть процесса человеческого мышления возможно, используя язык как зеркало этого процесса [Langacker 1987]. При обращении к фреймовой терминологии специальной области знаний в центре внимания оказывается структура концепта. В ней отражается событийная ситуация, и на ее основе генерируется модель наиболее прототипичных для данной области знаний ситуаций, включающих ссылку на участников событий, их типичные состояния и действия.

В настоящее время появилась тенденция привлекать методы точных наук в исследования в гуманитарной сфере, что привело к распространению идей компьютерной лингвистики, в частности, к появлению корпусных исследований,

статистической обработке лингвистических данных, моделированию онтологий и тезаурусов. Например, с помощью инструментов онтологического компьютерного моделирования были реализованы проекты по разработке лингвистической онтологии «Тезаурус РуТез» [РуТез 2016] и лексической базы данных на английском языке “WordNet” [WordNet 2021]. Неотъемлемой частью компьютерной лингвистики становится разработка национальных корпусов, таких как Национальный корпус русского языка, Британский национальный корпус (BNC), Корпус современного американского языка (COCA), Чешский национальный корпус и другие, которые объединяют в себе различные типы письменных и устных текстов, характерных для данного языка (художественных, публицистических, академических, научных, научно-популярных, деловых, разговорных и т. п.), и предлагают разнообразные варианты текстовой разметки (морфологической, синтаксической, акцентной, семантической и др.).

При поддержке РГНФ (проект № 15-04-12015) научным коллективом под руководством К. И. Белоусова разрабатывается Информационная система «Научный центр экспериментальных данных» (база данных и фреймворк экспериментальных лингвистических исследований), предназначенная для извлечения знаний о предметных областях из информационных массивов, включающих текстовые выборки, метаданные, семантические компоненты и семантические поля, частотные, языковые и тезаурусные словари.

В рамках конкурсного проекта (№ 14-06-31143 мол_а) «Тезаурусное моделирование предметной области компьютерной вирусологии с применением нейросетевых технологий для автоматизации разработки онтологий» по гранту РФФИ группа молодых исследователей под руководством Е. В. Исаевой разработала программный комплекс TSBuilder и TSReader, позволяющий оптимизировать способы обработки, систематизации и автоматического обновления терминологической базы конкретной предметной области.

Отметим, что моделирование терминосистемы имеет узконаправленный, прикладной характер исследования, что позволяет использовать его как один из рабочих инструментов в более масштабных проектах, целью которых является решение социально значимых вопросов, таких как, например, оптимизация процессов обучения и научной (профессиональной) коммуникации.

Примером тому могут служить работы таких исследователей, как А. Гангеми, М. Стори и Б. Смит, практикующих разработку онтологий для изучения дискурса и профессиональной коммуникации. В частности, Алдо Гангеми (Aldo

Gangemi), профессор Парижского университета Париж 13, занимается решением проблемы множественной интерпретации дискурсивных единиц (полисемией) при передаче знаний. Решение проблемы полисемии он находит в выявлении онтологических схем (шаблонов), которые представляют собой «ситуации», построенные по онтологическому принципу. Таким образом, каждая единица принадлежит и дискурсу, и онтологии. Ограничением данной модели является ее статичный характер, не отражающий процесс коммуникации и только регистрирующий местоположение единицы. Маргарет-Анн Стори (Margaret-Ann Storey), профессор Викторианского университета Канады, исследует когнитивные процессы, поддерживающие совмещение онтологических знаний с их графическим представлением, выявляет оптимальные формы графического представления онтологий. М. Стори решает проблему графического отражения изменения онтологии в результате анализа данных и графической репрезентации эволюции онтологии. В своих работах исследователь косвенно касается вопроса соотношения онтологии и дискурса посредством анализа передачи знаний и онтологии.

Барри Смит (Barry Smith), профессор Университета штата Нью-Йорк, Буффало, США, исследует принципы построения онтологий, холистический подход к построению онтологий и их зависимость от среды (environments) и контекста. Исследователь решает задачи унифицированного описания языковых единиц медицинского дискурса для повышения эффективности профессиональной коммуникации и ее компьютеризированной обработки. В качестве решения проблемы Б. Смит предлагает метод построения онтологии, отражающей все особенности терминологических связей. Недостатком теории, по нашему мнению, является то, что в модели учитываются только философские, но не лингвистические свойства дискурса.

Вопрос о роли метафоры в профессиональной коммуникации также неоднократно поднимался как отечественными лингвистами (Л. М. Алексеевой, Л. А. Манерко, С. Л. Мишлановой, В. Ф. Новодрановой, А. П. Чудиновым), так и зарубежными (А. Дейнан, Т. Креннмайр, Дж. Лакоффом, Дж. Литтлмор, З. Кевечес, Е. Семино). Метафора при этом рассматривается как «когнитивный механизм, в котором одна понятийная область частично переносится на другую понятийную область, понимаемую через призму первой» [Исаева 2013: 8], репрезентирующийся в виде терминов-метафор на языковом уровне и «совмещенных» ментальных моделей двух различных областей (Источника и Цели) на концептуальном уровне. Когнитивный потенциал метафоры за-

ключается в ее способности моделировать содержание и структуру новых концептов по аналогии с известными концептами.

Стремление автоматизировать лингвистические исследования приводят к разработке «алгоритмизированных» методик изучения метафоры. Так, появились Процедура идентификации метафоры – MIPVU [Pragglejaz Group 2007] и Пятишаговый метод моделирования метафоры [Steen 2007], которые представляют собой последовательность правил, регламентирующих действия по выявлению метафор в тексте и моделированию концептуальной метафоры. При этом вопрос автоматизации выявления метафоры до сих пор остается открытым, программное обеспечение для компьютерной идентификации метафоры не разработано, вопрос об автоматизированной медиации (адаптации специального знания) в целях оптимизации профессиональной коммуникации также остается открытым.

Медиация знания: цели и задачи проекта

Опираясь на запрос современного общества в оптимизации передачи и усвоения специального знания, мы поставили перед собой цель разработать методологию медиации специального знания при его трансдискурсивной передаче, т. е. передаче от эксперта к неэксперту.

Для достижения означенной цели были поставлены и решены следующие задачи:

- критический анализ дискурсов ряда предметных областей (компьютерной безопасности, физики, химии, биологии, юриспруденции и др.);
- контент-анализ терминологии представленных выше предметных областей;
- анализ существующих программных средств и переработка/разработка программного комплекса для автоматизированного построения онтологий предметных областей;
- разработка программного комплекса для выявления пересечения онтологий предметных областей;
- разработка программного комплекса для автоматизированной идентификации межотраслевых метафор;
- определение закономерностей трансформации специального знания при его передаче;
- описание методики трансформации специального знания с минимальными потерями концептуального содержания сообщения в коммуникации типа эксперт – неэксперт.

Научная новизна решения проблемы медиации знания

Научная новизна проекта заключается в попытке разработать методологию лингвистической медиации специального знания по аналогии

с алгоритмом работы самовосстанавливающегося цифрового Кода Хэмминга, позволяющим контролировать полноту передачи сообщения за счет обнаружения и устранения избыточности и назначения контрольных единиц, дающих возможность выявить ошибки, возникающие при передаче через каналы связи с помехами.

Современным является использование критического дискурсивно-онтологического анализа данных для изучения коммуникации знания и разработки инновационной методики автоматизированной идентификации метафоры в тексте. В когнитивной лингвистике впервые используются средства интеллектуального анализа данных для выявления межотраслевых связей и метафор.

Проект актуален в условиях развития современного информационного общества, в котором особое значение имеют своевременность передачи/получения информации и полнота усвоения специального знания. При этом процесс передачи и усвоения нового специального знания в значительной степени опирается на когнитивный механизм метафоры, заключающийся в познании свойств нового понятия (объекта реальности) через выявление его онтологических свойств (связей) с уже известным понятием (объектом реальности). В связи с этим все больше отечественных и зарубежных ученых-когнитологов стремятся глубже изучить механизм действия метафоры и найти пути ее применения в целях намеренного когнитивного воздействия, например: в обучении – для улучшения запоминания, в литературе – для передачи авторского замысла, в политике – для трансляции идеологии и управления массовым сознанием. В данном ключе наше исследование следует рассматривать как стремление найти пути воздействия на сознание адресата научной (профессиональной) коммуникации в целях повышения степени усвоения передаваемой информации и минимизации искажения при ее передаче.

Пути решения проблемы медиации знания

Основным методом исследования является критический дискурсивно-онтологический анализ данных, включающий в себя лексико-семантический анализ текстов, определение институционального вида и функционального типа дискурса, тезаурусное моделирование, онтологическое моделирование предметной области, соотношенной с дискурсом.

В рамках данного проекта критический дискурсивно-онтологический анализ данных предполагает выполнение следующих аналитических действий:

1. *Корпусный анализ текстов различных предметных областей.* Данный вид работы включает

в себя применение аналитических инструментов электронных корпусов текстов, таких как Корпус современного американского языка (Corpus of Contemporary American English) [COCA 2021], Британский национальный корпус (British National Corpus) [BNC 2021], Национальный корпус русского языка [НКРЯ 2021], для создания конкордансов (электронной коллекции текстов), категоризованных по видам и типам дискурса, выделения ключевых слов для каждого конкорданса, семантического анализа выделенных ключевых слов, определения семантических ролей ключевых слов в контексте (агент, контрагент, объект, инструмент и т. д.) согласно классификации Ч. Филмора [Fillmore 1982].

2. *Тезаурусное моделирование терминосистемы предметной области.* Выполняется на основе идентифицированных ключевых слов, предполагает совместную работу терминологов, лексикографов и экспертов в научных предметных областях по определению терминологического статуса выявленных ключевых слов, классификацию терминов по разделам отраслей знания, определение семантических связей терминов.

На основе полученных контрольных образцов выполняются автоматизированная идентификация терминов в научных (специальных, отраслевых) текстах, автоматизированный семантический анализ и классификация терминологии с использованием программы "TSBuilder" (свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2016612898), разработанной коллективом в результате работы по Конкурсу инициативных научных проектов, выполняемых молодыми учеными. РФФИ 01.01.2014 – 31.12.2015 «Тезаурусное моделирование предметной области компьютерной вирусологии с применением нейросетевых технологий для автоматизации разработки онтологий».

3. *Интеллектуальный анализ данных (интеллектуальный анализ текстов различных предметных областей, интеллектуальный анализ тезаурусов).* В проекте использованы инструменты интеллектуального анализа, незаменимые для обработки большого объема смешанных и гетерогенных данных. Такой вид обработки материала используется для получения информации о речевой (анализ словоупотреблений) и социальной активности пользователя (анализ гиперссылок, графов и социальных сетей), извлечения знаний из текстов (контент анализ текстов), изучения содержания фоновых знаний и ожиданий пользователя (анализ поисковых запросов). В рамках проекта проанализированы тексты, отобранные на этапе корпусного анализа, для выявления их концептуального содержания и

определения семантических связей терминов научной предметной области.

4. *Компьютерное моделирование онтологий предметных областей и визуализация их пересечений.* По результатам интеллектуального анализа реализовано формализованное описание семантики данных и предметных областей с определением узлов (ключевых понятий, выражаемых терминами) и коннекторов (семантических связей и отношений).

Для решения задачи визуализации пересечения онтологий предметных областей использованы программные средства для выявления совпадающих узлов онтологий различных научных предметных областей, оценка степени родства (совпадения) онтологий, выявление преемственности терминологий этих областей. В данном проекте для построения графа пересечения онтологий используется библиотека визуализации *arbor.js*, являющаяся библиотекой языка *javascript*. Термины представляют собой вершины графов, семантические связи – ребра графа. Термины кластеризованы в соответствии с предметной областью, которой они принадлежат. Граф показывает пересечение терминологий и семантические внутриотраслевые (интрадискурсивные) и межотраслевые (интердискурсивные) связи терминов, извлеченные из открытого онлайн-ресурса для разработчиков программного обеспечения *Datamuse API* [Datamuse 2021]. Сервис *Datamuse API* построен по принципу корпуса на основе данных *Google Books Ngrams* и *WordNet 3.0*, что свидетельствует о репрезентативности и надежности выборки полученных исследовательских данных. Для текущей версии *TSGraph* был выбран тип семантической связи *means-like* («похож на»).

5. *Концептуальное моделирование онтологии предметной области.* Данный этап представляет собой работу эксперта-когнитолога, связанную с лингвистическим описанием данных, полученных на этапе компьютерного моделирования онтологии предметной области. Задачей инженера-когнитолога является интерпретация терминов, организованных в таксономию, их определений, атрибутов, а также связанных с ними аксиом и правил вывода. Метод включает в себя определение ядерных и периферийных областей онтологии научной предметной области, построение концептуальных фреймов, экспертный анализ семантических, логических и лингвистических связей, представление когнитивных моделей.

На основе данных, полученных на этапе компьютерного моделирования онтологий предметных областей и визуализации их пересечений, эксперт-когнитолог делает выводы о роли метафоризации в познании научной предметной области.

6. *Разработка методологии медиации знания.* Результаты, полученные на всех этапах проекта, были использованы для описания методологии медиации знания посредством автоматизированного онтологического и метафорического моделирования.

Результаты, полученные в ходе реализации проекта

Выводы о существовании межотраслевых метафор – терминов сделаны с учетом когнитивно-дискурсивного подхода к изучению терминологии. Данный подход заключается в понимании дискурса как вербально опосредованной профессиональной деятельности, термина как вербальной репрезентации концепта, сформированного в результате профессиональной деятельности человека (назовем их «отраслевые» концепты), терминологии – как совокупности таких вербальных репрезентаций, т. е. как формализованной концептуальной системы, формирующейся в дискурсе, терминосистемы – как онтологии некоторой отрасли, включающей в себя как «отраслевые» концепты, так и системы их отношений/взаимосвязей и зависимостей. Под межотраслевой метафорой мы понимаем феномен перехода термина, обозначающего «отраслевой» концепт одной предметной области (области-источника), в другую (область-цель) для обозначения другого «отраслевого» концепта с сохранением некоторых ключевых, фреймообразующих признаков, позволяющих проводить параллели между этими концептами и домысливать (достраивать фрейм) недостающими элементами, опираясь на фоновые знания из области-источника.

В качестве примера межотраслевой метафоры приведем термин *muff* (ситуация в американском футболе, когда мяч выпал из рук игрока без вмешательства оппонента, или если было касание мяча без его удержания игроком, который должен был вернуть мяч). Данный термин является весьма информативным для неэксперта в области американского футбола благодаря метафорической основе, апеллирующей к образу человека, движения рук которого ограничены муфтой (*muff*).

В основе методологии медиации междискурсивной коммуникации лежит критический дискурсивно-онтологический анализ данных, который включает следующие методы:

1) критический анализ дискурса в контексте нашего проекта понимается как изучение характерных признаков дискурса, понимаемого в деятельностном ключе; в центре внимания терминология и «отраслевые» концепты; изучение терминологии ведется на различных уровнях языка и коммуникации (концептуальный, лексический,

семантический, морфологический и др. [Isaeva, Burdina 2019];

2) фреймовый анализ дискурса включает в себя моделирование метафорических и семантических фреймов, а также семантико-синтаксических фреймов на основе переосмысленной теории валентности и глубинных падежей Ч. Филмора [Isaeva, Crawford 2019];

3) адаптированная теория связи К. Шеннона для понимания механизма передачи знания, осуществляемого по некоторому каналу связи, с учетом фактора потери и изменения этого знания в процессе передачи; метод позволил выявить универсалии, характерные для целого ряда наук, в том числе математики, радиотехники, лингвистики и философии; в данном ключе коммуникация знания представлена как передача и присвоение части онтологии [Isaeva 2019];

4) деривационный и этимологический анализ терминологии [Isaeva 2019];

5) лексикографический анализ терминологии [Исаева 2018б];

6) онтологический подход к терминологии [Манжула 2019];

7) лингводидактические аспекты медиации при обучении иностранному языку для профессиональных целей [Байбурова, Баранова 2019];

8) критический анализ дискурса в аспекте межкультурной коммуникации и миграции, медиация в контексте миграционной лингвистики [Шустова 2019];

9) корпусный анализ терминологии [Исаева 2018а].

Для решения задачи автоматизации идентификации и категоризации межотраслевых метафор были использованы следующие методы:

1. Интеллектуальный анализ данных был реализован с помощью программного комплекса TSBUILDER (рис. 1) [Bakhtin, Isaeva, Tararkov 2020].

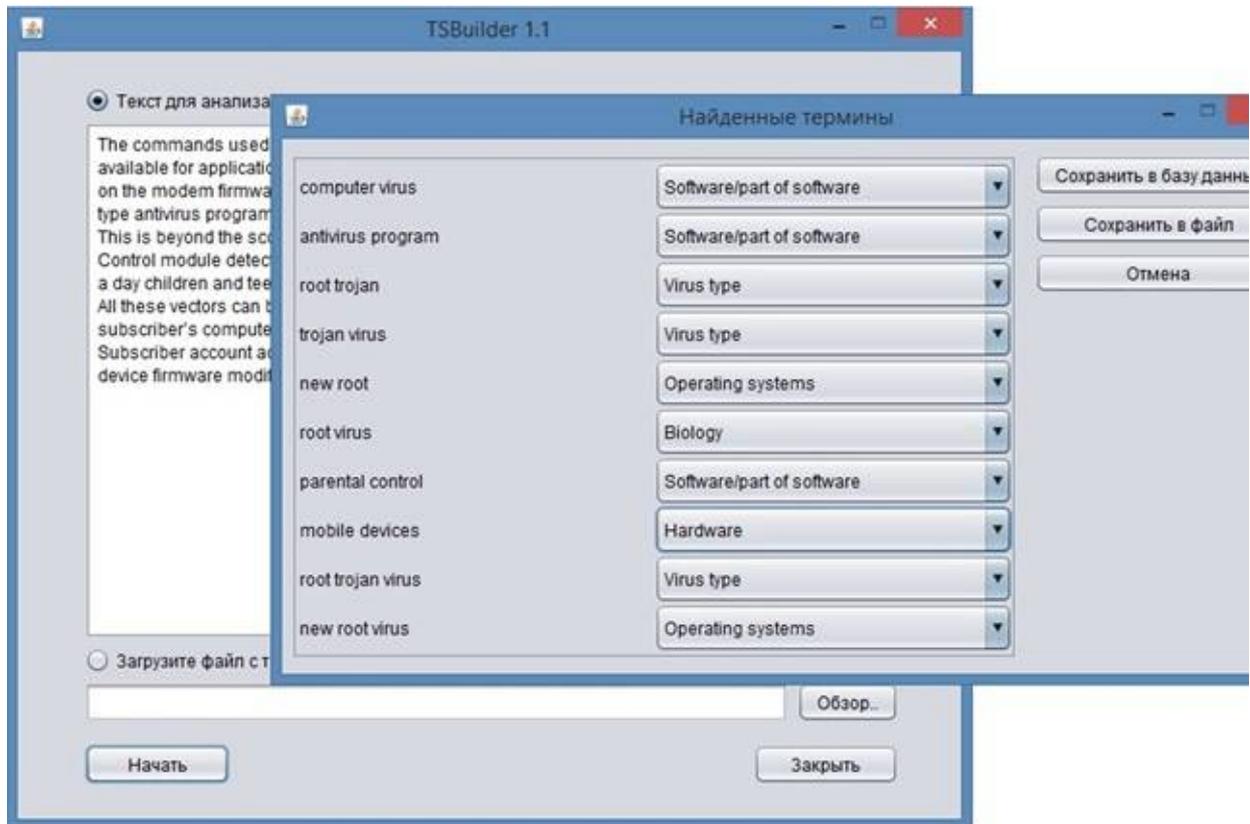

Рис. 1. Окно идентификации терминов в программе TSBUILDER

Fig. 1. Window for the Identification of Terms in TSBUILDER

На рис. 1 изображено окно, представляющее результаты работы программы TSBUILDER: на заднем плане – панель для ввода текста, подлежащего анализу, на переднем плане – всплывающее окно, в котором отображаются идентифицированные в данном тексте термины с автоматизированной категоризацией.

2. Визуализация онтологий реализована с помощью программного комплекса TSBUILDER (рис. 2) для определения семантической близости терминов и установления совпадающих узлов онтологий различных научных предметных областей, оценки степени родства (совпадения) онтологий, выявление преемственности терми-

нологий этих областей [Isaeva, Bakhtin, Tarakov 2020].

На рис. 2 представлен граф, состоящий из онтологий 5 предметных областей: геологии, биологии, химии, компьютерной безопасности и юриспруденции. Граф отражает пересечение онтологий, а также онтологические связи терминов внутри предметных областей (интрадискурсивные связи) и межпредметные связи терминов (интердискурсивные связи).

3. В ходе работы над проектом были приняты первые шаги автоматизации разметки семантических ролей в тексте для специальных целей. Автоматизация семантико-синтаксического анализа текста реализована на основе систем и приложений открытого доступа, построенных на основе библиотек проекта FrameNet [FrameNet 2021]. Программный продукт находится на стадии апробации. Планируется государственная регистрация программы для ЭВМ.

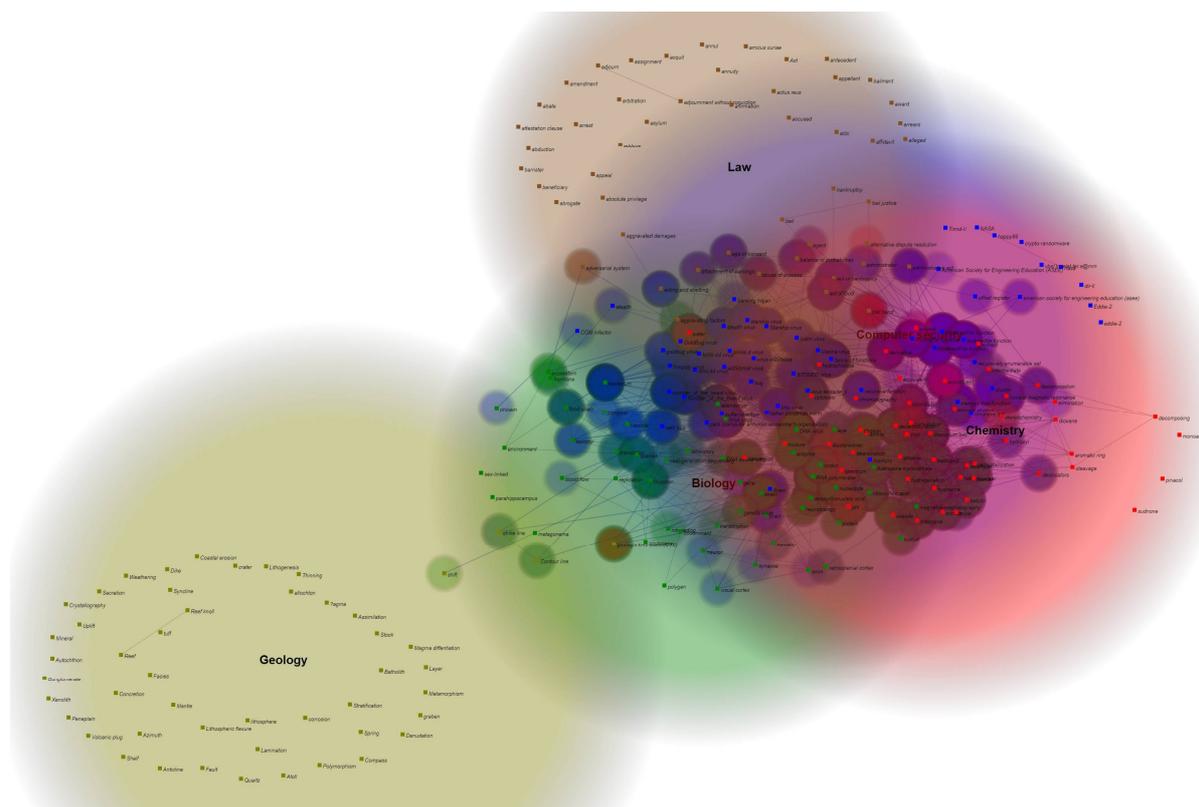

Рис. 2. Окно визуализации пересечения онтологий в программе TSGraph
Fig. 2. Window for Visualization of Ontological Overlapping in TSGraph

Заключение

В статье представлено описание и результаты работы над междисциплинарным проектом «Медиация знания посредством автоматизированного онтологического и метафорического моделирования», реализованным в период 2018–2020 гг. научным коллективом, включившим в себя лингвистов-когнитологов, экспертов предметных областей и программистов-разработчиков. В связи с этим проведенную работу можно представить как комплекс следующих направлений проектной деятельности:

– лингвистический анализ дискурсов различных предметных областей, в том числе дискурсивный, лексико-семантический анализ текстов на английском языке, моделирование терминсистем предметных областей, морфологический, этимологический и синтаксический анализ терминов;

– экспертный анализ терминологий, включивший в себя дефиниционный и контекстный анализ терминопотреблений;

– разработка программных инструментов для автоматизации идентификации и категоризации терминов: парсинг и размещение базы данных на сервере в облачном сервисе SimpleCloud.ru; оптимизация этапа предобработки данных; улучшение алгоритма категоризации терминов.

Теоретическая составляющая проекта заключается в систематизации знания об онтологии как когнитивной основе человеческого мировосприятия и становления профессиональной личности. Коммуникация специального знания была рассмотрена сквозь призму теории связи К. Шеннона, что позволило выявить универсалии, характерные для целого ряда наук, в том числе математики, радиотехники, лингвистики и философии. Рассмотрен сам механизм передачи знания

по некоторому каналу связи с учетом фактора потери и изменения этого знания в процессе передачи. Коммуникация знания была представлена как передача и присвоение части онтологии. Метафора в данном контексте понимается как пересечение областей (доменов) онтологий. В зависимости от дискурса, в рамках которого происходит профессиональная коммуникация, один из доменов выходит на первый план, не утрачивая при этом онтологические связи с другими доменами, которые в этом случае выступают в качестве фоновых знаний, участвуют в процессе концептуализации и способствуют более качественному усвоению новых знаний. Было изучено понятие медиации, определены наиболее актуальные направления и проблемные сферы общественной жизни, для которых медиация могла бы быть полезна, выявлены малоизученные ниши в этой медиации (в частности, медиация в межкультурной профессиональной коммуникации), намечены направления медиационной деятельности и сформулированы основные методы лингвистической медиации.

Эмпирический компонент проекта связан с составлением базы данных терминов различных предметных областей и построением онтологий на основе семантической близости терминов. Кроме того, в практической части проекта было представлено этимологическое и морфологическое описание терминов.

Фундаментальность проекта заключается в обобщении полученных теоретических и эмпирических данных и описании инструментария для автоматизации лингвистических исследований.

Список источников

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. 2021. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 04.04.2021).

РуТез – Тезаурус русского языка РуТез. 2016. URL: <http://www.labinform.ru/pub/ruthes/index.htm> (дата обращения: 04.04.2021)

BNC – British National Corpus. 2021. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 04.04.2021).

COCA – Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 04.04.2021).

Datamuse – Datamuse API. 2021. URL: <http://www.datamuse.com/api/> (дата обращения: 04.04.2021).

FrameNet – FrameNet, 2021. URL: <https://frame-net.icsi.berkeley.edu/fndrupal/> (дата обращения: 04.04.2021).

WordNet – Princeton, New Jersey 08544 USA. URL: <https://wordnet.princeton.edu/> (дата обращения: 04.04.2021)

Список литературы

Байбурова О. В., Баранова И. А. Терминосистемы химической науки в лингводидактическом аспекте // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 4(2). С. 51–60.

Голованова Е. И. Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24(315). С. 13–17.

Исаева Е. В. Диахронический аспект терминологизации лексемы *virus* в английском языке: корпусный анализ // Мир науки, культуры, образования. Филологические науки. 2018а. № 4(71). С. 425–427.

Исаева Е. В. Преемственность терминологий на основе семантизации лексемы *virus* в английском языке // Мир науки, культуры, образования. Филологические науки. 2018б. № 4(71). С. 423–425.

Исаева Е. В. Модели метафоры в дискурсе компьютерной безопасности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2013. 19 с.

Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ, 1996. 245 с.

Манжула О. В. Принципы установления связей в лингвистических онтологиях // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 2. С. 29–34.

Шустова С. В. и др. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики / С. В. Шустова, М. Р. Желтухина, М. В. Дружинина, Е. О. Зубарева, Е. В. Исаева, В. М. Костева, А. С. Черноусова; науч. ред. А. М. Амаатов; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2019. 180 с.

Bakhtin V. V., Isaeva E. V., Tararkov A. V. TSBuil-der 2.0: Improving the Identification Accuracy Due to Synonymy // Proceedings of the 2020 IEEE Conference of Russian Young Researchers in Electrical and Electronic Engineering, EIConRus 2020. P. 225–228. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/9039207>. (дата обращения: 04.04.2021). doi 10.1109/EIConRus49466.2020.9039207.

Faber P., Linares C. M., Expósito M. V. Framing Terminology: A Process-Oriented Approach // Journal des traducteurs / Translators' Journal. 2005. Vol. 50, № 4. doi 10.7202/019916ar

Fillmore Ch. J. Frame Semantics. // Linguistics in the Morning Calm: Selected Papers from SICOL-1981, by The Linguistic Society of Korea. Seoul, Korea: Hanshin Publishing Company, 1982. P. 111–137.

Isaeva E., Burdina O. Transdiscursive term transformation: The evidence from cognitive discursive research of the term 'virus' // Ignasi Navarro i Fer-

rando (Editor), *Current Approaches to Metaphor Analysis in Discourse*. Berlin, Boston: De Gruyter 2019. P. 79–110. doi 10.1515/9783110629460-005

Isaeva E. V., Crawford R. Semantic Framing of Computer Viruses: the Study of Semantic Roles' Distribution // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 1. С. 5–13. doi 10.17072/2037-6681-2019-1-5-13

Isaeva E. Metaphor in Terminology: Finding Tools for Efficient Professional Communication // *Fachsprache*, 2019, 41 (Sp. Issue). P. 65–86. doi 10.24989/fs.v41iS1.1766

Isaeva E., Bakhtin V., Tararkov A. Formal Cross-Domain Ontologization of Human Knowledge // *Information Technology and Systems / Proceedings of ICITS 2020*. Eds. Alvaro Rocha, Carlos Ferrás, Carlos Enrique Montenegro Marin, Víctor Hugo Medina García, 2020, Springer, Cham. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-40690-5_10 (дата обращения: 04.04.2021).

Langaker R. W. *Foundations of Cognitive Grammar*. Stanford: Stanford University Press, 1987. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. 540 p.

Pragglejaz Group. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse // *Metaphor and Symbol*. 2007. № 22(1). P. 1–39.

Steen G. *Finding Metaphor in Grammar and Usage*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. 425 p.

References

Bayburova O. V., Baranova I. A. Terminosistemy khimicheskoy nauki v lingvodidakticheskom aspekte [Term systems of chemical science in the linguodidactic aspect]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 2019, issue 4(2), pp. 51–60. (In Russ.)

Golovanova E. I. Kognitivnoe terminovedenie: problematika, instrumentarii, napravleniya i perspektivy razvitiya [Cognitive terminology: Issues, tools, trends and prospects]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, issue 24(315), pp. 13–17. (In Russ.)

Isaeva E. V. Diakhronicheskiy aspekt terminologizatsii leksemy virus v angliyskom yazyke: korpusnyy analiz [The diachronic aspect of terminologization of the lexeme *virus* in English: Corpus study]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya. Filologicheskie nauki* [The World of Science, Culture and Education], 2018a, issue 4(71), pp. 425–427. (In Russ.)

Isaeva E. V. Preemstvennost' terminologii na osnove semantizatsii leksemy virus v angliyskom yazyke [The continuity of terminologies through the semantization of the lexeme *virus* in English]. *Mir*

nauki, kultury, obrazovaniya. Filologicheskie nauki [The World of Science, Culture and Education], 2018b, issue 4(71), pp. 423–425. (In Russ.)

Isaeva E. V. *Modeli metafory v diskurse kompyuternoy bezopasnosti. Avto-ref. diss. ... kand. filol. nauk* [Metaphor models in the discourse of computer security. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Perm, Perm State University Press, 2013. 19 p. (In Russ.)

Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Ed. by E. S. Kubryakova. Moscow, Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University Press, 1996. 245 p. (In Russ.)

Manzhula O. V. Printsipy ustanovleniya svyazey v lingvisticheskikh ontologiyakh [Principles of establishing relations in linguistic ontology]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 2019, issue 2, pp. 29–34. (In Russ.)

Shustova S. V. et al. *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoy nauchnoy paradigme: mediatsionnye praktiki: monografiya*. [Migration Linguistics in Modern Scientific Paradigm: Mediation Practices: Monograph]. Authors: Shustova S. V., Zheltukhina M. R., Druzhinina M. V., Zubareva E. O., Isaeva E. V., Kosteva V. M., Chernousova A. S. Ed. by A. M. Amatov. Perm, Perm State University Press, 2019. 180 p. (In Russ.)

Bakhtin V. V., Isaeva E. V., Tararkov A. V. TSBuilder 2.0: Improving the identification accuracy due to synonymy. *Proceedings of the 2020 IEEE Conference of Russian Young Researchers in Electrical and Electronic Engineering, EIConRus 2020*, pp. 225–228. Available at: <https://ieeexplore.ieee.org/document/9039207> (accessed 04.04.2021). doi 10.1109/EIConRus49466.2020.9039207. (In Eng.)

Faber P., Linares C. M., Expósito M. V. Framing terminology: A process-oriented approach. *Journal des traducteurs. Translators' Journal*, 2005, vol. 50, issue 4. doi 10.7202/019916ar (In Eng.)

Fillmore Ch. J. Frame semantics. *Linguistics in the Morning Calm: Selected Papers from SICOL-1981*, by the Linguistic Society of Korea. Seoul, Korea, Hanshin Publishing Company, 1982, pp. 111–137. (In Eng.)

Isaeva E., Burdina O. Transdiscursive term transformation: The evidence from cognitive discursive research of the term 'virus'. *Current Approaches to Metaphor Analysis in Discourse*. Ed. by Ignasi Navarro i Ferrando. Berlin, Boston, De Gruyter 2019, pp. 79–110. doi <https://doi.org/10.1515/9783110629460-005> (In Eng.)

Isaeva E. V., Crawford R. Semantic framing of computer viruses: The study of semantic roles' distribution. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019,

vol. 11, issue 1, pp. 5–13. doi 10.17072/2073-6681-2019-1-5-13. (In Eng.)

Isaeva E. Metaphor in terminology: Finding tools for efficient professional communication. *Fachsprache*, 2019, 41 (sp. issue), pp. 65–86. doi 10.24989/fs.v41iS1.1766 (In Eng.)

Isaeva E., Bakhtin V., Tararkov A. Formal cross-domain ontologization of human knowledge. *Information Technology and Systems. Proceedings of ICITS 2020*. Ed. by Álvaro Rocha, Carlos Ferrás, Carlos Enrique Montenegro Marin, Víctor Hugo Medina García, 2020, Springer, Cham. Available at:

https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-40690-5_10 (accessed 04.04.2021). (In Eng.)

Langaker R. W. *Foundations of Cognitive Grammar*. Stanford University Press, 1987, vol. 1 Theoretical Prerequisites. 540 p. (In Eng.)

Pragglejaz Group. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse. *Metaphor and Symbol*, 2007, issue 22(1), pp. 1–39. (In Eng.)

Steen G. *Finding Metaphor in Grammar and Usage*. John Benjamins Publishing Company, 2007. 425 p. (In Eng.)

DEVELOPING A METHODOLOGY FOR TRANSDISCURSIVE KNOWLEDGE TRANSFER: AT THE INTERSECTION OF COGNITIVE AND COMPUTATIONAL LINGUISTICS

Ekaterina V. Isaeva

Head of the Department of English for Special Communication

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. ekaterinaisae@gmail.com

SPIN-code: 4468-9991

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1048-7492>

ResearcherID: O-6777-2015

Submitted 06.04.2021

In the era of modern information society, the study of effective ways of transmitting, receiving, processing, and storing knowledge becomes relevant. Special knowledge, formed in the process of professional activity, stored in the form of ontology in the mind of an individual and represented in the form of the language of professional communication, terminologies, and term systems is of particular value. At the same time, the role of interdisciplinary communication and the communication of special knowledge increases, and the problem of the misrepresentation of special knowledge, caused by the mismatch of communicants' ontologies, arises in the course of this communication. The solution to this problem could be the mediation of special knowledge during its transfer, which allows transforming the outgoing knowledge with minimal information losses and a high degree of assimilation.

This article presents the results of a project aimed at solving this problem of the misrepresentation of special knowledge in the process of interdisciplinary communication. In the framework of the project, the methodology of knowledge mediation was developed, and new software was created to automate the process of term system generation (TSBuilder) and identifying potentially close subject areas for the selection of effective linguistic means of cognitive mediation (TSGraph).

The novelty of the research lies in its interdisciplinary approach to the problem solution and the use of data mining tools for the implementation of ontological and metaphorical modelling.

The developed methodology of special knowledge mediation can be used to optimize professional communication in various subject areas, especially between experts and nonexperts, as well as in the implementation of students' professional learning. The software provided is applicable for both linguistic research and other areas involved in professional communication.

Key words: knowledge mediation; information misrepresentation; interdiscursive metaphor; metaphorical modelling; ontological modelling; transdiscursive knowledge transfer; overlapping ontologies.

УДК 81–13

doi 10.17072/2073-6681-2021-2-36-46

НЕПОДГОТОВЛЕННОЕ ЧТЕНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СПОНТАННОЙ РЕЧИ (о приметах спонтанности в чтении на неродном языке)

Чунься Кун

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. kong.chunxia@mail.ru

SPIN-код: 7661-9044

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9812-1457>

ResearcherID: ABI-2822-2020

Статья поступила в редакцию 26.01.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кун Чунься. Неподготовленное чтение как разновидность спонтанной речи (о приметах спонтанности в чтении на неродном языке) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 2. С. 36–46. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-36-46

Please cite this article in English as:

Kong Chunxia. Nepodgotovlennoe chtenie kak raznovidnost' spontannoy rechi (o primetakh spontannosti v chtenii na nerodnom yazyke) [Unprepared Reading as a Type of Spontaneous Speech (on Signs of Spontaneity in Reading in a Non-Native Language)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 2, pp. 36–46. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-36-46 (In Russ.)

В статье рассматривается неподготовленное чтение на неродном языке, на материале которого выявляются все те приметы спонтанности (ПС), которые традиционно считают неотъемлемыми характеристиками любой спонтанной речи: паузы хезитации, как физические (*l*), так и заполненные неречевыми звуками (*э-э*, *м-м*), обрывы и разрывы слов, скандирование (прочтение по слогам всего слова или его части) и огласовка согласного, паралингвистические явления и звуковые артефакты (цоканье языком, причмокивание, хлюпанье), метакоммуникативные вставки и явления самокоррекции, добавление или пропуск слова. Материалом для анализа послужили 40 монологов чтения сюжетного рассказа М. Зощенко «Рубашка фантази» и несюжетного отрывка из повести В. Короленко «Слепой музыкант», записанных от 20 китайских информантов. Все монологи входят в блок русской интерферированной речи китайцев в составе корпуса монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека». Анализ материала показал, что в каждом фрагменте текста чаще возникает не одна примета спонтанности, а целый комплекс ПС, и вместе они заполняют паузы хезитации, помогают говорящему осуществлять контроль над качеством речи или исправить сказанное и т. д. Кроме того, возникновение в ходе неподготовленного чтения различных ПС тесно связано с индивидуальными характеристиками говорящих/читающих. В целом было установлено, что примет спонтанности больше в речи мужчин (3244 случая; 40,7 %), чем в речи женщин (2049; 27,7 %), в речи информантов с более низким уровнем владения русским языком В2 (2993; 37,9 %), чем в речи информантов с более высоким уровнем С1 (2300; 30,8 %), в речи экстравертов (1521; 38 %), чем в речи амбивертов (1694; 35,2 %) и интровертов (2078; 31,7 %). Что касается типа исходного текста, то примет спонтанности оказалось больше в монологах чтения несюжетного текста, нежели в монологах чтения сюжетного текста (3031 случай; 40,3 vs 2283; 31 %). Главный вывод, который позволяет сделать проведенное исследование, – это признание чтения несомненно спонтанным видом речевой деятельности.

Ключевые слова: спонтанная речь; неподготовленное чтение; приметы спонтанности; хезитационные явления.

Введение

В лингвистике и лингводидактике традиционно выделяют четыре вида речевой деятельности (РД) человека: *говорение* (*Speaking*; устная продуктивная РД), *аудирование* (*Listening*; устная рецептивная РД), *письмо* (*Writing*; письменная продуктивная РД) и *чтение* (*Reading*; письменная рецептивная РД). Эти виды речевой деятельности составляют основу владения языком – родным или иностранным, и проверка именно этих четырех навыков (*skills*) включается во все программы мировых экзаменов по иностранным языкам, в том числе по русскому языку как иностранному (ТРКИ).

Чтение, таким образом, – это восприятие и понимание прочитанного текста, репродуктивный процесс в области письменной речи, в ходе которого читающему приходится фактически декодировать (расшифровывать) письменную речь, порождая монолог-чтение. Процесс такого декодирования неизбежно сопровождается нарушением ожидаемой «гладкости» (*fluency*)¹ речи. Отсутствие «гладкости» (*non-fluency*) можно рассматривать как одну из *примет спонтанности*. Описание таких ПС и стало целью настоящего исследования. Предлагаемый подход к пониманию специфики чтения ставит данную работу в один ряд с целым рядом подобных исследований, выполненных в Санкт-Петербургском государственном университете (см., например: [Степихов 2002, 2003; Сапунова 2009; Хан 2013; Звуковой корпус... 2013; Баева 2018; Чэн Чэнь 2016, 2017, 2018; Богданова-Бегларян, Кун Чунья 2020]).

Материал исследования

Источником материала для настоящего исследования стал корпус русской монологической речи, известный как «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) (см. о нем подробнее: [Звуковой корпус... 2013; Богданова-Бегларян и др. 2019]). САТ включает записи речи носителей русского языка из разных профессиональных групп, а также интерферированной русской речи иностранцев, в том числе блок русской речи носителей китайского языка. Все тексты в САТ построены в рамках 4 типичных коммуникативных сценариев (чтение, пересказ, описание изображения, свободный рассказ на заданную тему). Блок русской речи китайцев содержит по 7 спонтанных монологов от каждого из 20 информантов: 2 текста чтения (сюжетного и несюжетного произведения), 2 пересказа (этих же произведений), 2 монолога-описания (сюжетного и несюжетного изображения) и рассказ (на тему отдыха во время каникул).

Материалом для конкретного исследования стали 40 монологов чтения, записанных от 20 но-

сителей китайского языка – студентов и аспирантов вузов Санкт-Петербурга, в возрасте (на момент записи) 23–28 лет. Состав информантов был сбалансирован по гендеру (10 юношей и 10 девушек) и уровню владения русским языком: 10 человек с уровнем В2 (ТРКИ-2) и 10 – с уровнем С1 (ТРКИ-3), согласно Российской государственной системе тестирования иностранных граждан [Центр языкового тестирования... 2020]. Кроме того, все информанты прошли психологический тест Г. Айзенка (см.: [Eysenk H. J., Eysenk S. V. G. 1964; Личностный опросник... 1995]) на китайском языке [艾森克人格问卷 (EPQ) (成人版) 2020]. В результате в составе информантов было выявлено 9 интровертов, 6 амбивертов и 5 экстравертов. Балансировки в этом отношении достичь, к сожалению, не удалось.

Информанты в ходе записи читали сюжетный рассказ М. М. Зощенко «Рубашка фантази» и несюжетный отрывок из повести В. Г. Короленко «Слепой музыкант». Степень сложности исходных текстов для чтения и понимания была проверена с помощью программы оценки сложности русскоязычного текста для иностранной аудитории, разработанной в Институте русского языка им. А. С. Пушкина [Сервис оценки... 2020]. Согласно этой программе уровень сложности текста М. М. Зощенко соответствует уровню владения русским языком В1²; лексический минимум В2 [Лексический минимум... 2015] покрывает 77 % этого текста, а лексический минимум С1 [Лексический минимум... 2011] – 85 % текста. Уровень сложности несюжетного отрывка из текста В. Г. Короленко соответствует уровню В2; лексические минимумы В1 и В2 покрывают лишь 60 % этого текста, а лексический минимум С1 – 81 % текста. Уже на основе этих данных можно предположить, что чтение несюжетного произведения будет сложнее для информантов и выявит больше примет спонтанности.

О двух типах отклонений от нормы в спонтанной речи

Лингвисты давно заметили, что «устная речь <...> спонтанна, диффузна и, как следствие, богата разного рода *аномалиями* (здесь и далее в цитате курсив автора. – Ч. К.), отклонениями от установленных языковых норм. Такие аномалии становятся предметом изучения либо в *лингводидактике*, прежде всего в практике преподавания русского языка как иностранного, либо в *коллоквиалистике*, описывающей специфику разговорной речи» [Богданова-Бегларян 2021: 1234]. Ср. также: «С точки зрения методики преподавания языков и психолингвистики ошибки дифференцируются на основании причин, по которым

они возникают. Одну группу представляют ошибки, обусловленные незнанием некоторого аспекта языковой системы. Вторая группа – это ошибки, связанные с временным ослаблением внимания и контроля над речью в процессе речевой деятельности» [Тезекбаева 2011: 77]. По мнению исследователей, первый тип ошибок (как правило, в русской речи инофонов) имеет устойчивый характер, и их появление связывают с уровнем владения русским языком того или иного говорящего (сфера *лингводидактики*); ошибки второго типа (прежде всего в речи на родном языке) не имеют устойчивого систематического характера, и связывают их по большей части только со спонтанным характером устного речепорождения (сфера *коллоквиалистики*). Однако спонтанность присуща речи как на родном, так и на неродном языке, поэтому у ошибок обоого типа много общего. Именно второй тип ошибок в чтении китайцев на русском языке и рассматривается в настоящей работе как примета спонтанности. Ошибки первого типа – акцентологические, грамматические, лексические (замены слова или словоформы, квазислова) – к ПС не относятся и в настоящей работе не рассматриваются.

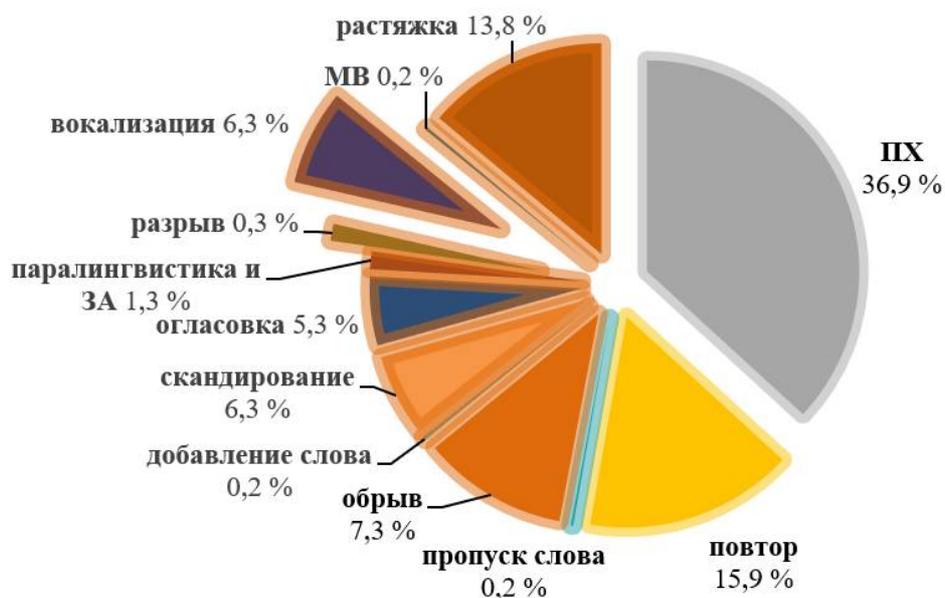
Приметы спонтанности в монологах чтения

К приметам спонтанности устного текста традиционно относят разные хезитационные явления, сопровождающие процесс порождения речи и как осознанного, так и неосознанного контроля над ее качеством. Среди таких явлений называют физические паузы хезитации (ПХ), растяжки

гласных и согласных, вокализацию (неречевые звуки типа э-э, а-а, м-м, ы-н), метакоммуникативные вставки, паралингвистические элементы (смех, вздох, кашель), звуковые артефакты (цоканье языком, причмокивание, хлюпанье и под.), обрывы, повторы и ряд др. (подробный их перечень см. в: [Чэн Чэнь 2018]). Ср. также: «Характерными признаками *любой* (курсив наш. – Ч. К.) неподготовленной речи являются перестройки, добавления, повторы, исправления, осуществляемые непосредственно в акте говорения» [Фонетика спонтанной речи 1988: 144].

Множество примет спонтанности было обнаружено и в монологах неподготовленного чтения носителей китайского языка: всего 5 296 ПС разного типа (см. рисунок).

Вполне ожидаемо наиболее частотными в материале исследования оказались *паузы хезитации* (1 952 случая, 36,9 %). Информант в процессе чтения строит неподготовленный устный монолог, испытывая разные лингвистические или экстралингвистические помехи; чтение на неродном языке затрудняется еще и фактором межъязыковой интерференции. А ПХ (/) как полноценный перерыв в речи, не обусловленный синтагматическим членением текста, дает время для обдумывания и корректного, по мнению говорящего, прочтения очередного фрагмента текста. Часто ПХ (/) возникает и как свидетельство чтения на неродном языке: информант делает паузу, полностью опираясь на знаки пунктуации, а не исходя из реальной привычки чтения носителями языка.

Приметы спонтанности в монологах чтения китайцев
Signs of Spontaneity in Reading by the Chinese

Иногда ПХ (l) появляется также как естественная реакция на прочтение трудного для говорящего слова, ср.:

- 1) *чёрт [их знает [думаю / ну / мало ли кто руками / хватался / за эту рубаху (И11, жен., И, С1, чтение сюж.)*³;
- 2) *она пронЕсла [она пронесла уже свои [льдинЫ / и только по временам / на её поверхности плыли / и таЯли кое-где / последние из них / выделяяси бе-лыми || пятнышкам (И11, жен., И, С1, чтение несюж.)*⁴.

Видно, что ПХ могут встретиться несколько раз даже в одном небольшом речевом фрагменте, если информант, например, имеет особое (этическое) отношение к сказанному слову (*чёрт l*) (1) (см. [Кун Чунься, 2021a]), засомневался в уже прочитанном слове (*пронЕсла l*) или задумывается в поисках правильного произношения слова (*свои [льдинЫ; бе-лыми || пятнышкам*). Из примера (2) видно, что хезитационная заминка может привести говорящего либо к успеху (повтор с коррекцией: *пронЕсла → пронесла*), либо к ошибочному прочтению слова (*льдинЫ, бе-лыми || пятнышкам*).

Далее в рейтинге по убыванию частотности ПС отмечены *повторы* (842; 15,9 %). Во всех случаях это только *повторы-хезитации* (П-Х) (см. о них подробнее: [Русская разговорная речь 1983; Бондаренко 1984; Чэн Чэнь 2018]). Такой повтор обеспечивает говорящему кратковременную передышку для продолжения речи. Кроме того, выступая в роли средства самокоррекции, П-Х дает возможность исправить, если нужно, уже прочитанные единицы. Поэтому целесообразно выделить два типа П-Х: *обычный повтор и повтор с коррекцией* (см.: [Чэн Чэнь 2018]), ср. (единицы, которые далее повторяются, в контекстах подчеркнуты):

- 3) *на-а [поё... [поемных [лугах / стояла вода широкими [лиманами / белые облачка [облачка <со смехом> (И14, жен., А, В2, чтение несюж.);*
- 4) *побежа-л кэ-э [прачку прачке (И12, жен., А, С1, чтение сюж.).*

В примере (3) информанта чем-то смутила словоформа *облачка*⁵: он сделал паузу (l), подумал и повторил форму без всяких изменений, закончив фразу смехом – видимо, надо собой и своими затруднениями, вызванными таким простым словом. В примере (4) видим повтор с коррекцией: в режиме онлайн⁶, практически мгновенно, говорящий исправил падежную форму имени существительного.

В ходе спонтанного речепорождения повторяться может как одно, так и несколько слов; возможны и многократные повторы одной единицы, ср.:

- 5) *стирала / такэ-э сы || сорОка сантимете... а со... сы сы сы сы сорока сантиметров (И13, муж., Э, С1, чтение сюж.);*
- 6) *или такая продукция || или такая продукция / или материал не [сытирают || это ничего (И18, жен., Э, С1, чтение сюж.).*

Как показал анализ материала, повтор чаще контактно (онлайн) следует за повторяемой единицей, причем чаще за обрывом (5), реже – за целостно озвученной единицей (3, 4, 6). Как отмечено в научной литературе, комбинация обрыва и повтора (*операция отмены*) может реализоваться по-разному: отмена бывает «нулевой», «частичной» или «полной» (см. подробнее: [Звуковой корпус... 2013]). В случае «нулевой отмены» информант повторяет оборванную часть и договаривает слово, ничего в нем не меняя (7), в случае «частичной отмены» слово повторяется с некоторой коррекцией (8), а в третьем случае («полная отмена») информант просто бросает неуместно сказанное и читает дальше (9), ср.:

- 7) *земля как будто вздыхала / и что-то подымалось от неё к небу / как клубы [жертвенного [фи... [фимиама (И11, жен., И, С1, чтение несюж.);*
- 8) *что-то [подыха... подымалось / от неё к небу (И15, жен., И, В2, чтение несюж.);*
- 9) *побежал [поскорей кэ-э в... н-н прачке (И14, жен., А, В2, чтение сюж.).*

Иногда повторяется не самое трудное слово или словосочетание, которые предшествуют действительно трудному фрагменту, ср.:

- 10) *что за || что за мать чистая (И12, жен., А, С1, чтение сюж.).*

В примере (10) затруднения у говорящего вызвало устойчивое просторечное выражение *мать честная*⁷, которого информант, по-видимому, просто не знает, поэтому и прочитал неправильно (*мать чистая*). Часто повторы встречаются во время прочтения трудных слов или словоформ, прежде всего длинных или нечастотных, не покрываемых лексическим минимумом С1 и В2 (см. об этом подробнее: [Богданова-Бегларян, Кун Чунься 2020]):

- 11) *после-е службы / зас-кон... [заскОчил я-я [ф магазин (И15, жен., И, С1, чтение сюж.);*
- 12) *за рекой / чернели || р... разопревшие нивЫ // и парили // застилая || реЮющею / колеблЮ... [колеблЮщ... [колеблЮщесь ЛЮ... колеблЮщегося [дымкой дальшие || лАчиги (И20, муж., А, С1, чтение несюж.).*

Из примеров хорошо видно также, что самокоррекция, осуществляемая с помощью повтора, равно как и другие формы самоконтроля говорящего (см., например, об «осторожных» «стратегиях», реализуемых в ходе чтения носителями

китайского языка: [Кун Чунья 2021б]), далеко не всегда приводят к правильному прочтению трудного слова. Часто даже после многократных повторов прочтение слова остается ошибочным (8, 11, 12).

Следующей в рейтинговом списке примет спонтанности идет *растяжка звука* (733; 11,1 %). В материале пользовательского подкорпуса чаще встретились растяжки гласного (709; 96,7 %), реже – согласного (24; 3,3 %). Растяжки зафиксированы как в односложных (*а-а, и-и, я-я*), так и в многосложных единицах (*манжетки-и*). Позиция в слове при этом может быть любая, ср.:

- 13) *рУбушка-а [фантА-Ази* (И11, жен., И, С1, чтение сюж.);
- 14) *слептой МУ-Узыконт* (И12, жен., А, С1, чтение несюж.);
- 15) *взял [о]-[о]т неё-ё рубаху // бегу скорее [переодеваться* (И13, муж., Э, С1, чтение сюж.).

Типичной приметой спонтанности в русской речи китайцев оказался и *обрыв слова* (587; 7,3 %), который можно классифицировать по разным критериям. Так, по количеству реализаций обрыв бывает однократным (16) и неоднократным (17):

- 16) *при... примерил // рос-кошно кар-тин-ка-а // загля-я... [денье* (И13, муж., Э, С1, чтение сюж.);
- 17) *примерил // роскошно // картинка // заглядИ... загляди... заглядИнье* (И11, жен., И, С1, чтение сюж.).

Кроме того, обрыв можно обнаружить и в правильно (18), и в неправильно (19) начатом слове:

- 18) *хотелось какую-нибудь рубашку / покраси... [покраси-ивей [купить* (И18, жен., Э, В2, чтение сюж.);
- 19) *дальше за рЕкой/ чернели / разопрели нивы / и Арили / застилая [реющею [колеблЕющего... [колеблЕющеюся [колеблЮщегося / дымком <со смехом>* (И11, жен., И, С1, чтение несюж.).

Наконец, оборванное слово может быть просто брошено, после чего чтение продолжается (20), а может быть закончено (или повторено), с применением одной из операций отмены (см. о них выше) (21):

- 20) *да как же говорю ничего / это / горло [не с... [ы-н [лезет* (И4, жен., И, С1, чтение сюж.);
- 21) *земля как будто вздыхала / и что-то подымалось от неё к небу / как клубы [жертвенного [фи... [фимиама* (И11, жен., И, С1, чтение сюж.).

Далее следует такая примета спонтанности, как *вокализация*, или вставка неречевых звуков

(*э-э, н-н, и-и*) (388; 6,3 %). Данное явление может встретиться в любом фрагменте речи, даже внутри разорванного или оборванного слова, выступая как невербальное заполнение паузы хезитации. Следует отметить, что подобная ПС отличается от упомянутой ранее растяжки односложного слова, поскольку последняя является полноценной единицей в тексте (союз, предлог, частица). Ср.:

- 22) *э-э мне надо [было / рубашку купить* (И15, жен., И, В2, чтение сюж.);
- 23) *э-э солнце / тихо [катилоси э-э по-о си-и-инем [по синему небу* (И16, муж., А, В2, чтение несюж.).

В ряду примет спонтанности находится также *скандирование*, т. е. прочтение слова или его части по слогам (334; 5,3 %). Обычно скандированию сопутствуют и другие ПС, ср.:

- 24) *за рекой чернели [[разо-прев... н-н зо разопрели [нивы / и-и парили / застилая [реющею [[колеб-лЮ-щаяся э-э колеб-лЮ-щаяся [<вдох> [дымкой* (И14, жен., А, В2, чтение сюж.).

Специфичной для русской речи китайцев оказалась *огласовка согласного* (280; 1,4 %), причем не только конечного, но и находящегося внутри слова⁸, ср.:

- 25) *белые [о]бла... [о]блАчка / отра-ажаясь вы них / вместе сы [опро-ки-нутым [э-э лазурным [свод[о]м / тихо-о [плыли [вы глу-бИне [и-и [э ис-чезали / какэ-э бытно [и-и они [э-э таяли* (И16, муж., А, В2, чтение несюж.);

- 26) *а сверхУ ещё для-я [отвода глаз [[старен... старЕнькую рубашку н-н на-пялил / чтоб без [хамУ-Уства [н было / и победжал на вечеринку // ничего / не-езаметно // сошло [сошло* (И17, муж., И, В2, чтение несюж.).

К приметам спонтанности можно отнести также *паралингвистические элементы* и *звуковые артефакты* (72; 1,3 %)⁹, которые часто носят хезитационный характер, ср.:

- 27) *белые облака / отражаясь в них / вместе с [<мп> о-прок... [кэ опро-кинУ-Утым / лазу-урным сводом / тихо плыл и в глубокой и-и [исчезал* (И12, жен., А, С1, чтение несюж.);
- 28) *охота [был [знаете / <сл> припри... [приличнее [одеться* (И12, жен., А, С1, чтение сюж.);
- 29) *болезне би-и-лОсь / детское сердце // <тс> конец <смех>* (И12, жен., А, С1, чтение несюж.);
- 30) *в нашем дороге [живёт [[э-э Лукерья <кашель> Петровна* (И14, жен., И, В2, чтение сюж.);

- 31) *a сверху ещё два [э-э для [отвода глаз старИ... э-э <глотание> [стрЕн... [старЕнькую рубашку [наля... [наля... э напялИл (И18, жен., Э, С1, чтение несюж.);*
- 32) *примерИл // рос-кошно // н [картинка <со смехом> <вдох> // загляденье <со смехом> (И17, муж., И, В2, чтение сюж.).*

Из примеров (27)–(32) видно, что указанные явления реализуются здесь именно в качестве хезитации. Они маркируют некоторую «осторожность» информантов при подготовке, а затем и в ходе собственно чтения трудных слов или реакцию (эксплицитное сетование) говорящего на трудность уже прочитанного. Видно также, что они практически во всех контекстах встраиваются в ряд других примет спонтанности, уже описанных выше.

В материале пользовательского подкорпуса была обнаружена и такая примета спонтанности, как *разрыв слова* (69; 0,3 %). В отличие от обрыва, разрыв – это разбиение одного слова на две или более части, разделенные, в отличие от скандирования, короткими паузами хезитации, ср.:

- 33) *выбрал // такую не-е.... [бесного цвета / с двум... с двУмя [при-истЕ-ежными [во-рОт-ни-ками (И16, муж., А, В2, чтение сюж.).*

Редким, но интересным, по нашему мнению, оказалось *добавление слова* (16; 0,2 %), которое тоже можно отнести к приметам спонтанности. Часто такое добавление можно объяснить влиянием сочетания (вероятно, более частотного в устной речи (или в текстах и учебниках для иностранцев), хотя это предположение еще нуждается в специальной проверке) конкретных языковых единиц: *не знаете* вм. *знаете* (34), *отражаясь на (чем)* вм. *отражаясь в (чем)* (35), *говорят что* вм. *говорят + прямая речь* (36), ср.:

- 34) *охота [н-н было [не знаете / н-н поприличн... [поприличней [одеться (И15, жен., И, В2, чтение сюж.);*
- 35) *белые облака / отражаясь на [в них вместе сы [опр[о]... [кУнутыми ла-азу-ур... [ными [сведом (И13, муж., Э, С1, чтение сюж.);*
- 36) *прачка говорят // это говорят что-о скажите п... спасибо <вдох> (И12, жен., А, С1, чтение сюж.).*

Не менее интересной приметой спонтанности представляются также *метакоммуникативные вставки* (МВ) в текстах чтения (13; 0,2 %). Такие МВ «обращены говорящим к самому себе или к собеседнику, записывающему речь (экспериментатору), и чаще всего представляют собой сетования информанта на трудность задания, оценку своих способностей выполнить его или разговор с самим собой по ходу реализации этого сцена-

рия (своего рода вставной “текст о тексте”)» [Богданова 2008: 327]. Неподготовленное чтение оказалось достаточно трудным заданием для иностранных учащихся, что и вызвало появление таких МВ.

В материале исследования было выделено 4 типа МВ (см. их типологию в работе [Зайдес 2016]): маркер финала (37), МВ с функцией самокоррекции (38), маркер подтверждения собственных слов (39) и маркер забывания слова или факта (40), ср.:

- 37) *от <вдох> напулыва которых / п болезни би-и-лОсь / детское сердце // зе конец <смех> (И12, жен., А, С1, чтение несюж.);*
- 38) *приходи [говорит / вы [э-э аккурат [перед э-э вече-ри-и-нкой / и [надевал не надевая свою [рубаху (И16, муж., А, В2, чтение сюж.);*
- 39) *на [поемных лугах [лугах да / стояла вода / ши-ро-окими [лим... [лиманами [лимонами [о (И17, муж., И, В2, чтение несюж.)¹⁰;*
- 40) *на горло [не лезёт [не лезет [не лезёт 忘 了 [кит. забыла] (И18, жен., Э, С1, чтение несюж.).*

Встретились в материале исследования и единичные случаи пропуска коротких, чаще служебных, слов, таких как *и, я, а, в, не* (10; 0,2 %), ср.:

- 41) *на [горло (зн?) [лезёт (И13, муж., Э, С1, чтение несюж.) (вм. не лезет);*
- 42) *приходи говорит / а-аккурант / перед вечеринкой (И18, жен., Э, С1, чтение несюж.) (вм. в аккурат);*
- 43) *вот пример [эту-у рубаху / а-а как-то не-е по себе стал (И12, жен., С1, чтение сюж.) (пропущен союз *и*: *и как-то не по себе стало*).*

Такие пропуски логично отнести к приметам спонтанности, поскольку и их можно объяснить «ослаблением внимания и контроля над речью в процессе речевой деятельности» [Тезекбаева 2011: 77] со стороны говорящего.

Корреляции между появлением в монологах чтения примет спонтанности и характеристиками текста и говорящего

Проведенный анализ показал, что примета спонтанности в неподготовленном чтении китайцев очень много. Но далее было интересно посмотреть, какова доля этих единиц от общего количества слов в прочитанных текстах и какова в этом отношении разница между информантами с разными характеристиками. Оказалось, что в целом ПС больше в речи мужчин (3244 случая; 40,7 %), чем в речи женщин (2049; 27,7 %), в речи информантов с уровнем В2 (более низким) (2993; 37,9 %), чем с уровнем С1 (более высо-

ким) (2300; 30,8 %), в речи экстравертов (1521; 38 %¹¹), чем в речи амбивертов (1694; 35,2 %) и интровертов (2078; 31,7 %).

В речи мужчин по сравнению с женщинами наблюдалось меньше паралингвистических элементов и разрывов слов, хотя в целом мужчины сбиваются в ходе чтения чаще, чем женщины. В речи информантов с уровнем В2 обнаружено меньше физических ПХ (*l*), нежели в речи информантов с уровнем С1, тогда как в целом в их речи больше различных примет спонтанности. В речи экстравертов наблюдается меньше скандирования, чем в речи амбивертов и интровертов, хотя в целом экстраверты сбиваются в ходе чтения чаще, чем остальные, в то время как повторов больше всего было зафиксировано в речи амбивертов, хотя их речь оказалась более плавной по сравнению с другими психотипами.

С учетом типа исходных текстов было установлено, что в монологах чтения несюжетного текста, как и ожидалось, ПС больше, чем в монологах чтения сюжетного текста (3031; 40,3 vs 2283; 31 %).

Заключение

Проведенный анализ показал, что в неподготовленном чтении китайцев на неродном русском языке обнаруживается много примет спонтанности, которые часто комбинируются в одном речевом фрагменте. Они возникают прежде всего в связи с общей неподготовленностью данного вида речевой деятельности, хотя имеют место и другие причины: наличие трудных для произнесения, незнакомых или малознакомых слов, слабое владение информанта русским языком, межъязыковая интерференция и проч. Присутствие в речи выявленных примет не случайно, все они используются говорящими для выполнения определенных функций: заполняют паузы хезитации, обеспечивая информанту кратковременную передышку, дают время подумать, контролировать качество речи, в случае необходимости осуществить самокоррекцию и т. д. С другой стороны, наличие примет спонтанности связано и с индивидуальными характеристиками говорящих, позволяет, например, создавать речевые портреты как конкретной языковой личности, так и определенной группы носителей языка. В целом все зафиксированные явления наглядно свидетельствуют о том, что чтение действительно спонтанно и может рассматриваться в одном ряду с другими типами устной спонтанной речи.

Примечания

¹ «Ожидаемость» гладкости речи в ходе чтения объясняет, в частности, подход к этому виду речевой деятельности как к не спонтанной,

а подготовленной речи (см., например: [Борисова 2001: 143–144]). Попытка подвергнуть сомнению справедливость такого подхода и является целью настоящего исследования.

² Согласно стандартам ТРКИ, в Российской Федерации определяется 6 уровней владения языком. Чтобы сдать экзамен, необходимо владеть русским языком на уровне не ниже В: В1 (первый сертификационный уровень) В2 (второй уровень) и С1 (третий уровень). Содержание требований, предъявляемых к учащимся на этих уровнях, таково:

• **В1 / пороговый уровень.** Кандидат может решать основные задачи бытового, учебного и профессионального общения. Чтобы сдать экзамен этого уровня, объем лексического минимума должен достигать 2 300 единиц;

• **В2 / постпороговый уровень.** Кандидат может решать задачи социально-делового и межличностного взаимодействия, свободно понимать информацию из СМИ, пользоваться различными стилями языка. Чтобы сдать экзамен этого уровня, объем лексического минимума должен достигать 5 000 единиц;

• **С1 / уровень компетентного владения.** Кандидат может свободно решать задачи в типичных ситуациях в социально-бытовой, социокультурной и профессиональной сферах общения, пользуясь средствами русского языка разных стилей речи и распознавая скрытые компоненты значений. Кандидат может говорить без подготовки в быстром темпе, не испытывая затруднений с подбором слов и выражений, и активно участвовать в полемическом общении. Гибко и эффективно использовать язык в учебе и профессиональной деятельности. Объем лексического минимума на этом уровне должен достигать 11 000 единиц (см., например: [Центр языкового тестирования... 2020]).

³ В атрибуции к примерам указан номер информанта (И1, И2, ...), его пол, уровень ТРКИ, психотип (И – интроверт, А – амбиверт, Э – экстраверт) и тип исходного текста для чтения – сюжетный или несюжетный. О специальных значках, использованных при расшифровке звучащего материала, см. подробнее: [Чэн Чэн 2018: 154–155]. В частности, знак (*l*) означает физическую паузу хезитации, которая может быть разной длительности: (*l*) – краткая, фактически – запинка говорящего, (*ll*) – более долгая и (*lll*) – сверхдолгая (более 5 с), длительность которой указывается рядом в скобках [там же: 48].

⁴ Прописная буква в слове означает неправильное ударение.

⁵ В лексический минимум для уровня В2 входит только слово *облако*, но не диминутив *облачко* [Лексический минимум... 2015]. Согласно ча-

стотному словарю современного русского языка, частотность слова *облако* составляет 43.099 IPM (instances per million words), а формы *облачко* – только 5.6889 IPM (в 7,6 раза меньше) [Ляшевская, Шаров 2009].

⁶ Вслед за В. И. Подлеской и А. А. Кибриком (см.: [Подлеская, Кибрик 2007]), в работе выделяются две основные стратегии, которые использует говорящий для того, чтобы исправить ошибку или преодолеть речевое колебание: сразу после ошибочного произнесения фрагмента – *онлайн коррекция* – или дистантно, после какой-то новой порции текста, в течение которой говорящий продолжает помнить об ошибке и возвращается к ней, чтобы исправить, – *офлайн коррекция*.

⁷ «*Мать честная!* (*прост.*) – восклицание, выражающее удивление, радость, испуг, злость и т. п.» [МАС 1988: 672].

⁸ Для китайского языка не характерно стечение согласных, которое и разрежается гласной вставкой (см. литературу об этом в: [Чэн Чэнь 2018]).

⁹ В расшифровках материала используются следующие обозначения для звуковых артефактов: <мп> (причмокивание), <тс> (цоканье языком), <сл> (шумное втягивание воздуха, или хлюпанье) [Чэн Чэнь 2018: 154–155].

¹⁰ В примере (39) информант дважды произнес форму *лугах*, засомневался в ударении, но подтвердил его, сказав *да*. Далее он так же попытался прочесть словоформу *лиманами*: первый раз с неправильным ударением, во второй раз реализовал схожую словоформу *лимонами* и после паузы хезитации (*l*) произнес китайскую частицу *да*, звучащую как [o]. Помимо примет спонтанности, это можно отнести и к явлениям межъязыковой интерференции.

¹¹ Процентное отношение было установлено на основе среднего количества примет спонтанности в речи информантов разных психотипов, поскольку по этому параметру состав информантов не был сбалансирован.

Список литературы

Баева Е. М. Хезитационные явления в устных монологах низкой степени спонтанности // Коммуникативные исследования. 2018. № 1(15). С. 75–84.

Богданова Н. В. Разные типы коммуникативных сценариев в спонтанной речи и «текст о тексте» как разновидность вставной конструкции // Русистика и современность: материалы X Международ. науч.-практ. конф. Т. 1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация / ред. И. П. Лысакова. СПб.: МИРС, 2008. С. 326–334.

Богданова-Бегларян Н. В. Ошибка – оговорка – квазислово: размышления о сходствах и разли-

чиях // Наука СПбГУ – 2020: сб. материалов Всерос. конф. по естеств. и гуманитар. наукам с междунар. участием, 24 дек. 2020 г., Санкт-Петербург. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 1234–1235.

Богданова-Бегларян Н. В. и др. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи / Н. В. Богданова-Бегларян, О. В. Блинова, К. Д. Зайдес, Т. Ю. Шерстинова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова; гл. ред. А. М. Молдован. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / отв. ред. вып. В. А. Плунгян. М.: ИРЯ РАН, 2019. С. 111–126.

Богданова-Бегларян Н. В., Кун Чунься. «Стратегии» чтения незнакомого русского слова носителями китайского языка // Социо- и психолингвистические исследования. 2020. Вып. 8. С. 32–39.

Бондаренко Л. П. Пауза колебания и порождение высказывания // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы. Л.: ЛГУ, 1984. Вып. 1. С. 158–166.

Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург: УрГУ, 2001. 408 с.

Зайдес К. Д. Метакоммуникативные вставки в русской устной спонтанной речи на родном и неродном языке // Коммуникативные исследования. 2016. № 3(9). С. 19–35.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллект. монография. Часть 1: Чтение. Пересказ. Описание / ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

Кун Чунься. Слово ЧЁРТ в русской речи китайцев, или О причинах запинок в ходе неподготовленного чтения на неродном языке // Коммуникативные исследования. 2021а. Т. 9, № 2. В печати.

Кун Чунься. Об «осторожных» «стратегиях» прочтения трудных слов (на материале русской речи носителей китайского языка) // Когнитивные исследования языка. 2021б. № 3(46). В печати.

Лексический минимум по русскому языку как иностранному. 2 сертификационный уровень. Общее владение / ред. Н. П. Андриюшина. СПб.: Златоуст, 2011. 164 с.

Лексический минимум по русскому языку как иностранному. 1 сертификационный уровень. Общее владение / ред. Н. П. Андриюшина. СПб.: Златоуст, 2015. 200 с.

Личностный опросник EPI (методика Г. Айзенка) // Альманах психологических тестов / сост. и ред. Р. Р. Римский, С. А. Римская. М.: КСП, 1995. С. 217–224.

Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1112 с.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1988. Т. 4: С – Я. 797 с.

Подлеская В. И., Кибрик А. А. Самоисправление говорящего и другие типы речевых сбоя как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. 2007. Серия 2, № 23. С. 1–39.

Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1983. 240 с.

Сапунова Е. М. Лингвистические особенности неподготовленного чтения как вида речевой деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. Серия 9. Вып. I. Ч. II. С. 161–168.

Сервис оценки сложности русскоязычного текста. URL: <http://pushkin-lab.ru> (дата обращения: 14.11.2020).

Степихов А. А. Грамматические особенности устного текста низкой степени спонтанности // Материалы XXXI Всерос. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. Грамматика (русско-славянский цикл). СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2002. Вып. 17. С. 30–34.

Степихов А. А. Особенности построения устного текста в условиях «несвободы выбора» // Русская филология 14: сб. науч. работ молодых филологов. Тарту: Тарт. ун-т, 2003. С. 281–288.

Тезекбаева Г. А. Спонтанная речь как объект лингвистики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 76–79.

Фонетика спонтанной речи / ред. Н. Д. Светозарова. Л.: ЛГУ, 1988. 245 с.

Хан Н. А. Устные спонтанные монологи разного типа в коммуникативно-дискурсивном аспекте (на материале Звукового корпуса русского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 285 с.

Центр языкового тестирования СПбГУ. URL: <https://testingcenter.spbu.ru/ekzameni/russia/trki.html> (дата обращения: 14.11.2020).

Чэн Чэнь. Русская спонтанная речь на неродном языке: анализ хезитаций (на м-ле русской речи китайцев) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 1(33). С. 53–62.

Чэн Чэнь. Обрыв как хезитационное явление в русской речи носителей китайского языка // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 98–107. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-98-107

Чэн Чэнь. Хезитации в русской устной речи носителей китайского языка: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 205 с.

Eysenk H. J., Eysenk S. B. G. Manual of the Eysenk Personality Inventory. London: Univ. of London press, 1964. 24 p.

艾森克人格问卷 (EPQ) (成人版) [Личностный опросник Айзенка (EPQ) для взрослых]. URL: <https://types.yuzeli.com/survey/epq85> (дата обращения: 14.12.2020).

References

Baeva E. M. Khezitatsionnye yavleniya v ustnykh monologakh nizkoy stepeni spontannosti [Hesitation phenomena in spoken Russian speech of low spontaneity]. *Kommunikativnye issledovania* [Communication Studies], 2018, issue 1(15), pp. 75–84. (In Russ.)

Bogdanova N. V. Raznye tipy kommunikativnykh stsenariiev v spontannoy rechi i ‘tekst o tekste’ kak raznovidnost’ vstavnoy konstruksii [Different types of communication scenarios in spontaneous speech and ‘text about text’ as a variety of parenthetical construction]. *Rusistika i sovremennost’*. *Materialy X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Russian Studies and Modernity. Proceedings of the 10th International scientific and practical conference]. Ed. by I. P. Lysakova. St. Petersburg, MIRS Publ., 2008, vol. 1. *Lingvokul’turologiya i mezhkul’turnaya komunikatsia* [Linguoculture and intercultural communication], pp. 326–334. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V. Oshibka – ogovorka – kvazislovo: razmyshleniya o skhodstvakh i razlichiyakh [Error – slip of the tongue – quasiword: Reflections on similarities and differences]. *Nauka SPbGU – 2020. Sb. materialov Vseros. Konf. po estestvennym i gumanitarnym naukam s mezhdunarodnym uchastiem*, 24 dek. 2020 g. [Science of Saint Petersburg State University – 2020. Proceedings of the All-Russian Conference on Natural Sciences and the Humanities with International Participation, December 24, 2020]. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 2021, pp. 1234–1235. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V., Blinova O. V., Zaydes K. D., Sherstinova T. Yu. Korpus ‘Sbalansirovannaya annotirovannaya tekstoteka’ (SAT): izuchenie spetsifiki russkoy monologicheskoy rechi [Corpus ‘Balanced Annotated Text Library’: Study of the specific features of Russian monologic speech]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. Ed. by A. M. Moldovan. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019, issue 21 *Natsional’nyy korpus russkogo yazyka: issledovaniya i razrabotki* [National corpus of the Russian language: Research and studies]. Ed. by V. A. Plungyan, pp. 111–126. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V., Kong Chunxia. ‘Strategii’ chteniya neznakomogo russkogo slova nositelyami kitayskogo yazyka [Chinese speakers’ ‘strategies’ of reading unfamiliar Russian words]. *Socio- i psikholingvisticheskie issledovania* [Socio- and Psycholinguistic Studies], 2020, issue 8, pp. 32–39. (In Russ.)

Bondarenko L. P. Pauza kolebaniya i porozhdenie vyskazyvaniya [Hesitation pause and utterance generation]. *Eksperimental'no-foneticheskiy analiz rechi: problemy i metody* [Experimental-Phonetic Analysis of Speech: Issues and Methods]. Leningrad, Leningrad State University Press, 1984, issue 1, pp. 158–166. (In Russ.)

Borisova I. N. *Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika* [Russian Conversational Dialogue: Structure and Dynamics]. Ekaterinburg, Ural Federal University Press, 2001. 408 p. (In Russ.)

Zaydes K. D. Metakommunikativnye vstavki v russkoy ustnoy spontannoy rechi na rodnom i nerodnom yazyke [Meta-communicative insertions in Russian oral spontaneous speech of native speakers and foreigners]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 2016, issue 3(9), pp. 19–35. (In Russ.)

Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast' 1: Chtenie. Pereskaz. Opisanie [Sound corpus as material for the analysis of Russian speech. Collective monograph. Part 1: Reading. Retelling. Description]. Ed. by N. V. Bogdanova-Beglaryan. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Press, 2013. 532 p. (In Russ.)

Kong Chunxia. Slovo CHERT v russkoy rechi kitaytsev, ili o prichinakh zapinok v khode nepodgotovlennogo chtenia na nerodnom yazyke [The word CHERT in Russian speech of the Chinese, or about the reasons for stumbling during unprepared reading in a non-native language]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 2021a, vol. 9, issue 2. In print. (In Russ.)

Kong Chunxia Ob 'ostorozhnykh' 'strategiyakh' prochteniya trudnykh slov (na materiale russkoy rechi nositeley kitayskogo yazyka) [On 'cautious' 'strategies' for reading difficult words (based on Russian speech of native Chinese speakers)]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2021b, vol. 46, issue 3. In print. (In Russ.)

Leksicheskiy minimum po russkomu yazyku kak inostrannomu. 2 sertifikatsionnyy uroven'. Obshchee vladenie [Lexical Minimum in Russian as a Foreign Language. 2nd certif. level. General proficiency]. Ed. by N. P. Andryushin. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2011. 164 p. (In Russ.)

Leksicheskiy minimum po russkomu yazyku kak inostrannomu. 1 sertifikatsionnyy uroven'. Obshchee vladenie [Lexical Minimum in Russian as a Foreign Language. 1st certif. level. General proficiency]. Ed. by N. P. Andryushin. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2015. 200 p. (In Russ.)

Lichnostnyy oprosnik EPI (metodika G. Ayzenka) [Eysenck personality inventory EPI]. *Al'manakh psikhologicheskikh testov* [Almanac of Psychological Tests]. Comp. and ed. by R. R. Rimskiy, S. A. Rimskaya. Moscow, KSP Publ., 1995, pp. 217–224. (In Russ.)

Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (based on the material of the Russian National Corpus)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2009. 1112 p. (In Russ.)

MAS – *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Small Academic Dictionary – Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Ed. by A. P. Evgen'eva. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1988, vol. 4, S–Ya. 797 p. (In Russ.)

Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. Samoispnavleniya govoryashchego i drugie tipy rechevykh sbiev kak ob'ekt annotirovaniya v korpusakh ustnoy rechi [Speakers' self-corrections and other types of speech failures as an object of annotation in corpora of oral speech]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsia. Seriya 2* [Scientific and Technical Information Processing. Series 2], 2007, issue 23, pp. 1–39. (In Russ.)

Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest [Russian Colloquial Speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Ed. by E. A. Zemskaya. Moscow, Nauka Publ., 1983. 240 p. (In Russ.)

Sapunova E. M. Lingvisticheskie osobennosti nepodgotovlennogo chtenia kak vida rechevoy deyatelnosti [Linguistic features of unprepared reading as a type of speech activity]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Vestnik of St. Petersburg State University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism], 2009, issue 1, part 2, pp. 161–168. (In Russ.)

Servis otsenki slozhnosti russkoyazychnogo teksta [Service for assessing the complexity of Russian-language texts]. Available at: <http://pushkin-lab.ru> (accessed 14.11.2020). (In Russ.)

Stepikhov A. A. Grammaticheskie osobennosti ustnogo teksta nizkoy stepeni spontannosti [Grammatical features of oral text of a low degree of spontaneity]. *Grammatika (russko-slavyanskiy tsikl): Materialy XXXI Vseros. Nauch.-metod. konf. prepodavateley i aspirantov* [Proceedings of the 31st All-Russian Scientific and Methodological Conference of Teachers and Postgraduates. Grammar (Russian-Slavic cycle)]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Press, 2002, issue 17, pp. 30–34. (In Russ.)

Stepikhov A. A. Osobennosti postroenia ustnogo teksta v usloviyakh 'nesvobody vybora' [Features of oral text construction in the conditions of 'unfreedom of choice']. *Russkaya filologiya. 14. Sb. nauch. rabot molodykh filologov* [Russian Philology. 14. collection of scientific works of young philologists]. Tartu, University of Tartu Press, 2003, pp. 281–288. (In Russ.)

Tezekbaeva G. A. Spontannaya rech' kak ob'ekt lingvistiki [Spontaneous speech as a subject of linguistics]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Pro-

ceedings of Voronezh State University. Series: Philology, Journalism], 2011, issue 1, pp. 76–79. (In Russ.)

Fonetika spontannoy rechi [Phonetics of Spontaneous Speech]. Ed. by N. D. Svetozarova. Leningrad, Leningrad State University Press, 1988. 245 p. (In Russ.)

Khan N. A. *Ustnye spontannye monologi raznogo tipa v kommunikativno-diskursivnom aspekte (na materiale Zvukovogo korpusa russkogo yazyka)*. Diss. ... kand. filol. nauk [Oral spontaneous monologues of various types in the communicative-discourse aspect (based on the material of Russian sound corpus). Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2013. 285 p. (In Russ.)

Tsentr yazykovogo testirovaniya SPbGU [Language Testing Center of Saint Petersburg State University]. Available at: <https://testingcenter.spbu.ru/ekzameny/russia/trki.html> (accessed 14.11.2020). (In Russ.)

Cheng Chen. Russkaya spontannaya rech' na nerodnom yazyke: analiz khezitatsiy (na materiale russkoy rechi kitaytsev) [Spontaneous speech in Russian as a foreign Language: Analysis of hesita-

tion (a case study of Chinese students' speech)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2016, issue 1(33), pp. 53–62. (In Russ.)

Cheng Chen. Obryv kak khezitatsionnoe yavlenie v russkoy rechi nositeley kitayskogo yazyka [A break as a hesitation phenomenon in Russian speech of the Chinese]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 1(33), pp. 98–107. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-98-107 (In Russ.)

Cheng Chen. *Khezitatsii v russkoy ustnoy rechi nositeley kitayskogo yazyka*. Diss. ... kand. filol. nauk [Hesitations in Russian oral speech of native Chinese speakers. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2018. 205 p. (In Russ.)

Eysenk H. J., Eysenk S. B. G. *Manual of the Eysenck Personality Inventory*. London, 1964. 24 p. (In Eng.)

Eysenck Personality Questionnaire (EPQ) (adult version). Available at: <https://types.yuzeli.com/survey/epq85> (accessed 14.12.2020). (In Chin.)

UNPREPARED READING AS A TYPE OF SPONTANEOUS SPEECH (on Signs of Spontaneity in Reading in a Non-Native Language)

Chunxia Kong

Postgraduate Student in the Faculty of Philology

Saint Petersburg State University

11, Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. kong.chunxia@mail.ru

SPIN-code:7661-9044

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9812-1457>

ResearcherID: ABI-2822-2020

Submitted 26.01.2021

The article discusses unprepared reading in a non-native language and shows it to have all the signs of spontaneity that are traditionally considered integral characteristics of any spontaneous speech: hesitation pauses, both physical (*l*) and filled with non-speech sounds (*uh*, *m-m*), word breaks, reading the whole word or part of it by syllables, vocalization of a consonant, and so forth. The material for the analysis included 40 monologues of reading the story by M. Zoshchenko *Fantasy Shirt* and a non-plot excerpt from V. Korolenko's story *The Blind Musician* recorded from 20 Chinese informants. All the monologues are included in the block of Russian interfering speech of the Chinese as part of the monologic speech corpus Balanced Annotated Text Library. As the analysis showed, it is more often that there is not one sign of spontaneity but a whole complex of such signs, and together they fill hesitation pauses, help the speaker to control the quality of speech or correct what was said, etc. In addition, the occurrence of various signs of spontaneity in the course of unprepared reading is closely related to the individual characteristics of the speaker/reader. In general, we have found that there are more signs of spontaneity in the speech of men (3,244 cases; 40.7 %) than in the speech of women (2,049; 27.7 %), in the speech of informants with a lower level of proficiency in Russian B2 (2,993; 37.9 %) than in the speech of informants with a higher level C1 (2,300; 30.8 %), in the speech of extroverts (1,521; 38 %) than in the speech of ambiverts (1,694; 35.2 %) and introverts (2,078; 31.7 %). As to the type of the source text, there turned out to be more signs of spontaneity in monologues of reading a plot text than in monologues of reading a non-plot text (3,031; 40.3 vs 2,283; 31 %). The paper concludes that reading should be recognized as a spontaneous type of speech activity.

Key words: spontaneous speech; unprepared reading; speech corpus; hesitation pause.

УДК 81'42: 33

doi 10.17072/2073-6681-2021-2-47-57

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КИНОДИСКУРСА

Александра Андреевна Лукина

старший преподаватель Департамента языковой подготовки

и межкультурных коммуникаций

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125167, Россия, г. Москва, Ленинградский просп., 49. laalukina@gmail.com

SPIN-код: 2228-7919

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4955-195X>

Статья поступила в редакцию 30.11.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лукина А. А. Комплексный подход к исследованию экономического кинодискурса // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 2. С. 47–57. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-47-57

Please cite this article in English as:

Lukina A. A. Kompleksnyy podkhod k issledovaniyu ekonomicheskogo kinodiskursa [Comprehensive Approach to Research into the Economics Film Discourse]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 2, pp. 47–57. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-47-57 (In Russ.)

Статья посвящена комплексному изучению такого феномена, как экономический кинодискурс. Материалом исследования послужили 11 художественных и документальных фильмов экономического жанра на английском и русском языках. В статье представлен обзор лингвистических исследований экономического дискурса последних 20 лет с описанием трех форм его существования и функционирования: научный экономический дискурс, официально-деловой экономический дискурс, популярный экономический дискурс. Помимо этого, в статье обосновывается целесообразность использования кинотекстов как материала лингвистического исследования экономического дискурса, а также рассматриваются его преимущества, заключающиеся в возможности исследования трех модулей: устный, письменный и жестовый. В работе представлены следующие типологические аспекты экономического кинодискурса: целевая аудитория, участники коммуникации, код общения, тема и прецедентные тексты как главная мысль. На их основе выявляются и описываются целевая аудитория кинофильмов экономического жанра, три бинарные модели взаимодействия участников экономической коммуникации и их особенности. Далее представлена типологическая разновидность дискурсов, в которых разворачивается экономическая коммуникация. Рассмотрены бытовой, массово-информационный и деловой дискурсы. Кроме этого, составлены терминологические карты кинофильмов экономического жанра с выявлением ключевых терминов, определяющих тематику и основную проблему каждого кинофильма. Результаты проведенного анализа могут быть использованы в дальнейших исследованиях в области дискурс-анализа и текстологии, а также в качестве базы для формирования лекционных и практических материалов на занятиях по курсу делового английского языка и при подготовке переводчиков в сфере экономики.

Ключевые слова: экономический дискурс; популярный экономический дискурс; кинодискурс; экономическая коммуникация; код общения; прецедентные тексты.

Интерес общества к экономическим проблемам современности в настоящее время растет, как растет и влияние экономических процессов на все стороны жизни. Это находит отражение в языковых фактах, что приводит к изучению

лингвистами экономического дискурса, как одного из типов дискурсов, обслуживающих общество. Однако обзор лингвистических исследований данного феномена последних 20 лет говорит о том, что языковеды в определенном смысле

ограничивают изучение экономического дискурса, выделяя и всесторонне исследуя следующие три формы его существования и функционирования:

– научный экономический дискурс (тексты, в которых сообщается об исследованиях в области экономических наук, включая словари, заключения научной экспертизы, каталоги, учебные пособия, книги и тексты лекций);

– официально-деловой экономический дискурс (официальные экономические и материально-финансовые документы, а также деловые письма сотрудников компаний);

– популярный экономический дискурс (информационно-аналитические тексты СМИ: публицистические статьи, телевизионные репортажи и интервью на экономические темы).

С одной стороны, проанализирован достаточно большой объем данных и сделаны важные выводы, но, с другой стороны, такой сложный объект, как экономический дискурс, в свете новых возможностей лингвистических исследований требует выхода за рамки уже рассмотренных форм. Дело в том, что в материале выполненных исследований, во-первых, практически отсутствует анализ особенностей функционирования экономического дискурса в устном модусе, хотя именно он считается «исходной, фундаментальной и более простой формой существования языка» [Кибрик 2009: 5]. При этом анализ материала диссертационных исследований экономического дискурса, проведенных и защищенных с 2000 г. (38 единиц), а также научных статей, отражающих результаты этих исследований, свидетельствует о том, что изучение экономического дискурса сводится в основном к рассмотрению письменных текстов научных и научно-популярных журналов, газет и других периодических изданий или текстов официальных документов. Исключение составляет ряд работ [Ликунь 2008; Кадимова 2018; Мурадян 2018; Логунова 2011], но и в них объект исследования представляет собой подготовленный текст, что приводит к следующему замечанию.

Во-вторых, такой материал не дает представления о так называемом «чистом» виде экономического дискурса – «живое» неподготовленное устное профессиональное общение экономистов и других специалистов экономической сферы между собой.

Этот пробел могут восполнить материалы текстовых корпусов с пометкой «устное общение» (хотя и они будут лишены жестового модуса и ряда других характеристик) или материал, извлеченный из кинофильмов. Следует отметить, что, несмотря на тот факт, что кинодиалоги не полностью идентичны материалам, которые мо-

гут быть получены в результате непосредственного наблюдения и фиксации устной речи экономистов, общающихся на профессиональные темы, согласно исследованиям К. Роуз, Ю. Кайт и Д. Татсуки фильмы с высокой степенью достоверности отражают прагмалингвистические особенности поведения и могут служить надежным источником примеров моделей речевого поведения носителей языка [Rose 2001; Kite, Tatsuki 2005].

Таким образом, мы считаем, что, проводя исследование экономического дискурса, лингвисты оставляют без внимания некоторые языковые факты, объединяемые «дискурсивными формациями» экономики. При этом изучение экономики только по научной и публицистической литературе и другим письменным языковым фактам формирует определенную исследовательскую лагуну, которая упускает динамический момент функционирования и развития экономики и экономических процессов, делая такое изучение более теоретизированным. Особенно остро это ощущается при обучении студентов экономических вузов предмету «Иностранный язык в экономической сфере» и/или “Business English”, когда учащиеся знают те или иные термины, как они произносятся, используются и что значат, но, встречая их в контекстах иностранных диалогов, теряются или не могут правильно интерпретировать. Поэтому использование текстов фильмов и последующий их просмотр также способствует процессу обучения. Чаще всего используются фрагменты или целые кинофильмы.

Нередко экономические происшествия в сфере экономики, преступления, махинации в сфере финансов и бизнеса становятся основой для сюжета кинокартин. Для такого кино создана специальная ниша – экономический кинофильм, или фильм экономического жанра (*Economics film*). Снимая такой фильм, создатели чаще всего опираются на реальные события, проводят консультации со специалистами по вопросам аутентичности созданного продукта (поведение, речь, обстановка и т. п.), что делает данный материал приемлемым и релевантным для лингвистических исследований.

Тексты таких фильмов формируют у массового адресата фрагменты наивной экономической картины мира, так как в экономическом жанре кино происходит не только отражение экономических и связанных с ними социальных проблем, событий и фактов, но и интерпретация экономических процессов, представление экономических событий в доступном для обывателей свете. Говоря иначе, кинофильмы не только информируют о произошедшем, но и формируют отношение к таким происшествиям. Дуалистическая приро-

да кинофильмов как массового искусства проявляется в том, что фильмы отражают существующие культурные ценности общества и поведенческие, в том числе речевые, паттерны [Wedding, Boyd, Niemiec 2005: 15] и в то же самое время оказывают влияние на индивидуальные представления о том, что считается нормой, т. е. формируют модели поведения для среднего носителя современной культуры, а следовательно, регулируют его поведение. Это позволяет говорить о кинофильме как о дискурсе.

Кинодискурс в целом предоставляет возможность отследить коммуникативное воздействие, произведенное использованием различных лингвистических средств на адресата посредством отслеживания реакции на полученное сообщение через вербальные (ответные реплики героев) или невербальные (мимику, жесты, реактивное поведение и др.) сообщения (исключение представляет невозможность оценить коммуникативное воздействие в случае прямого обращения рассказчика/камео к зрителям). Появляется возможность определить эффективность и успешность такого коммуникативного воздействия. Эмпирическое значение данного феномена обуславливает интерес к его анализу. Однако до настоящего времени ни в отечественной, ни в зарубежной лингвистике не появилось ни одной специальной работы, посвященной комплексному исследованию экономического кинодискурса. В этой связи актуальность данного исследования определяется необходимостью решения ряда лингвистических проблем, касающихся не только типологических особенностей экономического кинодискурса, но и его функционирования как реализации устного экономического дискурса.

Для достижения поставленной цели, опираясь на предложенные в работах ряда исследователей описания жанровых или типологических особенностей дискурса, а также модели коммуникации [Бориснёв 2003: 29–31; Данюшина 2010; Махницкая 2007; Олешков 2007], мы выделяем следующие релевантные для описания специфики объекта исследования аспекты:

1. Целевая аудитория vs участники коммуникации.
2. Код общения.
3. Тема и прецедентные тексты как главная мысль.

Рассмотрим особенности кинодискурса экономического жанра в каждом выделенном аспекте на материале исследования, которым послужили 11 художественных фильмов, общей продолжительностью 1221 минута. Отобраны фильмы с высокими рейтингами, а также отмеченные наградами, в том числе за лучший сценарий.

I. Целевая аудитория vs участники коммуникации

Кинодискурс представляет собой сложное образование, поскольку, с одной стороны, это готовый продукт, который имеет свою целевую группу адресатов, а с другой стороны – это сама история, разворачивающаяся в ней коммуникативные события, участниками которой являются персонажи фильма. Поэтому мы разводим понятия «целевая аудитория» – кинозрители, те, кто смотрят готовый кинофильм, и «участники коммуникации» – герои фильма, те, кто «порождают» дискурс.

Тот факт, что экономический дискурс существует для двух категорий адресатов – для специалистов-экспертов и для неспециалистов, по какой-либо причине столкнувшихся с необходимостью понимать, изучать или иначе взаимодействовать с экономическим дискурсом, – подтверждается всеми исследователями. При этом авторы поясняют, что научный экономический дискурс создается учеными или сотрудниками предприятий экономической сферы и предназначается для узких специалистов. В свою очередь популярный экономический дискурс стремится не только информировать о текущих экономических и деловых вопросах, но и развлекать в более общем плане [Skorczynska, Deignan 2006: 96]. Встает вопрос о том, к какому дискурсу будет относиться экономический кинодискурс: к популярному (ведь кино – это массовое искусство и его смотрят неспециалисты) или научному (оно отражает общение между двумя экспертами, иногда это выступления на конференциях и доклады, т. е. речь, созданная специалистом и направленная на специалиста; часто зрители в отзывах к таким кинофильмам пишут, что вынуждены пересматривать такие фильмы, так как многое осталось не понятным, поскольку они не разбираются в терминах; с учетом особенностей документальных фильмов, там могут быть представлены и результаты исследований, статистические данные, высказывания экспертов и т. п.). Мы относим кинодискурс к популярному жанру, поскольку при написании сценария и игрового, и документального кино, прежде всего, учитывается среднестатистический зритель, не подготовленный к научному экономическому дискурсу, а следовательно, тексты популярного экономического кинодискурса соотносятся с текстами научного и официально-делового экономического дискурса в той степени, в какой это необходимо для создания аутентичного образа героя в различных ситуациях и регистрах общения и воссоздания достоверного контекста. В этой связи следует заметить, что создатели художествен-

ных кинофильмов сталкиваются с проблемой, заключающейся в необходимости донести сложные экономические понятия, без которых невозможно разобраться в интриге картины, до неподготовленного зрителя. Однако диалоги в фильме строятся между специалистами, которые должны понимать термины, а диалоги должны звучать естественно, но давать зрителям достаточно информации, чтобы улавливать нить повествования и суть происходящего. Чаще всего сценаристы прибегают к различным языковым средствам, чтобы справиться с поставленной задачей. Но, как уже сказано выше, ориентируются на определенную целевую аудиторию – неэксперт экономического сектора.

Если обратиться к участникам представленной в анализируемом кинотексте коммуникации, то ими являются специалисты и управленцы в области экономики и бизнеса любого уровня, включая министра финансов страны. Кроме этого, предприниматели (риелторы, независимые агенты и др.), их клиенты, их родственники, друзья, а также приглашенные известные личности (в качестве камео) и сами зрители (при использовании приема «разрушение четвертой стены» (например, художественные фильмы “The Big Short” (2015), “Wolf of Wall Street” (2013) и др.), суть которого заключается в том, что герои напрямую обращаются к зрительской аудитории). Таким образом, коммуникаторов в рамках анализируемых кинотекстов можно разделить на две группы – Эксперты и Обыватели. Любой из них может выступать в роли адресанта (субъект коммуникативного процесса, Говорящий, человек, который передает информацию) и адресата (объект коммуникативного процесса, Слушающий, тот, кто получает сообщение).

Все вышесказанное позволяет выявить 3 бинарные модели, но только 2 из них будут являться типологическими, т. е. обязательными при определении дискурса как экономического кинодискурса, поскольку, несмотря на то что модель Обыватель ↔ Обыватель тоже имеет место быть и представляет интерес для ученых, но может отсутствовать в кинотексте, который при этом будет относиться к экономическому типу при наличии коммуникации по моделям, в которой присутствует Эксперт. Например, в кинофильме “Margin Call” (2011) отсутствуют коммуниканты, которых можно отнести к категории Обыватель.

Участники в моделях указаны в единственном числе, так как представляют собирательный образ: например, выступление на экономическом форуме рассматривается как модель Эксперт ↔ Эксперт, хотя адресат – все деловое сообщество, или в модели Эксперт ↔ Обыватель в качестве Слушающего могут выступать зрители кинокар-

тины, к которым обращается рассказчик – работник банка или камео, либо все зрители и слушатели новостей. Рассмотрим примеры для каждой модели.

Модель 1 Эксперт ↔ Эксперт. В примере (1) представлен отрывок из эпизода кинофильма “Arbitrage” (2012), в котором магнат хедж-фонда Роберт Миллер разговаривает со своим другом и главой другого фонда Джеффри Пайном.

(1) Robert: *I'm working on it.*

Jeffrey: *Well, while you're doing that, let me tell you what's not working.*

Robert: *Okay.*

Jeffrey: *What's not working is my \$412 million that's sitting in your account so you can pass your audit. The \$412 million you needed, you said, for two weeks. And which has been languishing now for 32 days while it could be elsewhere invested, earning an actual return instead of couching this absurd lie that you're spinning.*

Оба коммуниканта, несмотря на дружеские отношения и эмоциональное напряжение, говорят профессионально, используют термины, обсуждая истечение срока займа суммы денег, которые были взяты для криминальных действий – обмануть потенциального покупателя фирмы и представить, что в бюджете нет проблем. Оба выступают в роли Экспертов и ведут деловые переговоры.

Модель 2 Эксперт ↔ Обыватель. Наиболее частым способом реализации данной модели являются сообщения в газетах и по телевидению. Мы понимаем, что есть разные типы газет, журналов, новостей. И некоторые действительно узкоспециализированны и направлены на экспертов анализируемой сферы, но используются они в экономическом кинодискурсе как вставки, создающие рабочую атмосферу, т. е. зрителю (Обывателю) не обязательно понимать экономическое значение сказанного. Например, новостное сообщение в примере (2) из “Arbitrage”, которое Роберт Миллер смотрит в такси:

(2) TV anchor: *...as well, especially Russia, where fears of further nationalization appear to be scaring away international investors. The Dow off to a strong start this morning on a bevy of news firmly pointing to an economy picking up steam. Including a surprisingly strong number...*

Диктор сообщает о причинах падения числа инвесторов в российскую экономику, а также отмечает рост индекса Доу-Джонса на фоне общего роста американской экономики, используя ряд метафор. Упоминание России болезненно для Роберта, так как он потерял деньги именно из-за вклада в рудники на территории этой страны. Зритель-Обыватель может не понять данное сообщение, не оценив значимость этих событий

в целом, но в кинофильмах такие отрывки нужны для создания образа героя-Эксперта.

Кроме того, в материале исследования имеются новостные сообщения, содержание которых связано с представлением текущих событий в фильме, а следовательно, должно быть понятно Обывателю, так как «вводит» зрителя в курс происходящего. Например, первые 3 минуты 30 секунд кинофильма “Too Big to Fail” – подборка теленовостей и выступлений политиков, презентующих события, приведшие к тем, которые будут происходить в кинофильме. Поэтому мы относим такие эпизоды коммуникации к модели Эксперт ↔ Обыватель.

Помимо новостных сообщений, модель Эксперт ↔ Обыватель реализуется при общении специалиста с неспециалистом по разным причинам, например, продажа акций потенциальному покупателю (эпизод «холодных» продаж по телефону с 36:19 по 40:01 в фильме “Boiler Room” (2000), в которой новичок брокерской фирмы случайно попадает на доктора, заинтересованного акциями нового лекарства, что привело к продаже 2000 акций) и другие. Рассмотрим пример (3) из кинофильма “The Big Short” (2015), где глава хэдж-фонда Марк Баум, пытается выяснить, действительно ли существует ипотечный пузырь, разговаривает с танцовщицей, которую ипотечные менеджеры представили ему как постоянного клиента:

(3) Dancer: *I always get option-pay adjustables. I'm a private contractor. I need flexibility.* <...>

Mark: *Always?*

Dancer: *Only in V.I.P.*

Mark: *No, no, no, you say you always do adjustable. And you have more than one loan on a property?*

Dancer: *Everybody does. At least down here.* <...>

Mark: *That way you only put down, like, 5%. Prices have leveled off, though, right?*

Dancer: *Yeah. There's a gully.* <...>

Mark: *Okay, look. If home prices don't go up, you are not going to be able to refinance. And you'll be stuck paying whatever your monthly payment is once it jumps up after your teaser rate expires. Your monthlies could go up 200–300 %.*

Dancer: *James says I can always refinance.*

Mark: *Well, he's a liar. Actually, in this particular case, James probably is wrong.*

Dancer: *200 percent? On all my loans?*

Mark: *What do you mean «all» your loans? We're talking about two loans on one house, right?*

Dancer: *I have five houses. And a condo.*

В диалоге Марк (роль Эксперта) использует различные термины ипотечного рынка, которые понятны девушке (Обыватель), заключившей не

один договор на ипотеку. Она отвечает спокойно, не отрываясь от работы, фразами с обобщающими словами (*always, everybody*), использует метафорический образ *situation at housing market is a gully*, который до нее уже использовали риелторы, отсылается к сомнительному авторитету (некий James), но, понимая смысл сказанного, неприятно удивлена и возмущена. Если бы она была специалистом и понимала, что делает, то не брала бы 5 домов в ипотеку с плавающей ставкой, поэтому, несмотря на ее определенный опыт, мы рассматриваем данный эпизод как модель общения Эксперт ↔ Обыватель.

Также эта модель реализуется в случае обращения героя-рассказчика (Эксперт) к зрителям (Обыватель). Оно необходимо для поддержания интереса, объяснения/пояснения происходящих событий, формирования образа говорящего. Рассмотрим пример (4), в котором главный герой фильма “Wolf of Wall Street” Джордан Белфорт, презентуя свою историю, рассуждает о значении и силе денег.

(4) Jordan: *But of all the drugs under God's blue heaven, there is one that is my absolute favorite. You see, enough of this shit'll make you invincible. Able to conquer the world, and eviscerate your enemies. <...> See, money doesn't just buy you a better life, better food, better cars, better pussy. It also makes you a better person. You can give generously to the church or political party of your choice. You can save the f***ing spotted owl with money. I always wanted to be rich.*

У зрителей складывается представление о самом герое, его образе жизни, его ценностях. В примере брокер (Эксперт) метафорично преподносит деньги как самый любимый наркотик, который может изменить не только мир, но и отношение мира к тому, у кого они есть. Он открыто заявляет свою позицию, которая определяет его дальнейшее действия, используя общую, обценную лексику и слова официального регистра, чтобы эффективно презентовать эту позицию для зрителя (Обыватель).

Модель 3 Обыватель ↔ Обыватель. Как уже говорилось выше, данная модель не свойственна кинофильмам экономического жанра, однако в кинофильме “The Big Short” есть три важных эпизода, когда cameo (Обыватель) объясняют зрителям (Обыватель) сложные, но ключевые для осмысления событий понятия. Рассмотрим презентацию термина CDO (Collateralized debt obligations – обеспеченные долговые обязательства (финансовый инструмент)) от всемирноизвестного шеф-повара Энтони Бурдэна в следующем примере:

(5) Antony: *Okay, I'm a chef on a Sunday afternoon setting the menu at a big restaurant. I ordered*

my fish on Friday, which is the mortgage bond that Michael Burry shorted. But some of the fresh fish doesn't sell. I don't know why. Maybe it just came out halibut has the intelligence of a dolphin. So, what am I going to do? Throw all this unsold fish, which is the BBB level of the bond, in the garbage and take the loss? No way. Being the crafty and morally onerous chef that I am, whatever crappy levels of the bond I don't sell, I throw into a seafood stew. See, it's not old fish. It's a whole new thing! And the best part is they're eating 3-day-old halibut. That is a CDO.

Используя когнитивную метафорическую модель ECONOMY IS FOOD, адресант представляет трехуровневую развернутую метафору, в которой метафорические образы *the mortgage bond is fresh fish, the BBB level of the bond is unsold fish, CDO is seafood stew (3-day-old halibut, crappy levels of the bond I don't sell)*, подкрепляемые эпитетами *crafty* и *morally onerous* о том, кто работает с данными продуктами, создают общее эмоциональное представление у зрителя-Обывателя о CDO (зритель не понимает, что именно представляет собой данный финансовый инструмент, но понимает, какого он низкого качества и связан с определенным видом обмана).

Хотелось бы уточнить следующие важные моменты:

1. В течение разворачивающихся событий фильма у героя может поменяться статус, и он из роли Обыватель переходит в роль Эксперт. Рассмотрим, два эпизода киноречи кинофильма "99 Homes" (2014). В первом случае (пример (6)) Дэннис Нэш является ремонтником (роль Обывателя) и разговаривает со своим нанимателем Риком Карвенером, специалистом по недвижимости (роль Эксперта):

(6) Rick: *Well, in 2006 you borrowed \$85,000 against your home and never paid it back, Nash. You telling me that's not stealing?*

Dennis: *What? Are you serious? That's not stealing, that's me taking a loan. That's me working my arse off to pay back that loan. I wanted to pay it back. I didn't steal.*

Rick: *That's not how the banks see it or the taxpayers paying for the bail-out.*

Деннис рассуждает как заемщик, клиент банка: он занял деньги у банка, купил дом, но, будучи уволенным, не оплатил три взноса, поэтому банк выселили его из дома. Но он искренне хотел их выплатить и просил отсрочки. Рик представляет ту же ситуацию, но со стороны банка, для которого Деннис и его действия выглядят как кража – деньги взял и не вернул.

Во втором случае, через некоторое время, когда Деннис, устроившись на работу к Рикку и получив опыт, общается с ним на равных и предла-

гает способ, чтобы заставить банк разочароваться в другой фирме и заключить контракт с ними. Рассмотрим пример (7):

(7) Dennis: *OK, so you know Vesic already bought 15 homes from Ortiz last month.*

Rick: *So?*

Dennis: *So, what if I take all the ACs, all the water pumps and the appliances out of those homes? Who do you think Vesic's gonna blame?*

Rick: *Ortiz. They'll call Immigration, put him on his lawn mower back over the border while I'm on the phone with Bank of Greater Santa Fe. Yeah.*

Dennis: *And we'll sell these 100 homes.*

Rick: *And 1,000 more for Freeman. I see green skies ahead.*

Dennis: *Put some green in my pocket, I'll empty those homes tonight.*

Поменяв роль с Обывателя на Эксперта, Дэннис рассуждает и видит способы заработать, даже путем учинения неприятностей соперникам, при этом готов приступить к выполнению задания этим же вечером, если получит деньги вперед.

2. Не любой фильм, где главный герой – работник сферы экономики или любой специалист финансовой и другой сфер, можно рассматривать как экономический жанр кино. Например, кинофильм "American Psycho" (2000) – фильм ужасов о преступлениях богатого нью-йоркского инвестиционного банкира, что не делает текст этого фильма экономическим кинодискурсом, поскольку в нем отсутствует экономическая составляющая.

3. Для экономического кинодискурса экранное время эпизодов экономического жанра должно превышать 50 %. Фильмы, в которых присутствуют эпизоды экономического дискурса, но фильм в целом посвящен другой теме (например, кинокартина "The Shawshank Redemption" (1994), в которой есть ряд эпизодов, когда заключенный, вице-президент крупного банка, дает экономические советы охраннику тюрьмы), мы не относим к анализируемому типу дискурса. Хотя очевидно, что эти эпизоды могут служить материалом лингвистического исследования экономического дискурса.

II. Код общения

Данный признак содержит информацию о типологической разновидности дискурсов, в котором «существуют» и действуют участники анализируемой коммуникации в экономическом кинодискурсе. Дело в том, что «открытость», как характеристика экономического дискурса, которая проявляется в неизбежности его пересечения с другими дискурсами» [Шереметьева 2009: 7–8], приводит ученых к выводу о том, что экономический дискурс не может рассматриваться как единое

целое, так как «единого языка экономики в едином контексте не существует» [Крысов 2010]. Основываясь прежде всего на явлении интердискурсивности, в процессе которого создается «такая особая взаимосвязь языковых единиц, которая и инициирует в воспринимающем сознании (т. е. в голове читателя/зрителя) переход от одного типа дискурса и, значит, типа мышления, к другому с целью создания сильного воздействующего эффекта» [Чернявская 2007: 23], а также положении о том, что «коммуникативное событие является процессом, оно континуально, но может быть дискретизировано, сегментировано, расчленено на единицы» [Кашкин 2005: 351], весь кинотекст мы разделили на эпизоды – целостные коммуникативные ситуации, которые можно отнести к трем типам дискурса – бытовой, деловой и массово-информационный (в такой типологизации мы опирались на работу В. И. Карасика [Карасик 2000]). Рассмотрим каждый более подробно.

Прежде всего, очевидно, что экономический кинодискурс будет содержать сцены с деловым общением. Деловой дискурс представляет собой речевое общение, происходящее в условиях статусно-ролевых отношений, как внутри бизнес-организаций, так и между ними; и деловые отношения представителей организаций с физическими лицами. В исследуемом материале нам удалось выделить следующие жанры делового дискурса: деловая беседа (представлена в рассмотренном выше примере (6)), деловые переговоры (пример (1)), служебное совещание (пример (7)), публичная речь, презентация, деловая дискуссия, пресс-конференция, деловая переписка. Как мы видим, подавляющее большинство выявленных жанров представляют собой устное общение (исключение составляет только деловая переписка, хотя зачастую в кинофильмах озвучиваются важные фрагменты и переписки). Кроме этого, большая их часть – это диалогический тип коммуникации (кроме публичной речи, презентации и переписки), а переписка, как и некоторые кинодиалоги жанра беседа, переговоры, совещание – опосредованные (телефон, громкая связь, электронная почта).

Как отмечалось выше, экономический дискурс часто реализуется средствами СМИ. В анализируемом материале можно выделить несколько эпизодов, где посредством устных и письменных телевизионных новостных сообщений происходит информирование зрителей и героев фильма о событиях в мире в целом и экономических, финансовых событиях в частности. Эти отрезки киноречи мы относим к экономическому массово-информационному дискурсу, так как они направлены на массового зрителя и опосредованы телевизионным/компьютерным экраном или медиавывеской в рамках информационных сообщений. Например, рассмотрим рисунок с изображением скриншота эпизода фильма “The Wizard of Lies” (2017).

средованы телевизионным/компьютерным экраном или медиавывеской в рамках информационных сообщений. Например, рассмотрим рисунок с изображением скриншота эпизода фильма “The Wizard of Lies” (2017).

Скриншот эпизода фильма
“The Wizard of Lies” (2017)
Screenshot of a scene from the film
“The Wizard of Lies” (2017)

На рисунке представлено новостное событие в журнале The Wall Street Journal. Зритель видит только название журнала и заголовок “Top Broker Accused of \$50 Billion Fraud” с фотографией главного героя, а закадровый голос озвучивает эту новость. Данный рисунок показывает разнообразие форм функционирования экономического массово-информационного дискурса – письменная и устная одновременно. Такая форма позволяет сделать происходящее более значимым и сам кинокадр – интерактивным, а следовательно, привлекательным.

Наконец, прием «разрушение четвертой стены», о котором упоминалось выше, а также тот факт, что в кинотекст включены эпизоды функционирования героев-экспертов вне рамок делового общения (например, с родственниками, с обслуживающим персоналом или между собой, но не в рамках делового общения, и т. п.), позволяет выделить бытовой дискурс в экономическом кинодискурсе. Бытовой дискурс сводится к поддержанию контакта и решению обиходных проблем, характеризуется спонтанностью, ярко выраженной субъективностью, нарушениями логики и структурной оформленности высказываний. Рассмотрим пример (7) из кинофильма “Margin Call”, представляющий собой разговор Уилла Эмерсона, главы отдела торговли, и Эрика Дейла, уволенного начальника отдела по управлению рисками:

(7) Will: *So, Peter finished the model you were working on.*

Eric: *Really?*

Will: *It caused a shit storm.*

Eric: *I bet it did.*

Коммуникация продолжает быть экономически направленной: они обсуждают ситуацию, возникшую в компании из-за расчетов, проделанных Эриком перед увольнением. Однако это внеделовая, бытовая беседа, так как она не влияет на принятие каких-либо деловых решений, а само общение непринужденное, о чем свидетельствует не только использование метафоры с обценной лексикой, но и обстановка (разговор на крыльце дома).

Важно подчеркнуть, что дискурсивная способность экономического дискурса раздвигать рамки, «пронизывая» другой дискурс», не ограничивается только тремя указанными дискурсами. В зависимости от общей концепции фильма экономический кинодискурс взаимодействует с юридическим (в случае, если в фильме идет речь об экономическом преступлении, как, например, в фильмах “The Wizard of Lies”, “Arbitrage”, “Boiler Room” и др.), политическим (“Too Big To Fail”, “Adults in the Room” (2019) и др.) и некоторыми другими. То, что выделяет его – это ведущая тематическая составляющая.

III. Тема и прецедентные тексты как главная мысль

Данный аспект представляет собой уже осмысленную и определенным образом закодированную и тематически ограниченную информацию, передаваемую в процессе общения, т. е. в рамках данного исследования это высказывания, реплики героев, новостные сообщения и т. п., которые содержат речевые репрезентанты экономической картины мира. Экономический дискурс охватывает значительный спектр отраслей экономики и обслуживает самые разнообразные ситуации профессионального общения [Кадимова 2015: 50]. Используя современные программы (например, Wordstat), возможно изучить основной набор терминов, используемый в том или ином кинотексте, который определяет тематику и основную проблему кинофильма, а следовательно, экономического дискурса в целом. Например, для кинофильма “The Big Short” ключевыми являются 7 терминов: деньги и их названия (money, millions, dollars, etc.; 95 упоминаний в кинотексте), облигация (bond; 75), ипотека (mortgage; 72), банк (bank; 52), обеспеченные долговые обязательства (CDO; 48), свопы (SWAPs; 33), рынок жилья (housing market; 32). Следует также отметить высокую частотность употребления лексемы f*** и ее дериватов (82 упоминания), что, скорее всего, является отражением эмоциональной значимости происходящих событий для героев, а также их неформальные отношения. А для кинофильма “Too Big to Fail” описывает те же события, но сюжет сосредоточен вокруг

действий министра финансов США Г. Полсона, который пытается сдержать разворачивающуюся катастрофу) ключевыми терминами являются слово «банк» и названия крупнейших банков и корпораций США (213 упоминаний), деньги (money; 66), сделка (deal; 42), фамилия министра (Paulson; 26), инвестиции (investment; 20) и правительство (government; 20). С учетом уровня общения в политических кругах, неудивительным представляется тот факт, что лексема f*** и ее дериваты используется гораздо реже (25 раз).

Для каждого кинофильма в материале исследования нами были составлены терминологические карты, данные которых позволяют сделать вывод о существовании тезауруса экономического кинодискурса, который формируют следующие термины: деньги (их конкретные и общие названия, количество, виды и т. п.), финансовые инструменты (ценные бумаги, активы, инструменты рынка и т. п.), финансовые компании (банки, конгломераты, агентства, фирмы, центры и т. п., в том числе Wall Street и финансовый рынок в целом), финансовые и другие операции (инвестирование, продажа, покупка, вклад и т. п.) и участники экономического процесса (включая имена собственные). Однако отметим, что данные терминологические группы, выделяющиеся во всех исследуемых кинофильмах, количественно варьируются от фильма к фильму в зависимости от сюжета.

При этом кино, являясь видом массового искусства, «порождает» достаточно большое количество прецедентных текстов – высказываний-цитат, сказанных героями фильма, на которые впоследствии ссылаются и используют для аргументации люди. Например, цитата “Greed, for lack of a better word, is good” из кинофильма “Wall Street” (1987), произнесенная легендой биржевого рынка Г. Гекко, широко используется в статьях, названиях и других материалах (чаще в сокращенном виде “Greed is good”). Каждый экономический кинодискурс транслирует зрителю идею для рассуждения, обсуждения, не оставляя равнодушным, поскольку через принятые решения и совершенные поступки раскрывает моральные качества и ценности героев – Экспертов экономической сферы.

Подводя итоги проведенного анализа, стоит отметить, что комплексный подход к исследованию функционирования экономического кинодискурса позволил на основе выделенных аспектов выявить и описать три бинарные модели взаимодействия участников экономической коммуникации. Также в рамках данного подхода была представлена и проанализирована типологическая разновидность дискурсов, в которых развивается экономическая коммуникация, а так-

же составлены терминологические карты, описывающие тезаурус экономического кинодискурса и выявляющие его прецедентные тексты. В заключение хотелось бы подчеркнуть практическое значение исследований кинодискурса для обучения студентов экономических специальностей в качестве дидактического материала. Представляется продуктивным изучение особенностей речевого поведения героев-Экспертов (например, упражнения на основе речевых паттернов, коммуникативных стратегий и тактик и т. п.) в разных типах дискурса (например, упражнения на выявление коммуникативных особенностей делового и бытового общения в рамках экономического дискурса).

Список литературы

Бориснёв С. В. Социология коммуникации. М.: ЮНИТИ-Дана, 2003. 270 с.

Данюшина Ю. В. Коммуникативно-когнитивные аспекты моделирования дискурса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 5, № 1. С. 111–117.

Кадимова Р. Н. Деловой экономической дискурс как особый вид социальной деятельности (на материале французского языка) // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 12(723). С. 49–59.

Кадимова Р. Н. Лингвопрагматическая характеристика делового интервью как жанра франкоязычного экономического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 231 с.

Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000. С. 5–20.

Кашикин В. Б. Сопоставительные исследования дискурса // Концептуальное пространство языка. Тамбов, 2005. С. 337–353.

Кибрик А. А. Модус, жанры и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.

Крысов В. Развитие экономических дискурсов: какую реальность изучает экономика. 2010. URL: <http://discourseanalysis.org/ada11/st77.shtml> (дата обращения: 25.10.2020).

Ликунь М. Русский экономический текст в функционально-стилистическом и социолингвистическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 2008. 288 с.

Логунова Е. А. Реализация интерактивности на интернет-сайтах экономических форумов: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2011. 192 с.

Махницкая Е. Ю. Современный экономический дискурс в когнитивной парадигме. Ростов н/Д, 2007. 232 с.

Мурадян А. А. Сопоставительный анализ дискурсивных доминант политической и экономи-

ческой сфер США, России и Франции: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 177 с.

Олешков М. Ю. Системное моделирование институционального дискурса: на материале устных дидактических текстов: дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Тагил, 2007. 423 с.

Чернявская В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов, 2007. С. 7–26.

Шереметьева А. А. Метафоры немецкого экономического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 18 с.

Kite Y., Tatsuki D. Remedial interactions in film // Pragmatics in language learning, theory and practice. Tokyo, 2005. P. 99–118.

Rose K. R. Compliments and compliment responses in film: Implications for pragmatics research and language teaching // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching, 2001. № 39. P. 309–328.

Skorczyńska H., Deignan A. Readership and Purpose in the Choice of Economics Metaphors // Metaphor and Symbol, 2006. № 21(2). P. 87–104.

Wedding D., Boyd M. A., Niemiec R. M. Movies & Mental illness: Using films to understand psychopathology. Cambridge, 2005. 258 p.

References

Borisnev S. V. *Sotsiologiya kommunikatsii* [Sociology of Communication]. Moscow, Yuniti-dana Publ., 2003. 270 p. (In Russ.)

Danyushina Yu. V. Kommunikativno-kognitivnye aspekty modelirovaniya diskursa [Communicative and cognitive aspects of discourse modeling]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], 2010, vol. 5, issue 1, pp. 111–117. (In Russ.)

Kadimova R. N. *Delovoy ekonomicheskij diskurs kak osobyi vid sotsial'noy deyatel'nosti (na materiale frantsuzskogo yazyka)* [Business economic discourse as a special type of social activity (based on the French language material)]. *Vestnik MGLU* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 2015, issue 12(723), pp. 49–59. (In Russ.)

Kadimova R. N. *Lingvopragmaticheskaya kharakteristika delovogo interv'yu kak zhanra franko-yazychnogo ekonomicheskogo diskursa*. Diss. ... kand. filol. nauk [Linguistic and pragmatic characteristics of the business interview as a genre of French-language economic discourse. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2018. 231 p. (In Russ.)

Karasik V. I. O tipakh diskursa [On the types of discourse]. *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs* [Language Personality: Institu-

tional and Personal Discourse]. Volgograd, 2000, pp. 5–20. (In Russ.)

Kashkin V. B. *Sopostavitel'nye issledovaniya diskursa* [Comparative studies of discourse]. *Kontseptual'noe prostranstvo yazyka* [Conceptual Space of Language]. Tambov, 2005, pp. 337–353. (In Russ.)

Kibrik A. A. *Modus, zhanry i drugie parametry klassifikatsii diskursov* [Modus, genres and other parameters of discourse classification]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 2009, issue 2, pp. 3–21. (In Russ.)

Krysov V. *Razvitie ekonomicheskikh diskursov: kakuyu real'nost' izuchaet ekonomika* [Development of economic discourses: what reality economics studies]. Available at: <http://discourseanalysis.org/ada11/st77.shtml> (accessed 25.10.2020). (In Russ.)

Likun' M. *Russkiy ekonomicheskiy tekst v funktsional'no-stilisticheskom i sotsiolingvisticheskom aspektakh*. Diss. ... kand. filol. nauk [Russian economic text in functional-stylistic and sociolinguistic aspects. Cand. philol. sci. diss.]. Odessa, 2008. 288 p. (In Russ.)

Logunova E. A. *Realizatsiya interaktivnosti na internet-saytakh ekonomicheskikh forumov: na materiale angliyskogo yazyka*. Diss. ... kand. filol. nauk [Implementation of interactivity on the Internet sites of economic forums: based on the English language material. Cand. philol. sci. diss.]. Kaliningrad, 2011. 192 p. (In Russ.)

Makhnitskaya E. Yu. *Sovremennyy ekonomicheskiy diskurs v kognitivnoy paradigm* [Contemporary economic discourse in the cognitive paradigm]. Rostov-on-Don, 2007. 232 p. (In Russ.)

Muradyan A. A. *Sopostavitel'nyy analiz diskursivnykh dominant politicheskoy i ekonomicheskoy sfer SShA, Rossii i Frantsii*. Diss. ... kand. filol. nauk [Comparative analysis of the discursive domi-

nants of the political and economic spheres of the USA, Russia and France. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2018. 177 p. (In Russ.)

Oleshkov M. Yu. *Sistemnoe modelirovanie institutsional'nogo diskursa: na materiale ustnykh didakticheskikh tekstov*. Diss. ... d-ra filol. nauk [Systemic modeling of institutional discourse: based on oral didactic texts. Dr. philol. sci. diss.]. Nizhny Tagil, 2007. 423 p. (In Russ.)

Chernyavskaya V. E. *Otkrytyy tekst i otkrytyy diskurs: intertekstual'nost' – diskursivnost' – interdiskursivnost'* [Open text and open discourse: intertextuality – discursiveness – interdiscursiveness]. *Lingvistika teksta i diskursivnyy analiz: traditsii i perspektivy* [Text linguistics and discourse analysis: Traditions and prospects]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University of Economics Publ., 2007, pp. 7–26. (In Russ.)

Sheremet'eva A. A. *Metafory nemetskogo ekonomicheskogo diskursa*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Metaphors of German economic discourse. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Irkutsk, 2009. 18 p. (In Russ.)

Kite Y., Tatsuki D. Remedial interactions in film. *Pragmatics in Language Learning, Theory and Practice*. Tokyo, 2005, pp. 99–118. (In Eng.)

Rose K. R. Compliments and compliment responses in film: Implications for pragmatics research and language teaching. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 2001, issue 39, pp. 309–328. (In Eng.)

Skorczynska H., Deignan A. Readership and purpose in the choice of economics metaphors. *Metaphor and Symbol*, 2006, issue 21(2), pp. 87–104. (In Eng.)

Wedding D., Boyd M. A., Niemiec R. M. *Movies & Mental Illness: Using Films to Understand Psychopathology*. Cambridge, 2005. 258 p. (In Eng.)

COMPREHENSIVE APPROACH TO RESEARCH INTO THE ECONOMICS FILM DISCOURSE

Alexandra A. Lukina

Senior Lecturer in the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication

Financial University under the Government of the Russian Federation

49, Leningradskiy prospekt, Moscow, 125167, Russian Federation. laalukina@gmail.com

SPIN-code: 2228-7919

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4955-195X>

Submitted 30.11.2020

The article is devoted to a comprehensive study of the economics film discourse. Eleven feature films and documentaries of the economic genre in the English and Russian languages (total duration – 1,221 minutes) served as the material for the research. The article provides an overview of linguistic studies of the economic discourse over the past 20 years, describing three forms of its existence and functioning: scientific economic discourse, official business economic discourse, and popular economic discourse. Further, the author substantiates the feasibility of using film texts as material for linguistic research into the economic discourse, as well as its advantage – the possibility of studying three modes: oral, written, and gestural. The paper presents the following typological aspects of the economics film discourse: target audience, participants in communication, communication code, topic and precedent texts as the main idea. Based on those, the author identifies and describes the target audience of economics films, three binary models of interaction between participants in economic communication and their features. Further, the paper presents typological variety of discourses in which economic communication unfolds. There are considered everyday discourse, mass information discourse, and business discourse. In the last one, the author identifies the following genres: business conversation, business negotiations, office meeting, public speech, presentation, business discussion, press conference, business correspondence. In addition, the author has compiled terminological maps for economics films with the identification of key terms that determine the subject matter and the main problem of each film. The results of the analysis can be used not only in further research in the field of discourse and textual analysis but also as a basis for the formation of lecture and practical materials to be used for the course of business English and in the training of translators in the field of economics.

Key words: economic discourse; popular economic discourse; film discourse; economic communication; communication code; precedent texts.

УДК 811,161.1'37

doi 10.17072/2073-6681-2021-2-58-69

СЛОВО «САМЫЙ» КАК ФАКУЛЬТАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ РУССКИХ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ

Сяоли Сунь

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. sunxiaoli_smile@163.com

SPIN-код: 7842-5088

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2319-7398>

ResearcherID: ABH-7428-2020

Статья поступила в редакцию 19.01.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сунь Сяоли. Слово «самый» как факультативный компонент русских устойчивых сочетаний // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 2. С. 58–69. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-58-69

Please cite this article in English as:

Sun Xiaoli. Slovo “samyj” kak fakul'tativnyy komponent russkikh ustoychivykh sochetaniy [The Word “Samyj” as an Optional Component of Russian Set Expressions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 2, pp. 58–69. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-58-69 (In Russ.)

В статье рассматриваются особенности функционирования слова *самый* как факультативного компонента русских устойчивых сочетаний (УС). Сравнение различных словарей иногда выявляет разницу в описаниях как отдельных слов, так и устойчивых сочетаний. Например, факультативный компонент УС, зафиксированный в одном словаре, не оставляет никаких следов в другом, ср.: *попадать/попасть в (самую) жилку* во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» – *попадать/попасть в жилку* в МАС. Нередко словарные дефиниции устойчивого сочетания не согласуются с его реальным употреблением в устной речи. УС может употребляться в разговорной речи как в полном, так и в неполном составе, т. е. в одних случаях какой-то компонент опускается, в других – сохраняется. Многие УС со словом *самый*, содержащиеся в словарях, вообще не используются или редко используются в повседневной речи или имеют формы, отличные от тех, что зафиксированы в словарях. В настоящем исследовании проведена проверка факультативности компонента *самый* в устойчивых словосочетаниях в современном русском языке и речи, и инструментом для такой проверки стали МАС и устный подкорпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Устный подкорпус НКРЯ включает в себя расшифровки публичной и частной устной речи, а также транскрипты кинофильмов («имитацию устной речи»), но в фокусе данного исследования находится бытовая устная речь. Качественный и количественный анализ материала используется в настоящей статье независимо и одновременно для сбора и интерпретации данных. Когнитивный подход к исследованию языковой единицы *самый* как факультативного компонента устойчивых сочетаний может способствовать созданию лексикографического портрета слова *самый* в русском языке/речи.

Ключевые слова: русская устная речь; устойчивое сочетание; факультативный компонент; форма-идиома; фразеологизм; грамматикализация; идиоматизация; слово-интенсификатор.

Введение

Слово *самый* в русском языке относится к разряду определительных местоимений [МАС 1988: 25–26], или местоименных определительных прилагательных [Русская грамматика, т. I,

1980: 542]. Грамматики отмечают специфику значения подобных единиц, они «обозначают такие признаки, которые возникают на основе отношения говорящего к лицам, предметам и явлениям» [там же]. Ср. также общую характе-

ристику *местоимений* как части речи: это «лексико-семантический класс знаменательных слов, в значение которых входит либо отсылка к конкретному речевому акту (к его участникам, речевой ситуации или к самому высказыванию), либо указание на тип соотношенности слова с внеязыковой действительностью (его денотативный статус)» [Крылов, Падучева 2002: 294–295]. Именно поэтому словари трактуют слово *самый* в основном через употребление¹, ср.: «1. Употребляется при указательных местоимениях “тот”, “этот” для их уточнения в значении: именно, как раз. *В эту самую минуту...*; *Даша играла ту самую сонату...*» (здесь и далее в цитатах выделения авторские. – С. С.) – и т. д. [МАС 1988: 25–26]. С таким типом значения связано и то обстоятельство, что местоимение *самый* употребляется почти исключительно в устойчивых (связанных) сочетаниях (*тем самым, он самый*) и в значительной части своих употреблений выступает как результат процессов грамматикализации (*самый добрый*), идиоматизации (*по самую шею*) или прагматикализации (*он это самое не вполне здоров*) (см. подробнее о веерной шкале переходности² для слова *самый*: [Сунь Сяоли 2021]). При этом часто слово *самый* является не обязательным, а факультативным компонентом таких устойчивых сочетаний (УС), что отмечается уже и в словарных фиксациях.

В словарях факультативные компоненты УС указываются обычно в круглых скобках. В отличие от вариативности, которая может быть свойственна каждому компоненту УС и не ведет к количественным изменениям в его составе, факультативность охватывает лишь отдельные компоненты и иногда вызывает количественное изменение сочетания [Рублева 2004: 134]. Принципы отбора УС (измерительные признаки и показатели) в словарях могут быть различны, поэтому неудивительно, что словари иногда дают разные описания одного и того же зафиксированного УС. Более того, словарные дефиниции устойчивых сочетаний не всегда совпадают с их реальным употреблением в устной речи, где «при ближайшем рассмотрении можно увидеть не только девиантность, отклонение от общепринятых языковых норм, но и просто другую организацию дискурса, другие единицы и другие правила их функционирования – фактически другой словарь и другую грамматику» [Богданова-Бегларян 2016: 26].

Исследовательское внимание в настоящей статье сосредоточено на употреблении слова *самый* как факультативного компонента устойчивых сочетаний в современном русском языке и речи. В работе предлагаются когнитивные подходы к описанию функционирования данной

единицы, чтобы выявить – на основе количественного и качественного анализа материала – сходства и различия структурных вариантов УС, включающих данный компонент.

Источники материала исследования

Источником *материала* для настоящего исследования стали различные словари, которые можно разделить на несколько групп:

1. Фразеологические словари: «Учебный фразеологический словарь» [Быстрова и др. 1997], «Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии» [Кузьмич 2000], «Большой фразеологический словарь русского языка» [Телия 2006], «Фразеологический словарь русского литературного языка» [Федоров 2008].

2. Толковые словари: «Словарь русского языка в четырех томах» под ред. А. П. Евгеньевой [МАС 1985–1988]; «Толковый словарь русского языка» [Ожегов, Шведова 1992], «Новый словарь русского языка. Толково-образовательный» [Ефремова 2000].

3. Словари разговорного языка: «Живая речь. Словарь разговорных выражений» [Белянин, Бутенко 1994], «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» [Химик 2004].

4. «Большой словарь русских поговорок» [Мокиенко, Никитина 2007].

5. «Пословицы русского народа» [Даль 1989].

6. «Словарь синонимов ASIS» [Тришин 2013].

7. Русский Викисловарь [<https://ru.wiktionary.org/wiki/>].

Кроме словарей, к анализу привлекался материал устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (УП НКРЯ) [<http://www.rus-corpora.ru/>].

Модели устойчивых сочетаний с компонентом *самый*

Поиск по словарям позволил выявить 107 УС со словом *самый*, которые и составили пользовательский подкорпус (ПП) настоящего исследования. В ПП вошли 24 пословицы/поговорки (*Из тех же господ, только самый испод*), одна перифраза (*представительница самой древней профессии*) и 82 идиомы/фразеологизма (*до самого / по самое некуда; самый что ни на есть*). Весь материал удалось описать с помощью следующих восьми моделей:

- 1) САМЫЙ + существительное (*в (самом) прыску; в самый раз*);
- 2) САМЫЙ + прилагательное (*с самой высокой трибуны; самое большее/большое*);
- 3) САМЫЙ + наречие (*до самого/по самое некуда; до самого нельзя*);
- 4) САМЫЙ + глагол (*по самое не балуй(ся); по самое не хочу*);

- 5) САМЫЙ + местоимение-существительное (*самое оно/то*);
- 6) САМЫЙ + идиома (*самый что ни на есть*);
- 7) САМЫЙ + междометие (*наклась по самое покорно благодарю*);

- 8) указательное местоимение + САМЫЙ + существительное (*тем самым; то же самое; тот самый случай*).

Количественное соотношение выделенных разрядов УС в пользовательском подкорпусе представлено на рис. 1.

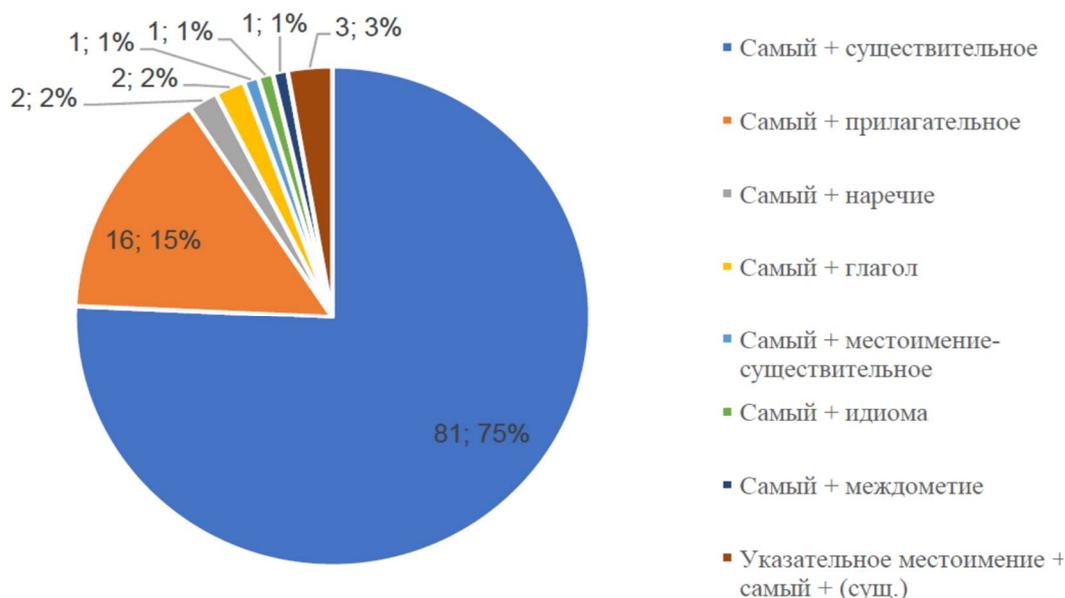

Рис. 1. Количественное соотношение выделенных разрядов устойчивых сочетаний в материале исследования
Fig. 1. The Proportions of the Identified Categories of Set Expressions in the Material of Research

Из рис. 1 видно, что бóльшая часть УС со словом *самый* включает в свой состав имя существительное (75,7%). Достаточно много в ПП оказалось и УС с именем прилагательным (15,0%). Остальные модели представлены единичными примерами. Видно также, что во всех случаях процессу идиоматизации сопутствует грамматикализация. Например, в сочетании с качественным прилагательным местоимение *самый* начинает функционировать как компонент формы превосходной степени (суперлатива), фактически как формообразующая частица (*грамматикализация*)³, и лишь затем все выражение подвергается еще и *идиоматизации*, ср.: *самое позднее* = ‘о конечном сроке совершения какого-л. действия’ [МАС 1987: 238], *самое плёвое дело* – ‘о чем-то не требующем большого труда, легко исполнимом; нехитром, простом’ [МАС 1987: 138]. В остальных случаях оба процесса происходят практически одновременно и слово *самый* становится компонентом УС, функционирующего в русском языке чаще всего в роли наречия или предиката, ср.: *в самом соку* = ‘в самом расцвете физических сил’ [МАС 1988: 187]; (*попасть*) *в самую точку* = ‘догадаться

сделать или сказать именно то, что нужно; угадать”⁴ [там же: 392].

Практически во всех предложенных моделях слово *самый* выступает в функции *интенсификатора*. В составе суперлатива это полностью соответствует грамматике данной формы (превосходная степень качества), в остальных случаях можно говорить о «таких функционально-семантических операциях, как акцентирование (подчеркивание), усиление, выделение, полнота, градация (обычно высокая степень), обобщение, оценка» [Лекант 2011: 74].

На рис. 2 представлено количественное соотношение выявленных УС, в составе которых *самый* (по данным словарей) является обязательным или факультативным компонентом.

Видно, что в качестве обязательного компонента УС слово *самый* выступает в 2,1 раза чаще, чем в качестве факультативного. Последние случаи, тем не менее, вызывают особый лингвистический интерес. Здесь нужно подчеркнуть, что факультативные компоненты не меняют лексико-грамматической характеристики УС и не нарушают его структурно-семантической целостности [Ван Ливэнь 2015: 92].

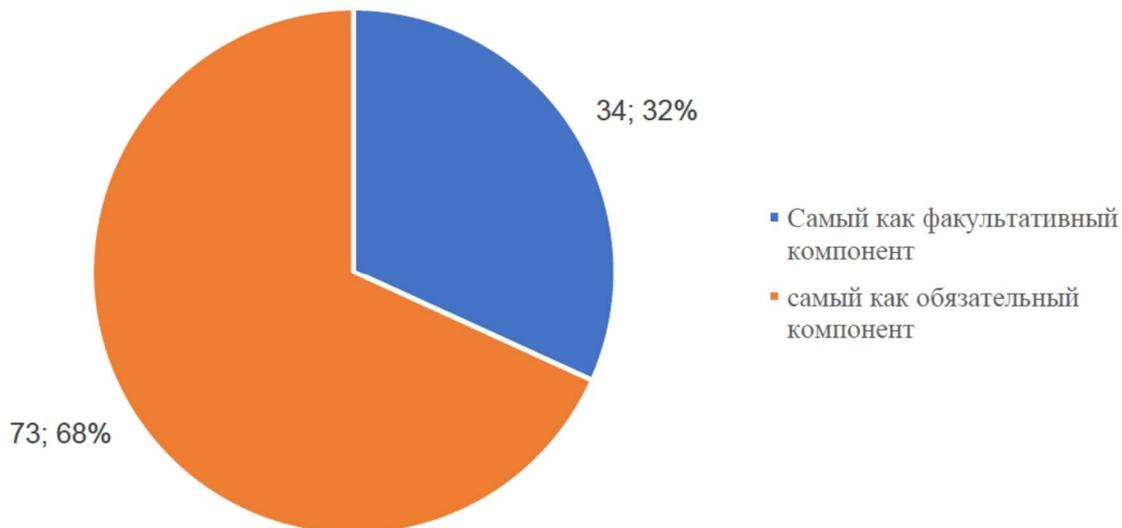

Рис. 2. Соотношение факультативных и обязательных употреблений компонента *самый* в составе устойчивых сочетаний
 Fig. 2. The Proportions of Optional and Obligatory Usages of the Component *Samyj* in Set Expressions

Так, в словарях есть два устойчивых выражения: *в аккурат* и *в самый аккурат*, которые имеют совсем разные значения:

- 1) *Угощение вышло в самый аккурат. На столе стоял гранёный графинчик мутновато-синей самогонки, да рядом в тарелке был нарезан пирог с калиной* (прост. 'своевременно, в подходящий момент; в самый раз') [Федоров 2008: 14];
- 2) *В аккурат перед наступлением был я в разведке* (прост. 'то же, что аккурат', т. е. 'точно, как раз' [МАС 1985: 29].

Очевидно, что слово *самый* оказало влияние на семантическую целостность УС *в самый аккурат*, т. е. *самый* здесь – обязательный компонент. Форма-идиома⁵ *в аккурат* – это совсем другое УС, отличное от *в самый аккурат*. Поэтому *в самый аккурат* в настоящем исследовании отнесено к группе из 73 УС, в которых *самый* является обязательным компонентом.

Те 34 устойчивых сочетания, где *самый* является факультативным компонентом, включают в себя 4 УС типа <*самый* + прилагательное>: (*самое*) *плёвое дело*, (*самое*) *последнее дело*, *в (самом) чёрном виде*, *до (самой) последней минуты*. В первых трех УС с помощью формообразующей частицы *самый* выражается, как уже отмечалось выше, высокая степень качества, которая присуща какому-либо «предмету». Без *самый* вышеуказанные УС лишаются значения высокой степени качества, но остаются устойчивыми, поэтому здесь *самый*, вне всякого сомнения, представляет собой полноценный факультативный компонент. В последнем УС *до (самой) последней минуты* слово *самый* в сочетании «с относи-

тельными прилагательными, определяющими временные и пространственные признаки, указывает на крайний предел признака» [МАС 1988: 26]. Здесь слово *последний* значит 'такой, за которым не следуют другие, находящийся в самом конце ряда каких-л. предметов, явлений и т. п.' [МАС 1987: 316], оно усиливает семантику прилагательного *последний*, поэтому может быть опущено в употреблении.

В остальных 30 УС факультативность компонента *самый* определяется по-разному в различных словарях. Все эти устойчивые сочетания относятся к подгруппе *идиом/фразеологизмов* и к разряду <*самый* + существительное>. В литературе отмечается, что такие единицы «нередко <...> имеют формальные варианты и т. н. факультативные компоненты» [Рублева 2004: 133]. На следующем этапе настоящего исследования были использованы МАС и устный подкорпус Национального корпуса русского языка в качестве инструментов для проверки факультативности компонента *самый* во всех 30 рассматриваемых УС.

Проверка факультативности компонента *самый* в составе исследуемых устойчивых сочетаний по МАС

МАС – академический четырехтомный толковый словарь, один из наиболее авторитетных нормативных словарей современного русского литературного языка. На базе МАС была проведена проверка факультативности компонента *самый* в исследуемых УС, чтобы выявить сходства и отличия от данных пользовательского подкорпуса. Результаты проверки представлены на рис. 3.

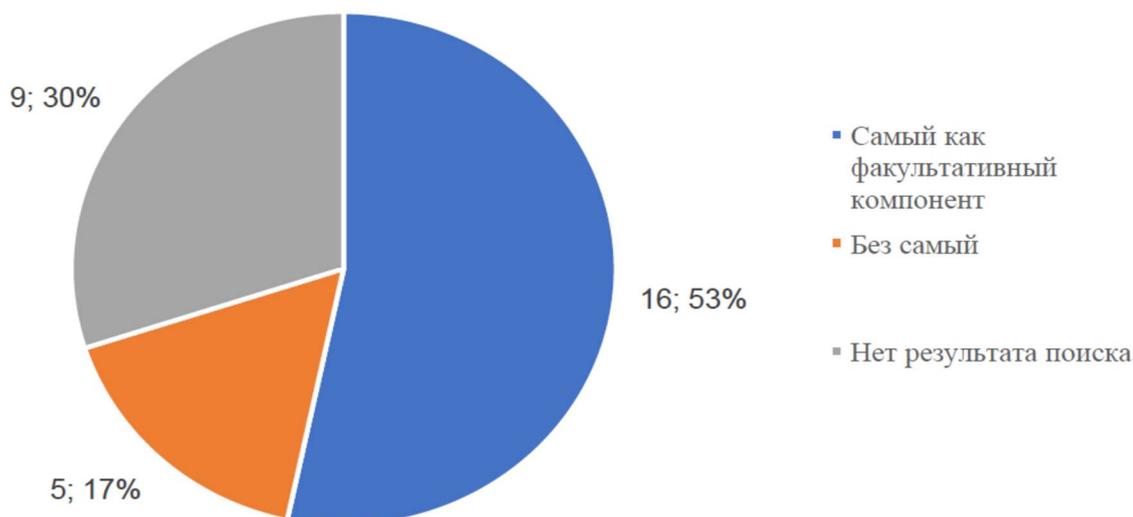

Рис. 3. Факультативность компонента *самый* в составе исследуемых устойчивых сочетаний по МАС
 Fig. 3. Optionality of the Component *Samyj* in the Studied Set Expressions According to the Small Academic Dictionary

Из рис. 3 видно, что 9 УС из ПП (30 %) вообще не найдены в МАС: *в (самую) пропорцию/пропорцию, в (самом) прыску, до (самых) потрохов, до (самого) последу, на (всю, самую) пяту, по (самую) шею, в (самое) яблочко, в (самую) тютельку, взять/брать под (самый) корень*. Они попали в ПП из словарей фразеологизмов, поговорок и синонимов.

Однако в МАС удалось найти фразеологизмы *тютелька в тютельку* ('точь-в-точь, совершенно точно') [МАС 1988: 435] и *подорвать (подрубить, подкосить, подсечь) под корень* ('подорвать самое основание чего-л.; причинить непоправимый вред') [МАС 1986: 103], которые по составу приближаются к фразеологизмам из ПП *в (самую) тютельку (разг. экспр. 'очень точно')* [Федоров 2008: 694] и *взять/брать под (самый) корень (прост. экспр. 'полностью, целиком переустраивать на новый лад кого-либо')* [Федоров 2008: 694: 45]. Видно, что первые две единицы (*тютелька в тютельку* и *в (самую) тютельку*) очень близки по значению, но различаются по выражению степени точности действия, причем различие это создается именно интенсификатором *самый*. Вторые две единицы (*подорвать (подрубить, подкосить, подсечь) под корень* и *взять/брать под (самый) корень*) существенно отличаются друг от друга по смыслу, причем это различие создается, скорее, глаголами, а не компонентом *самый*.

Из оставшихся 21 УС 16 единиц пользовательского подкорпуса (53 %) полностью подтвердились данными МАС, т. е. в них *самый* является факультативным компонентом. Однако два из этих 14 УС все же отличаются от других своим описанием в МАС: *до (самого) конца* и

в (самую) меру. В МАС даны соответствующие формы без *самый*: *до конца* [МАС 1986: 89] и *в меру* [там же: 252]. По количественным данным⁶, соотношение в МАС единиц *до конца* и *до самого конца* – 254:1, а *в меру* и *в самую меру* – 31:1. См. единственные примеры употребления УС *до самого конца* и *в самую меру*, приведенные в МАС:

- 3) [Рылеев] *подчинил все свое творчество революционной идее. Гражданственность стала его музой, которой он не изменил до самого конца своего краткого литературного пути*. Вс. Рождественский. В созвездии Пушкина (в словарной статье на слово *гражданственность* [МАС 1985: 342]);
- 4) *На похоронах Пелагея Петровна поплакала в самую меру, отпустив слез и причитаний ровно столько, сколько требовалось* (в словарной статье на слово *самый* [МАС 1988: 26]).

Известно, что частотность «служит показателем активности и пассивности лексем и устойчивых словесных комплексов» [Глинкина 2011: 10]. По полученным в настоящем исследовании данным видно, что единицы *до самого конца* и *в самую меру* относятся к низкочастотным УС по сравнению с формами *до конца* и *в меру*, т. е. *самый* в их составе является действительно факультативным компонентом, который редко употребляется в современном русском языке.

Наконец, в МАС нашлось 5 УС (17 %) без компонента *самый*, что полностью отличается от данных ПП: *в зародыше, не в бровь, а (прямо) в глаз, по горло, попадать/попасть в жилку, с головы до ног*. Впрочем, функцию интенсификатора в одном из этих выражений выполняет усили-

тельная частица *прямо* (см. о ней: [МАС 1987: 551]): вместо *не в бровь, а в (самый) глаз* МАС дает другой вариант: *не в бровь, а (прямо) в глаз* [МАС 1985: 116], и этот интенсификатор тоже, судя по скобкам, является факультативным.

Проверка факультативности компонента *самый* в составе исследуемых устойчивых сочетаний по устному подкорпусу НКРЯ

Национальный корпус русского языка является крупнейшим русскоязычным контентом, который включает в себя не только письменные, но и устные тексты. В устном подкорпусе (УП) НКРЯ есть расшифровки записей публичной и частной устной речи, а также транскрипты кинофильмов (см. подробнее: [https://ruscorpora.ru/new/corpora-intro.html]). «Основными характеристиками разговорной речи, которые обеспечивают ее синтаксическое, семантическое, а также морфологическое своеобразие, являются ее спонтанность, неподготовленность, а также невоспро-

изводимость» [Гришина 2007: 147]. Однако публичная речь – это речь устного выступления, которой присущи многие черты как устной, так и письменной речи. Публичная речь редко бывает неподготовленной. Речь кино носит «квазиспонтанный» характер [Горшкова 2006: 19], являясь лишь «приближенным отображением спонтанного разговора» [Vubel 2006: 60]; кинодиалог не только не вполне спонтанен и подготовлен, но и принципиально воспроизводим [Гришина 2007: 147], из чего можно заключить, что речь кино – это лишь «имитация устной речи» [Капанадзе 2005: 230]. Поэтому очевидно, что рассматривать эти типы речи в одном ряду не совсем правомерно. Устная бытовая речь носителей языка должна быть самостоятельным объектом исследования, что мы и попытаемся сделать ниже. Тем не менее начнем с результатов проверки в целом по УП НКРЯ – они представлены на рис. 4.

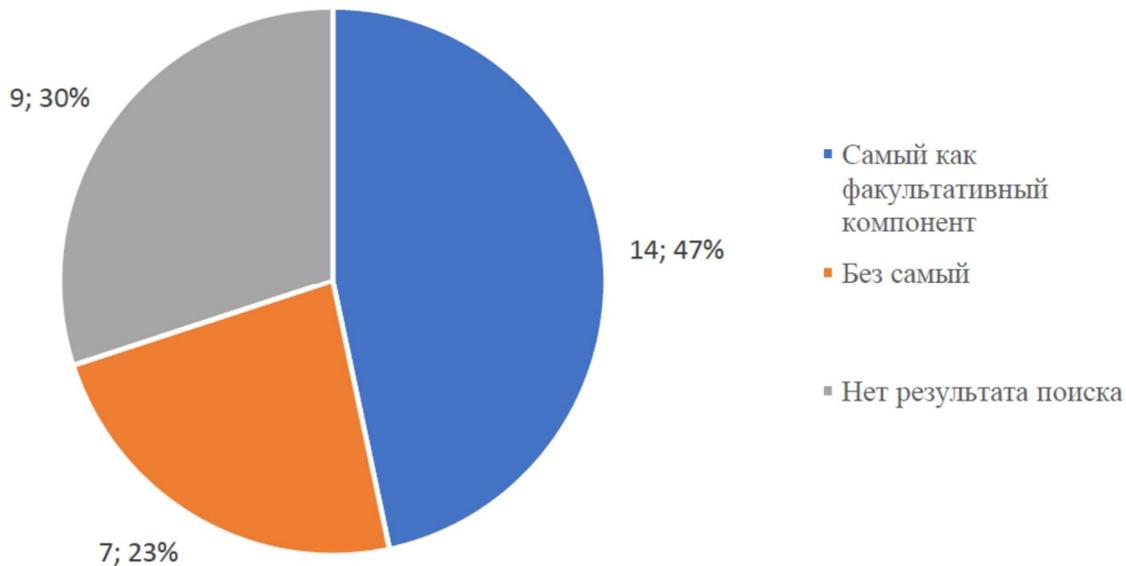

Рис. 4. Факультативность компонента *самый* в составе исследуемых устойчивых сочетаний по УП НКРЯ

Fig. 4. Optionality of the Component *Samyj* in the Studied Set Expressions According to the Corpus of Spoken Russian of the Russian National Corpus

Поиск по корпусу показал, что 9 устойчивых сочетаний из ПП настоящего исследования (30 %) в УП отсутствуют: *в (самом) соку, в (самую) препорцию/пропорцию, в (самом) прыску, до (самых) потрохов, до (самого) последу, на (всю самую) пята, попадать/попасть в (самую) жилку, взять/брать под (самый) корень, на (самом) юру*. Еще 7 УС (23 %) имеют в УП только форму без компонента *самый*, ср.:

- 5) *Ни своего отца и матери / если только он ещё на поре лет / и тело его было бы выброшено на съедение птицам и зверям степным* [Н. В. Гоголь. Вий (исп. Б. А. Ба-

бочкин) (1841–1961). // URL: <http://staroe-radio.ru/audio/2254>];

- 6) *Вот в частности / я был уязвлен просто не в бровь / а в глаз / изречением Андрея Кураева таким / что / как правило / те / кто наезжают на предование в православной церкви / сразу же без перехода начинают безумно восхищаться и хвалить буддистские обряды* [С. Калугин. Ответ С. Калугина на вопрос об Андрее Кураеве (1998) // Из коллекции НКРЯ];
- 7) *Хоть голубых / хоть розовеньких в полочку / хоть серых в яблочко / пожалуй-*

- ста! [В. Катаев, Г. Александров, Е. Петров, И. Ильф. Цирк, к/ф (1936)];
- 8) *Если это верно и по существу / мы ваши с головы до ног* [А. Эйрамджан, Г. Бержанов. Где находится нофелет? к/ф (1987)];
- 9) *Там была война / экономика в упадке / живут в изоляции и здесь хоть в пору клич кинуть* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) (2000) // Фонд «Общественное мнение»];
- 10) *Эмирсон здесь сторожит/ не даёт/ не даёт/ перекрывает всё в середине поля / э... наши атаки пытается в зародыше убить* [В. Гусев. Спортивный репортаж: футбол. Россия – Бразилия. Товарищеский матч. 01.03.2006. (2006) // «Первый канал», прямой эфир];
- 11) *Пусть в следующий раз сам лезет... по шею... в говно!* [А. Смирнова, А. Учитель. Прогулка, к/ф (2003)].

В отличие от вариативной формы *на/в поре*, которую дают словари, в устном подкорпусе совсем не нашлось вхождений формы *в поре*. Существует только один пример формы *на поре (лет)* (5) в особом типе устной речи – аудиокниге, которую можно определить как устную репрезентацию письменных текстов [Дунашова 2020: 69]. Это хорошее доказательство того, что УС *на/в поре* очень редко используется в устной речи. Из примеров (5)–(11) видно, что факультативный компонент *самый* не оказывает существенного влияния на значение упомянутых 7 УС, частотно и стабильно опускается в устной речи, что демонстрирует действие принципа «экономии речевых усилий»⁷.

Остальные 14 УС (46 %) в УП НКРЯ имеют две формы: с *самый* и без него, т. е. *самый* действительно является факультативным компонентом.

Однако анализ только бытовой речи (без публичной и речи кино) дал совершенно другой результат. Так, 4 УС из 14 в бытовой речи в корпусном материале не встретились вовсе: *в (самую) тютельку, из-под (самого) носа, на (самом) солнцепёке, в (самом) разгаре*. Еще 6 УС имеют только форму без *самый*: *перед/под носом, в меру, в точку, до смерти, наверху, на краю*. А одно УС *в (самом) низу*, наоборот, имеет форму только с компонентом *самый*, ср.:

- 12) *Представляешь / как ты спускаешься / там скорость когда в самом низу*. [Разговор о водных горках (2008) // Из коллекции НКРЯ].

В результате в бытовой речи нашлось только 3 из 14 УС, где *самый* представляет собой необязательный компонент: *по (самое) горло, до (са-*

мого) конца, с (самого) начала. Стоит отметить также, что количественное соотношение между формами *до самого конца* и *до конца* (27:5) в бытовой речи УП НКРЯ противоположно результату, который был получен на материале МАС (1:254).

Таким образом, хорошо видно, что поведение слова *самый* в реальной речи существенно отличается от того, что зафиксировано в словарях. Анализ его употребления в устной речи позволяет увидеть многообразие функциональных возможностей данной языковой единицы и в целом лексическую и грамматическую специфику русского устного дискурса.

Заключение

Статистическая категория частотности (встречаемость единицы в каком-то количестве источников с определенной частотой) может продемонстрировать количественные характеристики слов или словосочетаний в языке и речи. Проведенный анализ хорошо показал, что «жизнь слова в его реальном употреблении не всегда отражается и фиксируется словарями» [Богданова 2017: 7–8]. Нередко встречается «несогласованность дефиниции того или иного слова и его реального употребления в речи рядового носителя языка» [Богданова 2012: 65]. А иногда можно обнаружить несогласованность между различными словарями на основании разных принципов отбора материала. Представляется, что именно так обстоит дело с обязательностью или факультативностью компонентов устойчивых сочетаний в современном русском языке. В настоящее время можно даже поставить задачу оптимизации словарных дефиниций с учетом когнитивно необходимой информации, с фиксацией всего разнообразия употребления каждой языковой единицы в русском языке и устной речи. О стремлении современной лексикографии⁸ к такому «обновлению словарного пространства» [Богданова 2017: 7] лингвисты заговорили особенно активно с тех пор, как для нужд лингвистических исследований были созданы объемные языковые и речевые корпуса. В связи с этим формулируются даже новые задачи, которые встают перед лексикографией и лексикографами, ср.: «задача лексикографа, если он не хочет покинуть почвы своей науки и превратиться в энциклопедиста, состоит в том, чтобы вскрыть наивную картину мира в лексических значениях и отразить ее в системе толкований» [Апресян 1995: 58]. Настоящее исследование особенностей функционирования слова *самый* в качестве факультативного компонента различных устойчивых сочетаний может помочь такому «обновлению словарного пространства» русского языка.

Примечания

¹ С учетом такой специфики местоимений удобнее всего описывать их именно в рамках *грамматики употреблений*, или модели языка, основанной на употреблении, – *usage-based theory* [Tomasello 2003; Boye, Harder 2012]. Для этого направления характерны следующие признаки: (1) наблюдения основаны на значительном, тщательно обобщенном материале; (2) наблюдения проводятся не на сконструированных автором примерах, а на материале живой речи, зафиксированной лингвистами со всеми ее особенностями; (3) материал подвергается статистической обработке, а выводы основаны не только на качественном, но и на количественном анализе [Tomasello 2003]. Возможность такого описания обеспечивает только корпусный подход к анализу материала, что и предпринято в настоящем исследовании.

² Данная шкала была построена по модели, предложенной Р. Р. Шамсутдиновой для описания природы лексемы *ничего*. Автор отмечает диффузность и синкретизм этой единицы и показывает, что «поэтапные “веерные” преобразования и есть реализация ее местоименной сущности» [Шамсутдинова 2019: 221]. Думается, что подобный подход правомерен и для описания функционирования лексемы *самый*, имеющей такую же «местоименную сущность».

³ Такую «подвижность» категорий в системе частей речи, которая наиболее ярко проявляется в «одностороннем движении» – переходе знаменательных слов в незнаменательные (служебные, формальные «структурные») (*грамматикализацию*), отмечал еще В. В. Виноградов [Виноградов 1947].

⁴ Первое словарное значение данного выражения – ‘попасть точно в цель при стрельбе, метании’ [МАС 1988: 392] – вряд ли может считаться устойчивым.

⁵ Вслед за П. А. Лекантом, относим такие «устойчивые предложно-субстантивные формы» к классу *форм-идиом* [Лекант 1965: 42] – на том основании, что «в них нельзя выделить элементы значения, внесенные предлогом и существительным. Предлог не может быть определен и как формальное слово, как носитель грамматического значения. Всем этим формы-идиомы отличаются от соответствующих свободных сочетаний предлога с существительным» [там же: 43]. Ср. также рассуждения В. В. Виноградова о росте аналитизма в русском языке: «Из грамматического слова вырастают грамматические идиоматизмы и аналитические словосочетания» [Виноградов 1947: 37]. Именно наличие таких *форм-идиом*, или *грамматических идиоматизмов*, вынуждает лишь с оговоркой считать *однослов-*

ность одним из критериев идиоматичности / фразеологичности (см. рассуждения и обзор литературы на этот счет в: [Лю Даян 2020: 58–60]).

⁶ В данной статье используется Adobe Acrobat Reader DC для поиска и ведения подсчета числа устойчивых словосочетаний в МАС в формате PDF. Adobe Acrobat Reader DC – единственное средство просмотра PDF-файлов с функциями чтения, поиска, печати и взаимодействия, поддерживающее практически все типы PDF-файлов. См. подробнее: [<https://acrobat.adobe.com/ru/acrobat/pdf-reader.html>].

⁷ В России разработка проблемы экономии речевых усилий тесно связана с лингвистической деятельностью В. А. Богородицкого. Он неоднократно указывал на «реализацию тенденции экономии речи в результате опрощения сочетаний слов и артикуляционного облегчения звуко сочетаний» [Самарин 2016: 96]. Нередко экономия речевых усилий выявляется «в компрессии знаковой системы при помощи эллипсиса» [Каптюрова 2014: 15].

⁸ Речь идет о «периоде *лексикографического ренессанса* (курсив наш. – С. С.) конца XX – начала XXI века и появления новых лексикографических технологий» – периоде, в который «закономерно возникла необходимость научного осмысления новых объектов или более углубленного исследования объектов, ранее лексикографически не описанных» [Приемышева 2020: 58].

Список словарей и других источников

- Белянин В. П., Бутенко И. А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М.: ПАИМС, 1994. 192 с.
- Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь. М.: АСТ, 1997. 289 с.
- Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Художественная литература. 1989. Т. I. 431 с.; Т. II. 447 с.
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: 2 т. М.: Русский язык, 2000. Т. I. А–О. 1213 с.; Т. II. П–Я. 1084 с.
- МАС – Словарь русского языка в четырех томах / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык. Т. I. А – Й. 1985. 696 с.; Т. II. К – О. 1986. 736 с.; Т. III. П – Р. 1987. 752 с.; Т. IV. С – Я. 1988. 790 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 785 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 908 с.
- Кузьмич В. Б. Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии. М.: Зеленый век, 2000. 448 с.

Телия Е. Н. Фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2006. 784 с.

Тришин В. Н. Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS. URL: <http://www.trishin.ru/left/dictionary/> (дата обращения: 29.12.2020).

Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: АСТ, 2008. 878 с.

Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.

URL: <https://acrobat.adobe.com/ru/ru/acrobat/pdf-reader.html> (дата обращения: 20.10.2020).

URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 20.10.2020).

URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.10.2020).

URL: <https://ruscorpora.ru/new/corpora-intro.html> (дата обращения: 20.10.2020).

Список литературы

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.

Богданова Л. И. Когнитивная информация для толковых словарей // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 65–70.

Богданова Л. И. Слово в речи и в словаре // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. Сб. науч. материалов / гл. ред. И. Л. Копылов. Минск: Четыре четверти, 2017. С. 7–12.

Богданова-Бегларян Н. В. Устная спонтанная речь и разнообразие происходящих в ней процессов // Cross Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES). November 2016. Iss. III, P. 26–31.

Ван Ливэнь. Внешность человека как объект образной характеристики в системе устойчивых сравнений русского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 347 с.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для высш. учеб. заведений. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 785 с.

Глинкина Л. А. Частотность как значимый регистр лексикографии и фразеографии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3. С. 7–11.

Горшкова В. Е. Теоретические основы процессоориентированного подхода к переводу кинодиалога (на материале современного французского кино): дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2006. 367 с.

Гришина Е. А. О маркерах разговорной речи (предварительное исследование подкорпуса кино в Национальном корпусе русского языка) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные тех-

нологии: труды междунар. конф. «Диалог 2007». Бекасово: РГГУ, 2007. С. 147–156.

Дунашова А. В. Десять речевых масок перевоплощенной языковой личности: просодический аспект // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. 2020. № 1. С. 67–81.

Капанадзе Л. А. Разговорная речь и киноязык // Л. А. Капанадзе. Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2005. С. 228–231.

Кантюрова Е. В. Современный телевизионный дискурс: экономия и избыточность речевых усилий // Научный потенциал. Чебоксары: НИИ педагогики и психологии. 2014. № 3–4. С. 13–17.

Крылов С. А., Падучева Е. В. Местоимение // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. С. 294–295.

Лекант П. А. К вопросу о формах-идиомах в русском языке // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1965. С. 41–43.

Лекант П. А. Субъективная аналитическая категория интенсива в русском языке // Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка: коллективная монография / под ред. П. А. Леканта. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2011. С. 130–136.

Лю Даян. Фразеологизмы в русской повседневной речи: типология и функционирование: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 201 с.

Приемышева М. Н. Разговорная лексика vs разговорная речь: тенденции и проблемы лексикографического описания // Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения): тез. докл. Междунар. конф. (23–25 февр. 2020 г.) / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020. С. 58–59. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf> (дата обращения: 20.10.2020).

Рублева О. Л. Лексикология современного русского языка: учеб. пособие. Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2004. 257 с.

Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. I. 784 с.

Самарин Д. А. Реализация принципа экономии речевых усилий в лингвистической концепции В. А. Богородицкого // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 1(105). С. 96–99.

Сунь Сяоли. Слово *самый* как компонент устойчивых сочетаний в русском языке и речи // Язык и мышление в эпоху глобальных перемен: материалы Междунар. науч. конф. по когнитивной лингвистике; Нижегород. гос. линг. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2–4 июня 2021 г. Н. Новгород, 2021. В печати.

Шамсутдинова Р. Р. «Веерная» переходность местоимения *ничего* // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сб. науч. трудов Междунар. науч. симп. / науч. ред. В. Н. Степанов; отв. ред. Л. В. Ухова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 221–228.

Boye K., Harder P. A Usage-Based Theory of Grammatical Status and Grammaticalization // *Language*. 2012. № 88(1). P. 1–44.

Bubel C. The Linguistic Construction of Character Relations in TV Drama: Doing Friendship in Sex and the City. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie der Philosophischen Fakultäten der Universität des Saarlandes. Saarbrücken: Universitaet des Saarlandes, 2006. 294 p.

Tomasello M. *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition*. Harvard University Press, 2003. 388 p.

References

Apresyan Yu. D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical Semantics. Synonymous Language Means]. Moscow, Languages of the Russian Culture Publ., 1995. 472 p. (In Russ.)

Bogdanova L. I. Kognitivnaya informatsiya dlya tolkovykh slovarey [Cognitive information for explanatory dictionaries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsia* [Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication], 2012, issue 2, pp. 65–70. (In Russ.)

Bogdanova L. I. Slovo v rechi i v slovare [A word in speech and in a dictionary]. *Slovo i slovar' = Vocabulum et Vocabularium. Sbornik nauchnykh materialov* [Word and Vocabulary = Vocabulum et Vocabularium. Collection of scientific papers]. Ed. by I. L. Kopylov. Minsk, Four Quarters Publ., 2017, pp. 7–12. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N. V. Ustnaya spontannaya rech' i raznoobrazie proiskhodyashchikh v ney protsessov [Oral spontaneous speech and the variety of processes occurring in it]. *Cross Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES)*, 2016, issue 3 (November), pp. 26–31. (In Russ.)

Wang Liwen. *Vneshnost' cheloveka kak ob"ekt obraznoy kharakteristiki v sisteme ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka*. Dis. kand. filol. nauk [Human appearance as an object of figurative characterization in the system of stable comparisons of the Russian language. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2015. 347 p. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)*. Ucheb. posobie dlya vyssh. ucheb. zavedeniy [The Russian Language (Grammatical Teaching about the Word). Textbook for

institutions of higher education]. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1947. 785 p. (In Russ.)

Glinkina L. A. Chastotnost' kak znachimyy registr leksikografii i frazeografii [Frequency as an important characteristic of lexicography and phraseology]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2011, issue 3, pp. 7–11. (In Russ.)

Gorshkova V. E. *Teoreticheskie osnovy protsessoorientirovannogo podkhoda k perevodu kinodialoga (na materiale sovremennogo frantsuzskogo kino)*. Dis. dokt. filol. nauk [Theoretical foundations of the process-oriented approach to the translation of a film dialogue (based on the material of the modern French cinema. Dr. philol. sci. diss.]. Irkutsk, 2006. 367 p. (In Russ.)

Grishina E. A. O markerakh razgovornoy rechi (predvaritel'noe issledovanie podkorpusa kino v Natsional'nom korpusе russkogo yazyka) [On the markers of colloquial speech (preliminary study of the cinema subcorpus of the Russian National Corpus)]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: trudy mezhdunarodnoy konferentsii 'Dialog 2007'* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference 'Dialogue 2007']. Bekasovo, 2007, pp. 147–156. (In Russ.)

Dunashova A. V. Desyat' rechevykh masok perevoploshchennoy yazykovoy lichnosti: prosodicheskii aspekt [Ten speech guises of the transformed linguistic persona: Prosodic aspect]. *Vestnik Moskovskogo gos. lingv. un-ta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 2020, issue 1, pp. 67–81. (In Russ.)

Kapanadze L. A. Razgovornaya rech' i kinoyazyk [Conversational speech and film language]. Kapanadze L. A. *Golosa i smysly. Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Voices and Meanings. Selected Works on the Russian Language]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005, pp. 228–231. (In Russ.)

Kaptyurova E. V. Sovremennyy televizionnyy diskurs: ekonomiya i izbytochnost' rechevykh usilii [Modern television discourse: Speech economy and redundancy]. *Nauchnyy potentsial* [Scientific Potential], 2014, issue 3–4, pp. 13–17. (In Russ.)

Krylov S. A., Paducheva E. V. Mestoimienie [Pronoun]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopedia Publ., 2002, pp. 294–295. (In Russ.)

Lekant P. A. K voprosu o formakh-idiomakh v russkom yazyke [On idiom forms in the Russian language]. *Problemy frazeologii i zadachi ee izucheniya v vysshey i sredney shkole* [Issues of Phraseology and the Objectives of Studying it in Higher and

Secondary Schools]. Vologda, Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1965, pp. 41–43. (In Russ.)

Lekant P. A. Sub'ektivnaya analiticheskaya kategoria intensiva v russkom yazyke [Subjective analytical category of the intensive in the Russian language]. *Analitizm v leksiko-grammaticheskoy sisteme russkogo yazyka*. Kollektivnaya monografiya [Analytism in the Lexical and Grammatical System of the Russian Language. Collective monograph]. Ed. by P. A. Lekant. Moscow, Moscow Region State University Press, 2011, pp. 130–136. (In Russ.)

Liu Dayang. *Frazeologizmy v russkoy povsednevnoy rechi: tipologiya i funktsionirovanie*. Dis. kand. filol. nauk [Phraseological units in Russian everyday speech: typology and functioning. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2020. 201 p. (In Russ.)

Priemysheva M. N. Razgovornaya leksika vs razgovornaya rech': tendentsii i problemy leksikograficheskogo opisaniya [Spoken vocabulary vs spoken language: tendencies and issues of lexicographic description]. *Povsednevnyaya rech' kak ob'ekt leksikografii (Trinadtsatye Shmelevskie chteniya)*. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii (23–25 fevralya 2020 g.) [Everyday Speech as an Object of Lexicography (Thirteenth Shmelev Readings). Abstracts of the international conference (February 23–25, 2020)]. Ed. by L. P. Krysin. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020, pp. 58–59. Available at: <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf> (2020). (accessed 20.10.2020). (In Russ.)

Rubleva O. L. *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka: Uch. posobie* [Lexicology of the Modern Russian Language: Textbook]. Vladivostok, Far Eastern Federal University Press, 2004. 257 p. (In Russ.)

Russkaya grammatika [Russian Grammar]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980, vol. 1. 784 p. (In Russ.)

Samarin D. A. Realizatsiya printsipa ekonomii rechevykh usilij v lingvisticheskoy kontseptsii V. A. Bogoroditskogo [Implementation of the principle of speech efforts saving in the linguistic con-

cept of V. A. Bogoroditsky]. *Izvestia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2016, issue 1(105), pp. 96–99. (In Russ.)

Sun Xiaoli. Slovo *samyi* kak komponent ustoychivykh sochetaniy v russkom yazyke i rechi [The word *samyi* as a component of fixed collocations in the Russian language and speech]. *Yazyk i myshlenie v epokhu global'nykh peremen. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. po kognitivnoy lingvistike. Nizhegorodskiy gosudarstvennyy Lingvisticheskiy Universitet imeni N. A. Dobrolyubova. 2–4 iyunya 2021 g. (Nizhny Novgorod, Rossiya)* [Language and Thinking in the Era of Global Change. Proceedings of the International Scientific Conference on Cognitive Linguistics. Linguistics University of Nizhny Novgorod named after N. A. Dobrolyubov. June 2–4, 2021. (Nizhny Novgorod, Russia)]. Nizhny Novgorod, Linguistics University of Nizhny Novgorod Press, 2021. (In print). (In Russ.)

Shamsutdinova R. R. 'Veernaya' perekhodnost' mestoimeniya *nichego* ['Fan' transitivity of the pronoun *nichego*]. *Russkaya grammatika: aktivnye protsessy v yazyke i rechi: sb. nauchnykh trudov Mezhdunar. nauch. simp.* [Russian Grammar: Active Processes in Language and Speech: Collection of scientific papers of the International scientific symposium]. Ed. by V. N. Stepanov (scientific editor), L. V. Ukhova (senior editor). Yaroslavl, Editorial and Publishing Department of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky Press, 2019, pp. 221–228. (In Russ.)

Boye K., Harder P. A usage-based theory of grammatical status and grammaticalization. *Language*. 2012, issue 88(1), pp. 1–44. (In Eng.)

Bubel C. *The Linguistic Construction of Character Relations in TV Drama: Doing Friendship in Sex and the City*. PhD thesis. Saarbrücken, Saarland University, 2006. 294 p. (In Eng.)

Tomasello M. *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition*. Harvard University Press, 2003. 388 p. (In Eng.)

THE WORD ‘SAMYJ’ AS AN OPTIONAL COMPONENT OF RUSSIAN SET EXPRESSIONS

Xiaoli Sun

Postgraduate Student in the Department of Russian Language

Saint Petersburg State University

11, Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. sunxiaoli_smile@163.com

SPIN-code: 7842-5088

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2319-7398>

ResearcherID: ABH-7428-2020

Submitted 19.01.2021

The article examines the functioning of the word *samyj* as an optional component of Russian set expressions. Comparison of different dictionaries sometimes reveals differences in descriptions of both individual words and set expressions. For example, a situation is possible when the optional component of a set expression present in one dictionary is absent in another one. Compare: *popadat’/popast’ v (samuju) zhilku* in the Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language → *popadat’/popast’ v zhilku* in the Small Academic Dictionary. It is not infrequent that definitions given to a set expression in dictionaries do not agree with its actual use in oral speech. A set expression can be used in colloquial speech both in its full and incomplete versions, i. e. in some cases, some component is omitted, while in others it is preserved. Many set expressions with the word *samyj* contained in dictionaries are not used at all or rarely used in everyday speech, or have forms that differ from those provided in dictionaries. In this study, we examined the optionality of the component *samyj* in set expressions in the modern Russian language and speech, with the Small Academic Dictionary and the Corpus of Spoken Russian being the tools for such examination. The Corpus of Spoken Russian, which is part of the Russian National Corpus, includes transcripts of public and private oral speech, as well as movie transcripts (‘imitation of oral speech’), but the focus of this study is on everyday oral speech. For collecting and interpreting the data, we used qualitative and quantitative analysis of the material independently and simultaneously. The cognitive approach to the study of the linguistic unit *samyj* as an optional component of set expressions can contribute to the creation of a lexicographic portrait of the word *samyj* in the Russian language/speech.

Key words: Russian oral speech; set expression; optional component; form-idiom; phraseological unit; grammaticalization, idiomatization; intensifier.

УДК 811.511.1'37

doi 10.17072/2073-6681-2021-2-70-80

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ НАЗВАНИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

Юлия Анатольевна Шкураток**к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания****Пермский государственный национальный исследовательский университет**

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. shkuratok@mail.ru

SPIN-код: 4745-5799

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2786-8734>

ResearcherID: T-6270-2018

Анастасия Владимировна Кротова-Гарина**инженер кафедры теоретического и прикладного языкознания****Пермский государственный национальный исследовательский университет**

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. anastasia.garina@ya.ru

SPIN-код: 2722-0553

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4538-5402>*Статья поступила в редакцию 29.12.2020***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Шкураток Ю. А., Кротова-Гарина А. В. К проблеме классификации названий мифологических персонажей в коми-пермяцком языке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 2. С. 70–80. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-70-80***Please cite this article in English as:***Shkuratok Yu. A., Krotova-Garina A. V. K probleme klassifikatsii nazvaniy mifologicheskikh personazhey v komi-permyatskom yazyke [On the Classification of Names of Mythological Characters in the Komi-Permyak Language]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 2, pp. 70–80. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-70-80 (In Russ.)*

В статье анализируются названия мифологических персонажей в коми-пермяцком языке. Из различных источников – полевых материалов, архивных записей, статей и монографий – было привлечено почти 300 наименований мифологических персонажей. Анализируемая лексика неоднородна по своему происхождению. Была произведена классификация по языку-источнику, у образованных в коми-пермяцком языке единиц были выделены подгруппы по мотивировочным признакам. Первая группа, составляющая значительную часть, – это заимствования из русского языка, которые употребляются для обозначения тех же мифологических персонажей, что и в языке-источнике (*домовйй, баннйй бес, водянойй, дошлйй, лешйй, нечистйй, колдун/ковдун, колдунья/ковдунья, суседко/суседку*). В некоторых случаях происходит изменение семантики единиц, приобретение ими новых значений (*чуд* ‘чужой, странный древний народ’ > ‘нечистая сила, черт’). Вторая группа – названия, образованные в коми-пермяцком языке, где в основу номинации положены признаки «место обитания» (*ва олись* ‘житель воды’, *джоджулись* ‘житель подполья’, *бана чуд* ‘дух бани’, *кузнеча чуд* ‘дух кузницы’, *ошымос чуд* ‘дух колодца’, *ворись* ‘лесной’, *ворись дядь / вёрдядь* ‘лесной дядя’ и др.); «внешний вид» (*кузь дядя* ‘высокий дядя’, *ыджыт дядя* ‘большой, высокий дядя’, *ыджыт морт* ‘большой, высокий человек’, *чочком морт* ‘белый человек’, *көспель* ‘сухоухий’); «время проявления» (*лунишорика/вуншорика* – ‘дух полей и лугов, полудница’, *лун/вун* ‘день’, *шөр* ‘середина’); «действия» (*ворожитчись* ‘ворожея’, *лечитчись* ‘лекарь’, *шопкись* ‘шепчущий’, *төдись* ‘знающий’, *тишыкөтчись/тишыкөтись* ‘портящий’). Третья группа – производные и/или имеющие «темную» этимоло-

гию названия (*абач* ‘домовой’, *боболь* ‘дух, которым пугают детей’, *калян* ‘бес’, *куль* ‘черт, сатана, дьявол’). Таким образом, коми-пермяцкая лексика, называющая мифологических персонажей, представляет собой пласт лексики, отражающий многовековую историю взаимодействия русских и коми-пермяков на данной территории.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык; Пермский край; мифологическая лексика; мифологический персонаж; демонология.

Введение

Историю описания мифологических воззрений коми-пермяков принято отсчитывать от кратких записей путешественника И. И. Лепехина (1780). В XIX в. появляются работы В. Хлопина (1847, 1849), В. Хлопова (1852), О. Н. Попова (1852), Н. А. Рогова (1858, 1860), И. Н. Смирнова (1891), В. М. Яновича (1903) и др.

Во второй половине XX в. после долгого перерыва целенаправленная работа по изучению духовной и материальной культуры коми-пермяков возобновляется. Защищает докторскую диссертацию и публикует монографию «Очерки по этнографии народов коми» (1958) В. Н. Белицер, проводит многочисленные экспедиции в Коми-Пермяцкий округ Л. С. Грибова и другие ученые. Известным исследователем и популяризатором коми-пермяцкого фольклора данного периода является также В. В. Климов.

В дальнейшем значительный вклад в разработку этой темы внесла диссертация и монография Т. Г. Голевой «Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков». Целью работы автор называет «системный анализ представлений о мифологических персонажах, их прагматическое значение в народной культуре» [Голева 2011: 7]. В начале каждой новой главы Т. Г. Голева перечисляет зафиксированные в полевых записях и извлеченные из источников названия мифологических персонажей (далее – МП).

В 2020 г. появилась книга «Материалы по коми-пермяцкой демонологии» (авторский коллектив: А. В. Кротова-Гарина, Ю. А. Шкуратов, С. Ю. Королёва, А. С. Лобанова, И. И. Русинова). Она представляет собой публикацию текстов сказочной прозы на коми-пермяцком языке с сохранением диалектных особенностей речи рассказчиков. Словарь коми-пермяцких мифологических персонажей, опубликованный в данной книге, включает 52 словарных статьи [Материалы...: 146–154].

Отбор лексических единиц для анализа

Несмотря на наличие многочисленных работ этнографов и фольклористов, лингвистических работ, анализирующих лексико-тематическую группу «Мифологические персонажи» в коми-

пермяцком языке как особую систему, в настоящее время практически нет.

При отборе материала большая часть названий была взята нами из диалектных текстов, записанных авторами в 2016–2020 гг. в сельских районах Коми-Пермяцкого округа. Всего из различных источников – полевых и архивных записей, статей и монографий – было отобрано почти 300 наименований МП, включая фонетические варианты.

Языковой материал, извлеченный из публикаций этнографов и фольклористов, вызывает значительную трудность при лингвистическом анализе, так как большинство номинаций МП подается в этих работах без иллюстративных контекстов. Некоторые названия МП, содержащиеся в работах исследователей, вызывают сомнения в достоверности фиксации. Например, в источниках упоминается название *моха* со ссылкой на архив В. П. Налимова: «моха живет в подполье, жует хлеб (с. Верх-Иньва)» [Чагин 2010: 153; Голева 2011: 188, 200]. Скорее всего, при сборе материала или его интерпретации была допущена ошибка, так как в коми-пермяцком языке нет [x], за исключением поздних заимствований из русского языка.

Некоторые названия МП, на наш взгляд, не могут быть названы собственно номинациями. Например, авторы этнолингвистического сборника «Лупынцы: история, культура, язык» в качестве названия духа воды приводят словосочетание «куим чуня тётка ‘тётка с тремя пальцами’» и название духа леса «вӱрас кодъя оло ‘в лесу который живет’» [ЛИКЯ: 118]. Анализ опубликованного в другой работе контекста дает право говорить о том, что это «идентифицирующее клише», а не номинация: «*Ыджыт йирын эм куйим чуня тётка. Йирыс – ӧддӧн пыдын места речка вылас. Омут сэтӧн. Водяной нылка оло сэтӧн. Этадз тай шуӧны. Эз меным явитчылы. Рыбаккелӧ вӧлі явитчалӧм. Петӧм да эты кузя юрсиа пӧ котрасьны пондӧм. Дерт, пӧди, абу бур одзын, умӧль одзын сия*» – «В большом омуте есть тетка с тремя пальцами. Йир – очень глубокое место на речке. Омут там. Водяная девушка живет там. Так говорят. Не показывалась [она] мне. Рыбакам показывалась она. Вышла [она], и с такими длинными волосами, мол, бегать стала. Конечно, наверное, не пе-

ред добром, перед плохим она [показывается]» (Мысы Гайн.) [Подюков 2018: 110–111].

Проблема, связанная с тем, что считать номинацией МП, на сегодняшний день не имеет единого решения даже для хорошо проработанной славянской традиции. В текстах мифологических рассказов, помимо собственно имен нарицательных, имеющих закрепленное в системе языка значение (как, например, *русалка, домовой* и пр.), существует достаточно широкий ряд однословных и неоднословных наименований, «идентифицирующих клише», эвфемистических названий, указывающих на определенного МП, но не являющихся собственно языковыми единицами. Для неоднословных сочетаний трудно иногда решить, насколько они являются устойчивыми и какой степенью спаянности характеризуются его компоненты. Кроме того, в исследованиях по коми-пермяцкому языку в силу типологических особенностей существует проблема разграничения сложного слова и словосочетания.

В данной работе в качестве материала для анализа были взяты только те номинации, которые обладают относительной семантической и синтаксической слитностью и повторяются в ряде текстов. Лексемы, упоминаемые в работах фольклористов и этнографов без иллюстративных контекстов и вызывающие у нас сомнения, которые невозможно разрешить без опоры на текст, не рассматривались.

Классификация названий мифологических персонажей

Период многовекового взаимодействия с пришлым русским населением отразился на многих аспектах жизни коми-пермяков. Среди собранного языкового материала самую большую группу составляют заимствования из русского языка. Эти лексемы подвергаются в коми-пермяцком языке фонетической адаптации (*леший – лешой, домовый – домовой, банный бес – банной бес, водяной – водяной, дошлый – дошлой, нечистый – нечистой, вежливец – вежливеч, колдун – ковдун, колдунья – ковдунья, дьявол – дяв* и т. п.), грамматической и, очевидно, постепенно вытесняют исконные наименования.

Рассматриваемые названия, как правило, обозначают тех же МП, что и в русском языке, например: *Менӧ ачымӧс уморочитис суседкуыс, да нем тай эз вӧл. Вылам водліс поперӛг. <...> Сіа пӧ кажной керкуын олӧ.* Меня саму суседку давил, и ничего ведь не случилось. На меня ложился поперек. <...> Он, говорят, в каждом доме живет (Кочево) [ПМ]. Лексема *суседко* в качестве обозначения домового широко распространена в русских говорах, в том числе и пермских:

У нас под печкой суседко сидит и на всех смотрит, а по ночам гуляет (Неволино Киш.); *Я-от домового сама видела, у нас-то его суседкой зовут. Больно уж он страшный* (Гарева Чайк.) [СПГ 2: 421–422].

Русские по происхождению наименования не всегда осознаются носителями языка как заимствованные, ср.: *Суседку – сіа старинной словоыс, суседку.* Суседку – это старинное слово, суседку (Коса) [ПМ]; *Ой, кыдз жӧ сӧ шудӧны? Домовик! Вот, и сіа домовикыс – рочӧн, а суседку – сӧ комиӧн.* Ой, как же его называют? Домовик! Вот, и это «домовик» – по-русски, а «суседку» – это по-коми (Белоево Куд.) [ПМ].

Кроме того, заимствованные из русского языка названия могут менять семантику. В качестве примера можно привести лексему *чуд*, связанную с русским заимствованием *чудь* ‘чужой, странный древний народ’, которое становится наименованием нечистой силы [Кривошекова-Гантман 1974: 137; Голева 2011: 49, 51, 141–142, 182–183; Королева, Шкураток 2018 и др.], а также образует наименования *баня чуд, кузнечка чуд, ыб чуд* [Климов 1990: 297–305, 310; Гусев 1952: 47]. Кроме того, в современном коми-пермяцком языке можно выделить следующие значения лексемы *чуд*: 1) общее наименование нечистой силы; 2) персонаж, появляющийся в Святки; 3) дух бани; 4) дух леса; 5) персонаж, которым пугают детей [Материалы...: 154].

Достаточно большую группу составляют демоники, образованные в коми-пермяцком языке и сохраняющие прозрачную внутреннюю форму. По тому признаку, который был актуален для носителя языка и был положен в основу названия, можно определить несколько наиболее продуктивных групп, таковыми являются «место обитания», «внешний вид», «время проявления» и «действия». Выделенные для коми-пермяцкого языка принципы номинации мифологических персонажей в целом совпадают с принципами, обозначенными Л. Н. Виноградовой для славянских языков [Виноградова 2016: 90].

Признак «место обитания» лежит в основе большой продуктивной группы, которая может потенциально пополняться. Существуют названия для духов различных локусов как освоенного человеком пространства, так и не освоенного им.

Большинство названий, образованных по признаку «место обитания», содержат следующие корни: *ва* ‘1. 1) вода || водный, водяной 3) река || речной’; *вӧр* ‘1) лес || лесной’; *горт* ‘дом || домашний’; *карта* ‘хлев, двор’; *ӧшымӧс* (лит. *ӧшмӧс*) ‘1) колодец 2) редко прорубь 3) уст. ключ, источник’; *ыб* ‘поле || полевой’; *яг* ‘1. молодой сосняк; пихтовый лес; бор || боровой’; *ба-*

ня; овин/öвин; кузнеча [КПРС: 52, 83, 103, 166, 309, 577, 592].

Лексема *горт овись* (лит. *олись*) букв. ‘житель дома’ обозначает духа дома и двора: *Вот көр пода босьтасё, вот сја, [мамё], тожсо пыр шуис: «Но, кытён мяян горт овисьным, ась берегитё мёссё»*. Когда вот скот купят, вот она, [мать], тоже всегда говорила: «Ну, где наш «житель дома», пусть бережет корову» (Ваганова / род. Новоселова Куд.) [ПМ]. Согласно данным энциклопедии «Мифология коми» домового повсеместно коми называли *олыся*; *олись* (букв. ‘обитатель, жилец’) [МК: 264].

В нашем материале всего три примера названий МП, образованных с применением вышеуказанной модели (место + *олись/овись*). Второе из них – наименование духа воды: *ва олись* (букв. ‘житель воды’): *Пыр, көр муна рыбацитны, босьта мыйкё съорам, козин кытиёмкё ва олисьлө... <...>* Всегда, когда иду рыбачить, то беру что-то с собой, подарок какой-то водяному... (Несоли Кос.) [Лобанова 2013: 68].

Название: *вёрын олись* зафиксировано в д. Поносова Кудымкарского района [Гусев 1952: 47]. Автор приводит его в качестве названия лешего, но без иллюстративного материала и на литературной норме (территориально д. Поносова относится к кудымкарско-иньвенскому диалекту южного наречия, которое отличается «отсутствием фонемы *д* во всех позициях») [Баталова 1975: 223–224].

Подобные наименования сохраняются в коми-зырянских говорах, ср.: *ва олыся, ва олысь* ‘водяной’; *вөр олысь* ‘леший’ [СДКЯ 1: 155, 270]. Коми-пермяцко-русский словарь подобные названия с компонентом *олись* не фиксирует, там же лексема *горт олись* подана в значении ‘домоводница; тот, кто остается дома в отсутствии хозяев’ [КПРС: 103].

Как правило, коми-пермяки отождествляют духа дома и двора, но иногда выделяют отдельного персонажа хлева: *картаусь, карта чуд, картавыл чуд*, ср.: *Картаусь. Мукёдпыр вёллэз да мый да, видимо, гожумнас жё мошкаыс да мый да сёйё, ня оддьён беспокойнёйсь. И вот висьталисё, что конюховкасис пё бёра дедыс обижаютё вёллэнымёс. «Картаусь»*. Иногда кони да что (да), видимо, летом мошка да что (да) ведь {их} ест, они очень беспокойные. И вот говорили, что в конюшне опять дед обижает наших коней (Кочево) [Материалы...: 150].

В статье И. А. Подюкова упоминается название «хозяина» подполья *джоджулись*, но без иллюстративного материала [Подюков 2018: 110]. Лексема образована по тому же принципу, что и названия других МП (место обитания + суффикс

-ись со значением ‘относящийся к такому-то месту’ [КПРС: 599, 604]), ср.: *баняись* (букв. ‘банный’), *вёрись* (букв. ‘лесной’), *ваись* (букв. ‘водяной’).

Кроме лексемы *баняись*, существуют и другие синонимичные названия духа бани: *баня чуд, банной бес, баня бес, баня-бабушка, банягёг* и др. Последняя лексема, *банягёг* (букв. ‘банная пуповина’), вызывает особый интерес. По сведениям А. С. Лобановой, данное наименование фиксируется только в деревнях близ с. Ленинск Кудымкарского района [Лобанова 2008: 57]. По мнению исследователя, данное слово изначально заменяло какое-то другое, «нежелательное» слово, а затем перешло в разряд названий МП [там же]. Т. Г. Голева пишет, что пуповиной обозначают и растущую в бане траву: «В бане росла какая-то трава, а это пуповина растёт. Раньше же в бане рожали ребят-то» (Симянково Юсьв.) [Голева 2011: 115].

Своих покровителей имели и другие хозяйственные постройки: овин – *өвин чуд, өвин көзьяка* [Климов 1991: 345; Голева 2011: 179], гумно – *гуменник* [Материалы...: 148], кузница – *кузнеча чуд* [Гусев 1952: 47], но сюжеты о них немногочисленны, а в современном коми-пермяцком языке в связи с изменениями жизненного уклада они не используются.

Кроме того, из языка уходят названия духа поля: *ыб чуд, ыб дядь* [Голева 2011: 147] и колдца/проруби *ёшымёс чуд* [Климов 1990: 310].

В большей степени в коми-пермяцком языке сохраняются названия духа леса, они составляют обширную группу. В работах этнографов конца XIX – середины XX в. фиксировались названия типа: *вера-мортъ* ‘лесной человек’ [Рогов 2008: 44], *вэрысь-мортъ* [Смирнов 1891: 268], *вөр морт, вёрись мужик, вёрын олись* [Гусев 1952: 47]. По мнению Н. И. Смирнова, подобные названия следует считать более древними, позднее компонент *морт* ‘человек’ стал замещаться лексемой *куль* ‘черт’ или почтительным *дядя* [Смирнов 1891: 268].

В современных записях лишь в единичном примере зафиксировано название духа леса *вөр-морт: Вёрас тай кодья олё вёрмортыс, вёр-дядьыс*. В лесу-то который живет леший (Мысы Гайн) [ЛИКЯ: 148].

Наиболее широко представлены в современных записях такие названия духа леса, как *вёрись* ‘лесной’, *вёрись дядь / вёрдядь* ‘лесной дядя’: *Миан сэтён видз вылас менчим кык часы гусялис вёрисьыс, прямо кисим снял. О-о-о, кытиём басёкось часыэс вёлисё... Кёзьяныс*. У нас там на покосе у меня две пары часов украд лесной, прям с руки снял. О-о-о, какие красивые часы были...

Хозяин-то (т. е. леший) (Коса) [ПМ]; *Лешакыс пö вöрас, вöрдядь*. Лешак, говорят, в лесу, лесной дядя (Трошева Куд.) [Материалы...: 70–71].

Одно из названий духа леса образовано из двух корней, указывающих на место обитания, второй из которых заимствованный: *вöрлешак* (букв. ‘лесной леший’): *Ся шуö: «Миянöс, – шуö, – чуддэс, нет, вöрлешакыс, – шуö, – мианöс новйöтö»*. Она говорит: «Нас, – говорит, – чуды, нет, лесной леший, – говорит, – нас водит» (Зар. Пешнигорт Куд.) [ПМ].

В Коми-пермяцко-русском словаре фиксируется номинация *яг морт* в значении ‘леший, лешак; лесовик, лесной дух’ [КПРС: 592]. В «Мифологии коми» номинация подана в значении ‘лесное чудовище из легенды северных коми-зырян’ [МК: 410], «Словарь диалектов коми-языка» фиксирует лексему *ягса* ‘леший’ в ижемском диалекте коми-зырянского языка [СДКЯ 2: 875].

Помимо рассказов о лешем, в коми-пермяцком фольклоре фиксируются тексты о лесной женщине, именуемой *вöрись инька / вöр инь / лешачика* (мотив появления часто связан с охотничьей средой): *Öрина – вöрись инька*. Ирина – лесная женщина (Панино Кос.) [Голева 2011: 85].

Наряду с названиями духа леса, значительную группу названий составляют номинации водяного, эти названия образованы по сходным принципам. Наиболее употребительными можно назвать лексемы *ваись* ‘водяной’ и *вакуль* ‘водяной черт’: *Вежатыас пö тай ваисьыс олö, баитисö. Ся пö бездонной, сэтчин пö ваиссес олöны, Вежатыас*. В (озере) Вежаты ведь, говорят, водяной живет, рассказывали. Оно, говорят, бездонное, там, мол, водяные живут, в Вежаты (Пуксиб Кос.) [ПМ]; *Вадöрас эдö вакуллез. Кульпияннэз. <...> Шуасö маммезным: «Эд ни рытнас ведзчö, вакуллес эд кыскасö»*. В реке ведь водяные черти. «Кульпияннэз» (букв. «детеныши черта»). <...> Скажут наши мамы: «Не ходите уже вечером, водяные черти ведь затащат» (Верх-Иньва Куд.) [ПМ]. Корень *куль* ‘черт’ активно используется для образования и других наименований водяного духа: *вакулюк, вакулись, вакулëк, вакулëнок, ваись кулюк*.

Параллельно с названием духа бани *банияöг* на той же территории Ленинского сельсовета Кудымкарского района существует и название для духа воды – *вагöг* ‘водяная пуповина’: *Ваын олö вагöг*. В воде живет водяной (Пятино Куд.) [Лобанова 2008: 64]. По мнению исследователя, названия МП с компонентом *гöг* на данной территории указывают на определенную закономерность [там же].

В Косинском районе зафиксирована номинация духа водного пространства *вабаран*: *Вакул-*

лез миан – вабараннэз. Вакуль и вабаран. Миан бабушка, дак сё, внучаткаыс шор дорас лэдзчас, шор миан учöтик, сэтöн не вöйны не мый, ключевина котöртö да, а сэтчин яма гарйышитö-мась, чтöб васö ведрöн хотя бы гумышитны можно вöли. Дак ся лэдзчас, дак внучаткасö бöра: «Ой! Эн сэтчин мун! Эн! Вабараныс кыскас!» Водяные (букв. «водяные черти») у нас – «вабаран». «Вакуль» и «вабаран». Наша бабушка, так все, внучка к ручью спустится, ручей у нас маленький [был], там не утонуть и ничего [нельзя], ключ бежит ведь, а там яму вскопали, чтоб воду хотя бы зачерпнуть можно было. Так она спустится, так внучке опять: «Ой! Не ходи туда! Нет! *Вабаран* затащит!» (Коса) [ПМ]. В других источниках лексема в данном значении не встречалась, примечательно, что в Коми-пермяцко-русском словаре зафиксированы названия *бекаса вöрбаран* и *нюрбаран* (букв. ‘лесной баран’ и ‘болотный баран’) [КПРС: 83, 283].

Номинации, объединенные по признаку, положенному в основу наименования, в группу «внешний вид», достаточно разнородны и в меньшей степени удовлетворяют заявленным выше критериям «устойчивости» и «семантической и синтаксической слитности».

В текстах мифологических рассказов встречаются следующие обозначения лешего, актуализирующие признак аномального роста, характерного для МП: *кузь* ‘длинный, высокий’, *кузь дядя* ‘длинный дядя’: *Вöрас кузьыс ветлötö. Лешакöн тай шуöны. Кузь дядь. Юрыс ыджыт, пиннес кузьöсь*. В лесу длинный ходит. Лешаком называют [его]. Длинный дядя. Голова [у него] большая, зубы длинные (Сойга Гайн.) [Пономарева 2016: 304].

Номинации *ыджыт, ыджыт дядя, ыдыт морт, ыджыт лес* объединены общей семантикой размера персонажа, *ыджыт* – ‘большой’, букв. ‘большой дядя’, ‘большой человек’, ‘большой лес’, слово *ыджыт* здесь приобретает значение ‘высокий’. В Коми-пермяцко-русском словаре *ыджыт* – ‘злой лесной дух, леший’ [КПРС: 577]. Данные номинации связаны с представлением о способности лешего быть огромного размера: *Вот адззан, этнö... суседкоэсö шуам – учöt, а вот вöрисьсö шуöны – ся пö ы-ы-ыджыт*. Вот видишь, этих... (про домовых говорим – маленькие, а вот про лесного говорят – он, мол, большо-о-ой (Мижужева Куд.) [ПМ].

В номинации *медыджытыс вöрас* – усиление значения за счет приставки *мед-* ‘самый’, букв. ‘самый большой в лесу’, по мнению Т. Г. Голевой, данная номинация может строиться «на функциональной значимости персонажа» [Голева 2011: 151].

С другой стороны, мифологические существа могут быть аномально маленького (по сравнению с человеком) размера. Данный признак часто становится отличительной чертой МП: *Петёма гѡлбѡчись учѡтик инькаок*. Вышла из голбца маленькая женщина (Мысы Гайн.) [Голева 2011: 168]; *Кѡркѡ ме баняас муні и видзѡта: баня угѡвас пукавѡ старичок, сѣтшиѡм пѡрись и пѡрись, учѡтик...* Однажды я в баню пошел и смотрю: в углу бани сидит старичок, такой старый-престарый, маленький... (Демина Куд.) [Материалы...: 56–57]. В нашей картотеке лишь одно название актуализирует маленький рост персонажа: Н. И. Смирнов, опираясь на сообщение А. Н. Шатрова, приводит лексему *ичетики*, обозначающую враждебных по отношению к человеку духов утонувших младенцев, позднее слившихся в единый образ водяных [Смирнов 1891: 247–248, 274–275]. Слово *ичет*, то же что и *учѡт* – ‘маленький’ [КЭСЯ: 110]. В «Мифологии коми» лексема *ичетик* подана со ссылкой на коми-зырянские говоры, авторы энциклопедии приводят лексему *культяин* ‘дети, потомство Куля’ в качестве аналогичного образа у коми-пермяков [МК: 166].

В описаниях внешнего облика МП часто маркируется цвет (белый, красный, черный и др.): *Кытшиѡмка, шуѡны тай, этшиѡм учѡлик ачыс, но сякѡ-разнѡя сѣя петѡ: то чочком, то сѡд, коккез чочкомѡсь*. Какой-то, говорят, такой маленький сам, но всяко-разно он выходит: то белый, то черный, ноги белые (Ошиб Куд.) [Материалы...: 66–67]; *Учитик детиночка пукалѡ вѡлыслын, льякасьѡма, гѡрд ѡйрнѡсока*. Маленький человечек сидит на лошади, прилип, в красной рубашке (Пуксиб Кос.) [Голева 2011: 170].

В собранном материале единично встречается *чочком нывка* (букв. ‘белая девушка’), название неупокоенного духа умершей девушки: *И сѣя вот сѣя местаын, пыр сѣя местаись, сѣя шаттяись и чочком нывкасѡ адззывѡны. Сывѡн воыс, натѣтѡ, колис сѣтчѡ, и вот чочком нывкаыс, сѣя и мыччасѡ*. И вот в этом месте, всегда в этом месте, в этой молодой рощице, белую девушку видят. Ее душа, наверное, осталась там, и вот белая девушка показывается (Конанова Куд.) [Материалы...: 122–123; 153].

В деревнях Ошибского сельсовета встречается и другое название – *чочком морт* (букв. ‘белый человек’): *«Бѡбѡссѡ, – шуѡ, – ойнас петі, осьті, – не картавань сѣя мыйкѡ оградавань осьтышти, – сѣтѡн, – шуѡ, – чочком морт суавѡ»*. <...> *Ме сѣйѡ кывви, что ветвѡтѡ пѡ чочком мортыс*. «Дверь, – говорит, – ночью вышла, открыла, – не в сторону хлева она что-то в сторону ограды открыла, – там, – говорит, – белый

человек стоит». <...> Я это тоже слышала, что ходит, мол, белый человек... (Егорова Куд.) [ПМ]. Однако это же словосочетание часто встречается при описании внешнего облика других МП, ср.: *Лупья, ю шерсяс пѡ сѣя петас ыджыт чочком морт пѡ кузь юрсиа, сѣтшиѡм мича, красавича...* Лупья, посреди речки выйдет большой белый человек с длинными волосами, такая красивая... (Сойга Гайн.) [ЛИКЯ: 237]. *Колдуныслѡн вот бессѣыс и эмѡсь помощниккеыс*. <...> *Нѣя вѡрыс сулдаѡсь. Сеня дядѡлѡн...* *Сѣя кытѡнкѡ, виднѡ, сѣтчин лун вылас олѡма, да кыт местаѣсѡ ытшыкѡлѡмась. Сѣя ѡтѣк местас сѣтчѡ понѡм ытшыкыны, иньыс шедѡма куртнытѡ да кымѡрѡдззис петѡм чечкѡм морт и всѣ*. У колдуна-то вот бесы и есть помощники. <...> Они как лес. У моего дяди Сени {было}... Он где-то, видимо, там, в южной стороне, жил, и в тех местах они косили. Там в одном месте он стал косить, и его жена пошла туда грести. И вышел белый человек ростом до неба, и все (Иванчино Гайн.) [Материалы...: 114–115].

В данном случае актуализируется культурно маркированный цвет – белый, что создает условия как для ассоциации подобного существа со сферой сверхъестественного, так и для закрепления в качестве устойчивого. Однако нет полной уверенности, что сочетание *чочком морт* ‘белый человек’ перешло в сферу языковых единиц, характеризуется спаянностью компонентов, несмотря на выраженную повторяемость.

В ряду номинаций лешего Т. Г. Голева приводит лексему *кизя-виззя* – то же, что и леший, *кизя* ‘на застежке, на пуговицах’; *виззя* ‘полосатый, в полоску’, букв. ‘на застежках в полоску’, имеется в виду «пуговицы, застегнутые в ряд» [Голева 2011: 151]. Подобные же случаи мы видим в славянской традиции. Л. Н. Виноградова пишет: «Значительно реже в демонологическом лексиконе восточных славян отмечается тенденция именования персонажей нечистой силы по особенностям их одежды» [Виноградова 2016: 91]. В качестве примеров она приводит «эвфемистические названия водяники – белая баба, житного духа – баба в красном казане» [там же]. Стоит обратить внимание, что, с одной стороны, Л. Н. Виноградова пишет о «лексиконе», с другой – рассматривает их как «эвфемистические названия», как будто сомневаясь в способности подобных словосочетаний быть полноценными языковыми единицами.

Достаточно часто в славянской традиции акцентируется признак МП «одет не по-нашему»: в том числе имеет блестящие пуговицы [там же: 93]. Подобные элементы текста мифологического рассказа Л. Н. Виноградова именуется «идентифи-

фицирующие клише». В случае с коми-пермяцкой единицей *кизя-виззя* без развернутых контекстов достаточно сложно квалифицировать: является ли это полноценной номинацией или только «идентифицирующим клише».

Большое количество вариантов названий лешего возникло в результате запрета прямого упоминания названия МП. Некоторые из наименований локальны; так, лексема *кӧспель* ‘сухоухий’ зафиксирована в деревнях Кудымкарского района: *Сійӧ кӧспельӧн шуӧны, лешакӧн, одуванчикӧн. А кӧр уджавны не хочешь, токо горӧтван: “Одуванчик, отсав”. Кӧр пилыс оз уджав вӧрас, а эся кӧр вӧгасян, да пивасӧ мыр бердас желльыштан, висътаван: “Кӧспель, сволочь”*. Его сухоухим зовут, лешаком, одуванчиком. А когда работать не хочешь, скажешь: “Одуванчик, помоги”. Когда пила в лесу не работает, когда рассердишься, пилу о пень ударишь, говоришь: “Сухоухий, сволочь”. (Ошиб Юсв.) [Голева 2011: 151]; *Но, мян шуӧны кӧспель. Кӧспельысвӧн пӧ сйя туй местаыс... Баитвисӧ сйӧ, ме пӧрисессянь сйӧ кывви*. Да, у нас говорят «кӧспель». «Сухоухого», мол, это дорога... Говорят так, я от стариков это слышала (Поносова Куд.) [ПМ].

В. В. Климов приводит также название лешего *сюра-пеля* букв. ‘рогатый-ушастый’ [Климов 1990: 173, 356]. Лексема отмечена в составе фразеологизма, зафиксированного в кочевском диалекте *сюра-пеляэскӧт тӧдчӧ* (букв. ‘с рогатым ушастым знается’) – о колдунах [КПФС: 191]. Кроме того, Коми-пермяцко-русский словарь фиксирует номинацию *сюра-бӧжа* ‘с рогами и с хвостом’ в значении ‘черт’ [КПРС: 467], но в современных полевых материалах эти названия нами не отмечены.

Небольшая группа персонажей включает номинации, где актуализируется признак времени появления. *Лунишӧрика/вуншӧрика* – дух полей и лугов, в представлениях коми-пермяков, активизируется во время летнего цветения, вплоть до полной уборки урожая с полей [Голева 2011: 147]. Название персонажа соответствует русскому «полудница», ср. перевод: букв. *лун* – ‘день’, *шӧр* – ‘середина’, *-ика* – адаптированный русский суффикс *-иха*: *Вот тӧткаӧ эшо баитвис, <...> тӧ туйк кузя эн мун, сэтчин вуншӧрика овӧ. Ме стрась пови эта вуншӧрикавись. <...> Сйя только висътаванис <...>, что сйя ветвӧтӧ дзырыт сквордаӧн, и сйя тӧнӧ сӧтӧн жаритас. Вот моя тетя еще говорила, <...> ты по тропинке не ходи, там полудница живет. Я очень боялась этой полудницы. <...> Она только говорила, <...> что она ходит с горячей сквородкой, и она тебя на ней зажарит (Пермь / род. Шатун Куд.) [ПМ].*

Ойшӧрика – номинация по типу *лунишӧрика*, букв. ‘полуночица’ (*ой* – ‘ночь’, *шӧр* – ‘середина’). Данная номинация обозначает детскую болезнь, а также наделяется чертами мифологического персонажа: *А ойшӧрнас пӧ ветлӧтӧ кытшӧмкӧ морт кодъ, пользӧтлӧ народсӧ*. В полночь ходит кто-то похожий на человека, людей пугает (Бобуново Куд.) [Голева 2011: 43]. Номинация соответствует славянскому мифологическому персонажу *ночнице*.

Следующая группа объединяет номинации, где признаком, актуальным для носителя традиции, является «действие» МП. Сюда относятся в основном названия людей со сверхъестественными свойствами (магические специалисты, знахари, народные целители).

Наиболее широко известна среди них лексема *тӧдись* (букв. ‘знающий’), ‘тот, кто обладает даром предвидения; знахарь; колдун’ [КПРС: 483]. *Кыдзкӧ тай деревняс тӧдвыисӧ, что сйя тӧдись пӧ. Сывись туйсӧ оз ков поперегавны, ськӧт оз ков, кытчӧ мунан, пантасъны, старайтчыны не пантасъны да мый да*. Как-то ведь в деревне знали, что он знающий. Ему дорогу не нужно переходить, с ним не надо, куда идешь, встречаться, стараются не встречаться да что (да) (Антонова Куд.) [Материалы...: 104–105].

Самым частотным в этой группе является суффикс *-ись*. Г. В. Федюнева пишет, что «в уральском праязыке категории имени и глагола не были строго разграничены и, следовательно, имели тождественные деривационные элементы», а деривационные средства отглагольного словообразования «восходят к самому древнему – финно-угорскому (уральскому) – языковому периоду и в современном коми-языке идентичны суффиксам причастий (отглагольных прилагательных). <...> способность некоторых формантов участвовать в образовании отглагольных субстантивов и инфинитивно-глагольных форм (причастий, деепричастий, инфинитивов) является типологической чертой финно-угорских языков» [Федюнева 1985: 11, 62]. Коми-зырянскому суффиксу *-ысь* в коми-пермяцком, удмуртском и в ряде коми-зырянских диалектов соответствует форма *-ись*, он используется в образовании причастий и «предикативных имен», является продуктивным и используется в значении «лицо, обозначенное по отношению к названному в основе действию как непосредственно его производящее» [там же: 70, 75].

Аналогично лексеме *тӧдись* образованы и другие названия магических специалистов, например: *тишыкӧтчись/тишыкӧтись* (букв. ‘портящий’): *Поввисӧ, ну, тишыкӧтчиссесвись. А меам женикӧ тишыкӧтчӧмсянь и куис*. Да, боялись,

колдунов. А мой муж от порчи и умер (Поносова Куд.) [ПМ]; *Этö тшыкötиссеыс пö ну... Воктöны, мыйкö корöны. И вот если тэ сетан, значит, здоровьетö... Вот мый ниа добивались, значит, ниа добьются.* Это колдуны, мол, да... Приходят, что-то просят. И вот если ты (что-л.) отдашь, значит, свое здоровье... Вот что они добивались, значит, они добьются (Ваганова / род. Новоселова Куд.) [ПМ].

Кроме того, русские глаголы, обозначающие действия людей со сверхъестественными свойствами, активно заимствуются и участвуют в образовании номинаций по тому же принципу: *бабить – бабитчись* ('повитуха'), *ворожить – ворожитчись* ('ворожея'), *лечить – лечитчись* ('лекарь'), *шептать – шопкись* (букв. 'шепчущий'), *чертить – чертитчись* (букв. 'чертящий') и др. Данная группа может потенциально пополняться.

В группе названий, образованных по признаку «действие», всего несколько лексем, обозначающих собственно МП. Т. Г. Голева среди названий водяного приводит номинацию *сорваись* 'путальщик' и связывает ее с глаголом *сорлавны* 'мешать', по мнению исследователя, название может обозначать «того, кто мутит воду» [Голева 2011: 162].

Возможно, номинация связана с представлениями о том, что водяные создают водовороты: *Вот тай уяс ваас, да вöйö. Сийö кулюккес пö, бытте, кыскöны ваас. <...> [Вабергачез овывлöны ва вылас.] Губля тай шуöны, сэтöн гублян пö, бергаö ваыс, сэтчö пö и кыскö мортсö, баитвыввисö тай.* Вот ведь упадет в воду (т. е. человек), и тонет. Его водяные, мол, будто, тащат в воду. <...> [Водовороты бывают на воде.] «Губля» ведь называют, там яма, мол, крутится вода, туда и тащит, мол, человека, говорили ведь (Поносова Куд.) [ПМ].

Еще одна номинация данной группы зафиксирована в Коми-пермяцко-русском словаре и подана с пометой *фольк.* в значении 'леший' – *висьöв*: *Висьöлыс нылись туйсö гусялöм.* Леший украл у них дорогу [КПРС: 75]. Лексема отмечена также в Коми-пермяцком фразеологическом словаре в составе устойчивого оборота – *Висьöл туй гусялöм.* Букв. Леший дорогу украл. Потеряться в лесу: *Висьöлыс пö быттьö ныliness туйсö гусялöм, öшöмась, öдва вöрсис петöмась* (Чураки Кос.) [КПФС: 43]. (Пер. авт.: Леший, мол, будто у них дорогу украл, заблудились, едва из лесу вышли.) Можно предположить, что название связано с глаголом *висьны* 'болеть' (ср. *юр висьö* 'голова болит') и образовано с помощью суффикса отглагольных существительных *-öв* [КПРС: 602]. Тогда название персонажа можно связать со способностью лешего сбивать с пути,

подшучивать над человеком: *Вöрисьыс пö мянöс ноллötис, и ноллötис, и ноллötис кык сутки и петöмась ния Абрамова деревняö.* Лесной, говорят, нас водил, и водил, и водил двое суток (т. е. по лесу) и вышли они в деревню Абрамова (Пуксиб Кос.) [ПМ].

Если в предыдущих названиях, образованных от глаголов, действия относились к самим МП или людям со сверхъестественными свойствами, то номинация *вежöм* 'подмененный' (о ребенке, подмененном нечистой силой, чаще всего в бане) содержит суффикс, обозначающий 'результат или объект действия' [Федюнева 1985: 67]. Лексема образована при помощи продуктивного в коми языках суффикса *-öм* [там же] и известна в коми-зырянских говорах [СДКЯ: 172]. Кроме мифологического значения, лексема может использоваться в бранных выражениях, ср.: *Кодия пö вот кагаыс оз быдмы не мый не, кытшиöмкö вежöм пö сиа кагаыс, вежисö пö, навернö.* Ребенок, который, говорят, не растет и ничего, он какой-то «подмененный», мол, ребенок, подменили [его], мол, наверное (Данилово Гайн.) [ПМ]; *Слово «вежöмсö» – сiö шуч шуллисö горзиссез, непослушной: «Вежöм тэ». Сиа ругательскöй вöли.* Слово «подмененный» – это всегда говорили о плачущих, непослушных (т. е. детях): «Подмененный ты». Это было ругательство (Коса) [ПМ].

Кроме вышерассмотренных, в отдельную группу номинаций выделены названия непроезженные и деэтимологизированные в современном коми-пермяцком языке: *абач* 'домовой' [КПРС: 15], *боболь* 'бука'; дух, которым пугают маленьких детей' [КПРС: 34; Материалы...: 146], *калян* 'бес'; 'черт, всякая нечисть' 'дух, которым пугают детей' [КПРС: 164; Материалы...: 149], *куль* 'черт, сатана, дьявол' [КПРС: 200], *шева* 'существо в виде какого-то маленького животного или насекомого, с помощью которого напускают порчу' [ЛИКЯ: 198]. Часть из них не имеют однозначной и убедительной научной этимологии, такие названия нуждаются в дополнительном исследовании и не будут рассмотрены в рамках данной статьи.

Выводы

Проведенный анализ показал следующее: 1) названия МП в коми-пермяцком языке составляют обширную группу: нами было выявлено почти 300 номинаций; 2) анализируемая лексика неоднородна по своему происхождению; 3) большая группа номинаций является заимствованиями из русского языка, как правило, они употребляется для обозначения тех же МП, что и в языке-источнике; 4) некоторые русские заимствования претерпели изменения семантики и приобрели новые значения в коми-пермяцком языке;

5) значительная часть коми-пермяцких наименований МП являются мотивированными, в основу этих номинаций положены признаки «место обитания, «внешний вид», «время проявления» и «действия»; наиболее продуктивная – группа «место обитания»; 6) небольшая часть наименований являются непроизводными в современном языке и/или имеют «темную» этимологию.

Таким образом, коми-пермяцкая лексика, называющая мифологических персонажей, представляет собой пестрый пласт лексики, отражающий многовековую историю взаимодействия русских и коми-пермяков на данной территории, и включает номинации, образованные на основе разных мотивировочных признаков.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Пермского края в рамках научного проекта 20-412-590005 «Лексическое пространство коми-пермяцкого языка».

Список источников с сокращениями

Климов В. В. Оласё да вёласё (Жили-были): коми-пермяцкие сказки, легенды, предания, сказы, былички и бытовые рассказы, на коми-перм. языке / Коми-Перм. отд. Пермь: Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1990. Т. 1. 366 с.

Климов В. В. Кытчö тійö мунатö? (Куда же вы уходите): Коми-пермяцкий фольклор на коми-пермяцком языке / Коми-Перм. отд. Пермь: Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1991. Т. II. 288 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М., 1985. 624 с.

КПФС – Коми-пермяцкий фразеологический словарь. Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / авт.-сост. О. А. Попова. Пермь, 2010. Вып. VII. 344 с.

КЭСКЯ – Лыткин В. И., Гуляев Г. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.

ЛИКЯ – Голева Т. Г., Подюков И. А., Пономарева Л. Г., Черных А. В. Лупьинцы: история, культура, язык. Этнолингвистический сборник. Пермь: ИД Тип. купца Тарасова. 2011. 142 с.

Материалы – Материалы по коми-пермяцкой демонологии / авт.-сост.: А. В. Кротова-Гарина, Ю. А. Шкураток, А. С. Лобанова, С. Ю. Королёва, И. И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2020. 168 с.

МК – Мифология коми: Энциклопедия Уральской мифологии / Н. Д. Конаков, А. Н. Власов,

И. В. Ильина и др.; науч. ред. В. В. Напольских. М.: Изд-во ДИК, 1999. 480 с.

ПМ – Полевые материалы, хранящиеся в лаборатории региональной лексикологии и лексикографии при кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.

Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков; стер. изд. Пермь: Изд. дом «Типография купца Тарасова», 2008. 224 с.

СДКЯ – Словарь диалектов коми языка: в 2 т. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2012. Т. I: А–О. 1096 с. Т. II: Ö–Я. 888 с.

СПГ – Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 2000. Вып. 1: А–Н. 480 с.; 2002. Вып. 2: О–Я. 576 с.

Список литературы

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.

Виноградова Л. Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М: Индрик, 2016. 385 с.

Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Мататов, 2011. 272 с.

Гусев Д. И. Пономосовский колхоз «Правда». Опыт монографического описания. Кудымкар: Коми-Перм. гос. изд-во, 1952. 160 с.

Королева С. Ю., Шкураток Ю. А. Чудь и чуды: к проблеме соотношения персонажей и их номинаций в коми-пермяцком фольклоре // Демонология как семиотическая система: материалы V междунар. науч. конф. / сост. и ред. О. Б. Христофорова, Д. И. Антонов. М.: Изд-во РГГУ, 2018. С. 78–84.

Кривошекова-Гантман А. С. К проблеме пермской чуди // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ин-та, 1974. Вып. 1. С. 132–142.

Лобанова А. С. Коми-пермяцкий этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. Пермь: ОТ и ДО, 2008. 188 с.

Лобанова А. С. О традиционной речевой культуре коми-пермяков, связанной с мифологическими персонажами (на примере употребления вокативов) // Этнокультурное наследие пермских финнов / науч. ред. С. М. Аристова. Кудымкар, 2013. С. 66–70.

Подюков И. А. Коми-пермяцкая мифологическая лексика и фразеология как объект лексикографического описания // Вопросы лексикографии. 2018. № 14. С. 107–121.

Пономарева Л. Г. Речь северных коми-пермяков. М.: Языки народов мира, 2016. 514 с.

Смирнов И. Н. Пермьяки: историко-этнографический очерк // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском ун-те. Казань: Типогр. Императорского ун-та, 1891. Т. IX, вып. 2. 289 с.

Федюнева Г. В. Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке. М.: Наука, 1985. 136 с.

Чагин Г. Н. В. П. Налимов и этнография инвенских коми-пермяков // Очерки по этнографии финно-угорских народов / ред.-сост. А. Е. Загребин, В. Э. Шарапов. Ижевск: Сыктывкар: Изд-во Удмурт. ин-та истории, языка и литературы УрО РАН, 2010. С. 147–167.

References

Batalova R. M. *Komi-permyatskaya dialektologiya* [Komi-Permyak Dialectology]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 252 p. (In Russ.)

Vinogradova L. N. *Mifologicheskii aspekt slavyanskoy fol'klornoy traditsii* [The Mythological Aspect of the Slavic Folklore Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 2016. 385 p. (In Russ.)

Goleva T. G. *Mifologicheskie personazhi v sisteme mirovozzreniya komi-permyakov* [Mythological Characters in the Komi-Permyaks' Worldview System]. St. Petersburg, Mamatov Publ., 2011. 272 p. (In Russ.)

Gusev D. I. *Ponosovskiy kolkhoz 'Pravda'. Opyt monograficheskogo opisaniya* [The Collective Farm 'Pravda', Ponosova Village. An experience of monographic description]. Kudymkar, Komi-Permyak State Publ., 1952. 160 p. (In Russ.)

Koroleva S. Yu., Shkuratok Yu. A. *Chud' i chudy: k probleme sootnosheniya personazhey i ikh nominatsiy v komi-permyatskom fol'klоре* [Chud and Chudy: On the characters and their names in the Komi-Permyak folklore]. *Demonologiya kak semioticheskaya sistema: Materialy V mezhdunar. nauch. konf.* [Demonology as a Semiotic System. Proc. of the 5th intern. sci. conf.]. Moscow, RSUH Press, 2018, pp. 78–84. (In Russ.)

Krivoshchekova-Gantman A. S. *K probleme permskoy chudi* [On the issue of the Permyak Chudes]. *Voprosy lingvisticheskogo kravevedeniya Prikam'ya*. Vypusk 1 [Issues of Linguistic Local History of the Kama region. Issue 1]. Perm, Perm

State Pedagogical University Press, 1974, pp. 132–142. (In Russ.)

Lobanova A. S. *Komi-permyatskiy etnolingvisticheskiy sbornik. Materialy i issledovaniya* [Komi-Permyak ethnolinguistic collection. Materials and research]. Perm, OT i DO Publ., 2008. 188 p. (In Russ.)

Lobanova A. S. *O traditsionnoy rechevoy kul'ture komi-permyakov, svyazannoy s mifologicheskimi personazhami (na primere upotrebleniya vokativov)* [On the traditional speech culture of the Komi-Permyaks associated with mythological characters (a case study of the use of vocatives)]. *Etnokul'turnoye naslediyе permsskikh finnov* [Ethnocultural Heritage of the Permian Finns]. Ed. by S. M. Aristov. Kudymkar, 2013, pp. 66–70. (In Russ.)

Podyukov I. A. *Komi-permyatskaya mifologicheskaya leksika i frazeologiya kak ob'ekt leksikograficheskogo opisaniya* [The Komi-Permyak mythological lexis and phraseology as an object of lexicographic description]. *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography], 2018, issue 14, pp. 107–121. (In Russ.)

Ponomareva L. G. *Rech' severnykh komi-permyakov*. [The Speech of the Northern Komi-Permyaks]. Moscow, Yazyki Narodov Mira Publ., 2016. 514 p. (In Russ., Komi-Perm.)

Smirnov I. N. *Permyaki: istoriko-etnograficheskiy ocherk* [The Permyaks: historical and ethnographic essay]. *Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom un-te* [Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University]. Kazan, Imperial University Press, 1891, vol. 9, issue 2. 289 p. (In Russ.)

Fedyuneva G. V. *Slovoobrazovatel'nyye suffiksy sushchestvitel'nykh v komi yazyke* [Word-building Suffixes of Nouns in the Komi Language]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 136 p. (In Russ.)

Chagin G. N. V. P. *Nalimov i etnografiya in'venskikh komi-permyakov* [Nalimov and the ethnography of the Inva Komi-Permyaks]. *Ocherki po etnografii finno-ugorskikh narodov* [Essays on the Ethnography of the Finno-Ugric Peoples]. Izhensk, Syktывkar, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the RAS Press, 2010, pp. 147–167. (In Russ.)

ON THE CLASSIFICATION OF NAMES OF MYTHOLOGICAL CHARACTERS IN THE KOMI-PERMYAK LANGUAGE

Iuliia A. Shkuratok

Assistant Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. shkuratok@mail.ru

SPIN-code: 4745-5799

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2786-8734>

ResearcherID: T-6270-2018

Anastasiia V. Krotova-Garina

Engineer in the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. anastasia.garina@ya.ru

SPIN-code: 2722-0553

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4538-5402>

Submitted 29.12.2020

The article deals with the names of mythological creatures in the Komi-Permyak language. We identified and analyzed almost 300 names of mythological beings gathered from various sources such as field notes, archival materials, articles, and publications. The vocabulary analyzed in the article is not homogeneous. We divided it into groups in accordance with the source language; words formed in the Komi-Permyak language were further classified into subgroups according to the motivation. Substantial part of the lexis comes from the Russian language. These borrowed words are used to denominate creatures that have analogues in Russian folklore (*домовйй, банной бес, водяной, дошлой, лешой, нечистой, колдун/ковдун, колдунья/ковдунья, суседко/суседку*). In some cases, semantic changes are observed, new meanings are acquired. The second group of the lexis is comprised of the names of Komi-Permyak origin with the following meanings: “place of habitat” (*ва олись* ‘dweller of the water’, *джоджулись* ‘dweller of the underground’, *бана чуд* ‘banya spirit’, *кузнеча чуд* ‘spirit of a smithy’, *ошымос чуд* ‘spirit living in a well’, *ворись* ‘spirit of the forest’, *ворись дядь / ворядь* ‘forest uncle’); “appearance” (*кузь дядя* ‘tall uncle’, *ыджыт дядя* ‘big tall uncle’, *ыджыт морт* ‘big tall man’, *чочком морт* ‘white man’, *коспель* ‘having dry ears’), “time of appearing before others” (*лунишорика/вуншорика* ‘midday spirit of fields and meadows’, *лун/вун* ‘day’, *шор* ‘mid’); “action” (*ворожитчись* ‘diviner’, *лечитчись* ‘healer’, ‘witch doctor’, *шопкись* ‘whispering’, *төдись* ‘knowing’, *тишкөтчись/тишкөтись* ‘spoiling’). The third group of words includes non-derivatives or/and names with ‘obscure’ etymology (*абач* ‘domestic goblin’, *боболь* ‘spirit for frightening the children’, *калян* ‘demon’, *куль* ‘devil, evil spirit’). The presence of this group is largely due to the de-etymologization process in the modern language. These being the key points, we observe heterogeneity of the names of Komi-Permyak mythological beings, reflecting the history of interactions between Russian and Komi-Permyak people.

Key words: Komi-Permyak language; Perm Krai; mythological vocabulary; mythological character; demonology.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 82.01

doi 10.17072/2073-6681-2021-2-81-88

КОНЦЕПТ «ЧАЙ» В ПОВЕСТИ «ЗАПИСКИ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» И РОМАНЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Иван Валерьевич Бурдин

аспирант кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, Букирева, 15. burdin@post.cz

SPIN-код: 5274-2379

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4378-4338>

Статья поступила в редакцию 15.12.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бурдин И. В. Концепт «чай» в повести «Записки из Мертвого дома» и романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 2. С. 81–88. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-81-88

Please cite this article in English as:

Burdin I. V. Kontsept «chay» v povesti F. M. Dostoevskogo «Zapiski iz mertvogo doma» i romane «Prestuplenie i nakazanie» [The Concept ‘Tea’ in the Novels ‘The House of the Dead’ and ‘Crime and Punishment’ by Fyodor Dostoevsky]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 2, pp. 81–88. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-81-88 (In Russ.)

Статья посвящена исследованию концепта «чай» в двух произведениях Ф. М. Достоевского – повести «Записки из Мертвого дома» (1860–1861) и романе «Преступление и наказание» (1865–1866).

Доказывается, что, отражая культуру русского чаепития, концепт «чай» и в романе «Преступление и наказание», и в повести «Записки из Мертвого дома» включает как традиционные репрезентации чая – «чай как элемент быта», «чай как часть трапезы», «чай как атрибут дружбы и общения», так и новые, сформированные уже самим Ф. М. Достоевским, – «чай для размышлений», «чай как лекарство и источник сил», «чай как источник духовного равновесия». Выделяется важная для психологической линии произведений репрезентация «чай как хронометр» – когда герои сверяют свои внутренние часы со временем подачи чая, а также с температурой остывающего напитка. Подробно рассматривается характерная для Достоевского репрезентация «чай как мерило достатка», получившая в обоих произведениях новое прочтение; в романе она представлена через ситуацию «угощение чаем» и через описание качества напитка, в повести – через репрезентацию «чай как роскошь».

Устанавливается роль концепта «чай» в раскрытии основной авторской идеи произведений Достоевского. Наряду с другими представленными в тексте концептами, такими как «вино», «табак», «пища», «карты», чай в «Записках из Мертвого дома» позволяет противопоставить волю и каторгу, способствует трансляции мысли об абсолютной ценности свободы. Призванные воссоздать особые состояния человека – на границе света и тьмы, жизни и смерти, богатства и нищеты, репрезентации концепта «чай» в «Преступлении и наказании» во многом способствуют раскрытию душевного состояния Раскольникова, вписываются в семантику современного Ф. М. Достоевскому Петербурга.

Ключевые слова: Достоевский; концепт; чай; каторга; Петербургский текст; языковая картина мира.

В произведениях Ф. М. Достоевского чай занимает совершенно особое место. Описание чаепития и многочисленные упоминания чая встречаются практически во всех его сочинениях. Каким бы ни был контекст, обстановка, окружающая персонажей, одно остается неизменным – везде их сопровождает чай, который становится своеобразной константой произведений писателя.

Сам Ф. М. Достоевский являлся истинным ценителем напитка, и эту страсть отразили в своих воспоминаниях многие из его современников. «Отец любил сам разливать чай и всегда пил очень крепкий чай. Он выпивал два стакана и брал третий с собой в кабинет, где пил его во время работы небольшими глотками» [Фокин 2016: 21], – отмечает дочь писателя Любовь Федоровна, описывая распорядок его дня. М. А. Александров, метранпаж издательства, где печатался Ф. М. Достоевский, представлял питье чая как своеобразный ритуал, являвшийся органичной частью творческого процесса: «Чай Федор Михайлович пил крепкий и сладкий, по несколько стаканов, сидя за своим письменным столом, ходя за каждым стаканом через залу в столовую, где стоял самовар и чайный прибор, и наливал его себе сам» [Фокин 2007: 14].

Со своеобразным «чайным ритуалом» писателя оказывалось сопряжено использование другого, уже укрепившего свои позиции в России, иноземного продукта – *табака*: «Сидя за чаем, Федор Михайлович или пробегал газеты, или набивал себе папиросы-пушки из желтой маисовой бумаги... Курил он довольно много...» [Фокин 2007: 12]. Любил писатель и кофе, причем питье кофе также сопровождал определенным ритуалом: он всегда употреблял его в тишине и одиночестве. Тем не менее как современники, так и биографы Ф. М. Достоевского утверждали, что из всех трех продуктов особую позицию – как в жизни, так и в творчестве писателя – занимал именно чай.

Обратимся к повести Достоевского «Записки из Мертвого дома» (1860–1861) и его роману «Преступление и наказание» (1865–1866).

Оба эти произведения посвящены прежде всего духовной стороне возмездия. В «Преступлении и наказании» автор изображает нравственные страдания героя, совершившего убийство, в «Записках из Мертвого дома», обращаясь к философским основам права, Ф. М. Достоевский заглядывает в душу каторжника. По мысли современного исследователя, «художественный мир “Записок” позволял писателю создать уникальную пенитенциарную систему, в которой над миром материальным, социализованным надстраивается иной, духовный мир, где суд над душой преступника осуществляется по высшим

принципам меры добра и зла. Ядро философии преступления и наказания, сформированное в “Записках из Мертвого дома”, сохраняется в последующем творчестве» [Сафронова 2015: 88].

Чай является одним из ключевых концептов «Записок из Мертвого дома», он упоминается в повести чаще, чем любой другой продукт. Место действия произведения – каторга в Сибири. Жизнь каторжан подчиняется простым правилам, которые помогают людям выживать в тяжелых условиях, и очевидно, что в такой жизни неизменно должны присутствовать некоторые незыблемые ценности. Одной из таких ценностей – как для главного автобиографического героя, так и для всех обитателей каторги – является чай.

В основу повести легли впечатления Ф. М. Достоевского, полученные во время пребывания на каторге в Омске в 1850–1854 гг. В середине XIX в. чай был дорогостоящим товаром, и, соответственно, в остроге он мог быть доступен только незначительному количеству арестантов. Тем не менее в произведении чай упоминается в числе основных продуктов, употребляемых заключенными.

Исходя из текста произведения, сложно однозначно определить, насколько был популярен в остроге чай и существовала ли в этот период для заключенных особая «чайная культура», однако можно предположить, что, если она действительно существовала, то параллельно с формированием общих традиций русского чаепития.

Перечисляя продукты, доставляемые в острог с «базара», Ф. М. Достоевский пишет: «Таким образом, они проносили табак, кирпичный чай, говядину, калачи и проч. и проч., кроме только разве одного вина» [Достоевский 1982, т. 3: 74]. Словосочетание «кирпичный чай» позволяет предположить, что речь здесь идет, скорее всего, о каком-либо восточном, предположительно именно китайском, чае, поставляемом в брикетах («кирпичах»), имевшем темный оттенок при заварке (скорее всего, это мог быть чай из провинции Юннань, относившийся к типу «пуэр», который заключенные могли особо любить за его крепость и компактную упаковку). Обращает на себя внимание и тот факт, что, перечисляя продукты, Достоевский здесь (как и в ряде других фрагментов текста) ставит чай в один ряд с вином, которое, несмотря на строгие запреты, было стержнем как экономической, так и духовной жизни каторги.

Если вино в «Записках из Мертвого дома» – это обязательно *контрабандный* товар (рассказу о его обороте посвящены большие фрагменты текста), то чай в данном произведении – это прежде всего *напиток*. В повести отсутствует описание процесса употребления героями вина:

не сказано, например, из какой посуды его пили, закусывали ли при этом и т. д. На страницах произведения лишь подробно показано, как на вино копят, как его заказывают и покупают, а также «нивелируют» последствия возлияния. Сам же главный герой и вовсе не пьет вина, в то время как питье чая, наоборот, является существенной частью жизни дворянина Горянчикова в остроге. Пьют чай и другие заключенные: как бывшие дворяне, так и прочие герои, желающие приобщиться к заморскому продукту.

В «Записках из Мертвого дома» можно выделить два основных варианта восприятия чая героями – чай предстает в повести и как неотъемлемый «элемент быта», и как «маркер достатка».

Интерпретация чая в качестве необходимого и общепризнанного компонента каторжного быта предлагается, например, при описании первых дней пребывания героя на каторге: «Между прочим, они научили меня, что должно иметь свой чай, что не худо мне завести и чайник, а покамест достали мне на подержание чужой и рекомендовали мне кашевара, говоря, что копеек за тридцать в месяц он будет стряпать мне что угодно, если я пожелаю есть особо и покупать себе провиант...» [Достоевский 1982, т. 3: 30]. С другой стороны, в контексте осторожной жизни чай интерпретируется и как «элемент роскоши», признак идеализируемой каторжниками «городской жизни»: «Ишь, дома лаптем щи хлебал, а здесь чай узнал; господского питья захотелось, – проговорил мрачный арестант» [там же: 38]. В другом фрагменте текста чай также показан как знак особого статуса дворянина: «Скажите, пожалуйста, – продолжал я расспрашивать поляка, – ведь вот они тоже едят свое кушанье, а я пью чай. А между тем они смотрят, как будто завидуют за этот чай. Что это значит? – Это не за чай, – отвечал поляк. – Они злятся на вас за то, что вы дворянин и на них не похожи» [там же: 38–39]. Именно эта сторона «осторожного чаепития» получает в повести дальнейшее развитие. За счет возможности пить чай и угощать им других Горянчиков обретает в глазах арестантов особое уважение, а совместное питье чая позволяет герою избежать одиночества: «Петров был отменно доволен, выпил, крикнул и, заметив мне, что я совершенно оживил его, поспешно отправился в кухню, как будто там без него чего-то не могли решить. Вместо него ко мне явился другой собеседник, Баклушин (пионер), которого я еще в бане тоже позвал к себе на чай» [там же: 127]; «Я пробовал было расспрашивать и разузнавать об них у Аким Акимыча, с которым очень любил пить чай, чтоб не быть одному. Мимоходом сказать, чай, в это первое время, был почти единственно моею пищею. От чаю Аким Акимыч не

отказывался и сам наставлял наш смешной, самодельный, маленький самовар из жести, который дал мне на поддержание М. Аким Акимыч выпивал обыкновенно один стакан (у него были и стаканы), выпивал молча и чинно, возвращая мне его, благодарил и тотчас же принимался отделять мое одеяло...» [там же: 88]. Чай становится на каторге и предметом своеобразного натурального обмена: «Помолившись, Аким Акимыч подошел ко мне и с некоторою торжественностью поздравил меня с праздником. Я тут же позвал его на чай, а он меня на своего поросенка» [там же].

С чаем в произведении неразрывно связана и другая «барская» сторона пребывания героя в остроге. В процессе приготовления чая и самого чаепития окружающие героя люди прислуживают ему – как в качестве особого «знака уважения», так и в виде оказания «платной услуги»: «Пробил барабан, и все отправились на работу, а я остался дома. Сушилов в это утро встал чуть не раньше всех и из всех сил хлопотал, чтоб успеть приготовить мне чай. Бедный Сушилов! Он заплакал, когда я подарил ему мои арестантские обноски, рубашки, подкандальники и несколько денег» [там же: 301]; «Только что Чекунов подал мне чай (мимоходом сказать, на платной воде, которая приносилась разом на целые сутки и как-то слишком скоро портилась в нашем воздухе), отворилась с некоторым шумом дверь, и за усиленным конвоем введен был только что наказанный шпицрутенами солдатик» [там же: 176]. Первоначальное неприятие героями Горянчикова и соответствующего статусу его «барского» облика усиливается при помощи упоминания о «роскошном напитке» на его столе: «На этот счет простой народ вовсе не так щепетил и чутко умеет различать дело. Устьянцеву не понравился собственно я, не понравился ему мой чай и то, что я и в кандалах, как барин, как будто не могу обойтись без прислуги, хотя я вовсе не звал и не желал никакой прислуги» [там же].

В остроге особой ценностью обладали не только сам чай, но – как следует из приведенных фрагментов текста – и другие «компоненты» чаепития. «Платной» могла оказаться даже пригодная для заварки чая чистая или теплая вода (большинство арестантов были вынуждены обходиться «бесплатной» холодной водой).

Большой ценностью обладали также бытовые предметы, используемые для чаепития, например самовар и посуда, которые, как правило, были самодельными, сконструированными из других вещей и требовали серьезных усилий для поддержания своих функций. В повести описывается процесс не только создания, обретения и ремонта чайных принадлежностей, но и их хране-

ния: «В низу столика была еще полка: там сохранялись у пивших чай чайники, жбаны с квасом и прочее; но пивших чай между больными было очень немного» [Достоевский 1982, т. 3: 171]. Интересно отметить, что по отношению к чайнику употребляется глагол «завести» (в отличие от традиционного «приобрести»), а по отношению к самовару – глагол «держат» (в отличие от традиционного «иметь»). Это свидетельствует о том, насколько ценными являлись для героев Достоевского предметы чайной утвари. С этой точки зрения показателен и тот факт, что, помимо основного значения глагола «держат», В. Даль приводит следующие: «содержат, иметь, хранить» [Даль 2000: 209], а значение слова «заводный» определяется им как «имущий, достаточный» [там же: 250].

Помимо чая и вина (имплицитно противопоставленных в тексте повести), в «Записках из Мертвого дома» упоминаются и другие напитки, например квас, однако какое-либо более-менее подробное описание, связанное с квасом, в тексте отсутствует; можно лишь предполагать, что квас являлся повседневным напитком для тех, кто не пьет чай. О кофе в произведении ничего не сказано.

Таким образом, в повести «Записки из Мертвого дома» можно выделить несколько *репрезентаций концепта «чай»*.

В первую очередь, чай соотношен с едой, а само чаепитие оказывается формой альтернативной трапезы: в некоторых ситуациях чай становится «единственной пищей» героя или же оказывается дополнением к другим блюдам. Чай многократно упоминается в одном ряду с такими продуктами, как калачи, говядина, поросенок. Другими словами, в «Записках из Мертвого дома» на первый план выходит традиционная для русской культуры репрезентация исследуемого концепта «чай как трапеза».

Интересно, что питье чая на каторге во многом было связано с популярной среди каторжников привычкой курения табака. Такой вариант репрезентации концепта можно называть «чай как привычка» – привычка, тесно соотношенная с традициями русского чаепития и перенесенная главным героем на каторгу из вольной жизни.

Особое звучание в каторжном контексте приобретает репрезентация «чай как мерило достатка», противопоставленная в тексте другой – «чай как элемент быта». Состоятельные герои, для которых чай является повседневным продуктом, пьют заморский напиток в окружении тех, кто не может себе этого позволить.

Для Достоевского отношение к чаю является важной характеристикой того или иного героя. Чай традиционно является знаком *дружбы, об-*

щения: за чаем герои разговаривают и входят в доверие друг другу.

Заметим, что чай в «Записках из Мертвого дома» часто выступает не просто как обычный продукт, но как особый товар *натурального обмена*, используемый арестантами для расчета за другие продукты, изделия, услуги (т. е., по сути, выполняет функцию *денег*). Обратить внимание на этот факт важно: репрезентация «чай как товар» является одной из трех (растение, товар, напиток) ключевых ипостасей лингвокультурного концепта «чай» [Цзоу 2007: 437].

Концепт «чай» в повести «Записки из Мертвого дома», наряду с другими представленными в тексте концептами, такими как *вино, табак, пища, карты*, во многом позволяет противопоставить волю и каторгу, способствует трансляции идеи ценности свободы. Шокируя читателя, Ф. М. Достоевский стремится передать пребывание на каторге в максимально светлых тонах, тем самым призывая к сопоставлению каторжной жизни с жизнью вольной. В письме к Н. В. Медному от 20 сентября 1860 г. Ф. М. Достоевский пишет: «Одним словом, полная, страшная, настоящая мука царил в остроге безвыходно. А между тем (я именно хочу это высказать) поверхностному наблюдателю или иному белоручке с первого взгляда жизнь каторжника могла бы показаться даже иной раз отрадною» [Якубович 1999: 532].

Размышления автора о ценности свободы – лейтмотив повести. Противопоставляя полную трудностей и лишений жизнь русского человека на свободе относительно комфортному пребыванию арестанта на каторге, автор стремился выразить тем самым «мысль о свободе как основном, необходимом условии человеческого существования» [там же: 533]. Именно в отсутствии свободы, а не тех или иных материальных благ автор увидел трагедию арестанта и донес эту идею до читателя, обращаясь к абсурдному, на первый взгляд, противопоставлению двух миров через призму знаковых концептов, одним из которых является чай.

Среди всех произведений Ф. М. Достоевского, в которых упоминается чай, роман «Преступление и наказание», безусловно, занимает особое место. Впервые чай появляется в романе как второстепенная, на первый взгляд, деталь, при описании дома Мармеладова: «Дверь в дальнейшие помещения или клетки, на которые разбивалась квартира Амалии Липпехвель, была приотворена. Там было шумно и крикливо. Хохотали. Кажется, играли в карты и пили чай. Вылетали иногда слова самые нецеремонные» [Достоевский 1982, т. 5: 26]. Заметим: чай пьют не домочадцы Мармеладова, а его более состоятельные

соседи. Чай в этой сцене соседствует с горячительными напитками, которые, как знает читатель, употребляет сам жилец. При этом возникает здесь и репрезентация «чай как мерило достатка»: чай показан как напиток состоятельных людей, в то время как бедный герой предпочитает алкоголь.

Симптоматично, что упоминание чая появляется в романе и при едва ли не главном повороте сюжета – встрече Лизаветы Ивановны с мещанами; при этом концепт «чай» выражен не напрямую, а через включенное в семантическое поле «чай» слово «самоварчик»:

«– И самоварчик поставим, – прибавила жена.

– Хорошо, приду, – проговорила Лизавета, все еще раздумывая, и медленно стала с места трогаться» [Достоевский 1982, т. 5: 63].

Данному эпизоду предшествует описание жизни Лизаветы Ивановны с сестрой, старухой-процентщицей Аленой Ивановной; автор сравнивает ее положение с пребыванием в рабстве: «Это была высокая, неуклюжая, робкая и смиренная девка, чуть не идиотка тридцати пяти лет, бывшая в полном рабстве у сестры, работавшая на нее день и ночь...» [там же]. Ф. М. Достоевский отмечает, что сестра не спешила делиться богатством с Лизаветой Ивановной, и даже по завещанию ей не полагалось ничего, поэтому статус героини был весьма невысок. В связи с этим готовность мещан поставить самовар, чтобы угостить Лизавету чаем, выглядит вовсе не как дань этикету, а как жест особого расположения. Можно предположить, что именно этот знак оказался решающим для определения последующих действий героини (а соответственно, и для развития сюжета романа).

Чай неоднократно упоминается в романе и в связи с самим Раскольниковым, характеризуя, как правило, его душевное состояние. Примечательно, что чаще всего напитком с главным героем делится Настасья.

«– Вставай, чего спишь! – закричала она над ним, – десятый час. Я тебе чай принесла; хошь чайку-то? Поди отоштал?

Жилец открыл глаза, вздрогнул и узнал Настасью.

– Чай-то от хозяйки, что ль? – спросил он, медленно и с болезненным видом приподнимаясь на софе.

– Како от хозяйки!

Она поставила перед ним свой собственный надтреснутый чайник, с спитым уже чаем, и положила два желтых кусочка сахару» [там же: 30].

Когда Настасья впервые приносит Раскольникову чай, он удивляется подобной заботе, однако в дальнейшем герой привыкает к этому. Следует отметить, что этот поданный Раскольникову чай

отличается, конечно, от того, который пила хозяйка квартиры и сама Настасья. В романе он характеризуется как «спитой», т. е. заваренный повторно. Исходя из того, что автор делает на этой детали особый акцент, можно предположить, что сорт чая, который пили герои, не был предназначен для многократной заварки (скорее всего, это был привычный для русского населения «чёрный» чай), т. е. Раскольникову подают своего рода неполноценный напиток.

На протяжении всего произведения чай выступает как важная художественная деталь. Во время болезни Раскольникова поданный ему чай характеризуется как остывший, что подчеркивает безразличие героя к окружающей действительности. С этой точки зрения примечателен следующий эпизод романа:

«Она вошла опять в два часа с супом. Он лежал как давеча. Чай стоял нетронутый. Настасья даже обиделась и с злостью стала толкать его.

– Чего дрыхнешь! – вскричала она, с отвращением смотря на него. Он приподнялся и сел, но ничего не сказал ей и глядел в землю.

– Болен аль нет? – спросила Настасья, и опять не получила ответа.

– Ты хошь бы на улицу вышел, – сказала она, помолчав, – тебя хошь бы ветром обдуло. Есть-то будешь, что ль?

– После, – слабо проговорил он, – ступай! – и махнул рукой.

Она постояла еще немного, с состраданием посмотрела на него и вышла.

Через несколько минут он поднял глаза и долго смотрел на чай и на суп. Потом взял хлеб, взял ложку и стал есть» [там же].

Отметим, что заботу Настасьи о Раскольникове, вызывающую у него поначалу искренне удивление, автор подчеркивает неоднократно. Столкнувшись с безразличием квартиранта, не понимая истинных причин такого состояния Раскольникова, Настасья испытывает целую гамму чувств – сострадание, обиду и злость. «Чай как знак заботы», заботы, способной соседствовать с целой гаммой чувств, – важная репрезентация концепта «чай» в романе Ф. М. Достоевского.

Заметим, что остывший или не вовремя поданный чай позволяет соотнести собственное субъективное ощущение времени героями с художественным временем романа. Раскольников не замечает, как остывает чай, поданный Настасьей, а Катерина Ивановна забывает вовремя подать чай к концу поминок: «Соня вспыхнула, а Катерина Ивановна вдруг расплакалась, тут же заметив про самое себя, что “она слаонервная дура и что уж слишком расстроена, что пора кончать, и так как закуска уж кончена, то разносить бы чай”».

В дальнейшем упоминание чая вновь появляется в похожем контексте. Утром после убийства старухи-процентщицы, когда Раскольников вызывают в полицию, герой отказывается от предложенного Настасьей чая:

«– Чаю бы выпил? Хошь, что ли? Принесу: осталось...

– Нет... Я пойду: я сейчас пойду, – бормотал он, становясь на ноги» [Достоевский 1982, т. 5: 92].

Раскольникову предлагается чай с хозяйского стола, Настасья подчеркивает, что это недопитые «остатки». При этом репрезентация концепта «чай» здесь оказывается в чем-то созвучной китайской чайной культуре, в которой чай предстает как универсальный *источник сил и здоровья*. Не зная об истинных причинах тяжелого состояния героя, Настасья предполагает, что чай может помочь Раскольникову преодолеть упадок сил. Настаивая на том, чтобы он выпил чай, Настасья беспокоится:

«– Поди, и с лестницы не сойдешь?

– Пойду...

– Как хошь» [там же].

Совершенно иначе чай воспринимается Раскольниковым в обстановке трактира, куда он приходит накануне убийства, одолжив у Алены Ивановны очередную сумму денег: «Он спросил чаю, сел и крепко задумался. Странная мысль наклеивалась в его голове, как из яйца цыпленок, и очень, очень занимала его» [там же: 65]. Здесь Раскольников уже сам заказывает чай, предпочитая его другим, более привычным для трактира напиткам. Разумеется, в трактире ему подают не «спитой» чай и не остатки заварки. Чай помогает ему сосредоточиться на обдумывании плана убийства. В этом же трактире чай пьют студент и офицер, также обсуждающие старуху-процентщицу: «Почти рядом с ним на другом столике сидел студент, которого он совсем не знал и не помнил, и молодой офицер. Они сыграли на биллиарде и стали пить чай» [там же].

После совершения убийства Раскольников вновь приходит в трактир и заказывает себе чай. Вместе с чаем он просит подать газеты, чтобы вновь погрузиться в размышления о произошедшем:

«“А пусть!” – подумал он.

– Водки прикажете-с? – спросил половой.

– Чаю подай. Да принеси ты мне газет, старых, этак дней за пять сряду, а я тебе на водку дам» [там же: 155–156].

Примечательно, что чай и водка в данном отрывке поменялись местами: сам гость пьет чай, но трактирщику оставляет не чаевые, а «на водку».

В более светлых тонах чай представлен в эпизоде, описывающем посещение Разумихиным Раскольникова. Главный герой и его гость

едят суп, пьют пиво и чай, угощая напитками Настасью:

«Вошла Настасья, неся две бутылки пива.

– А чаю хочешь?

– Хочу.

– Катай скорей и чаю, Настасья, потому насчет чаю, кажется, можно и без факультета. Но вот и пиво! – он пересел на свой стул, придвинул к себе суп, говядину и стал есть с таким аппетитом, как будто три дня не ел.

– Я, брат Родя, у вас тут теперь каждый день так обедаю, – пробормотал он, насколько позволял набитый полный рот говядиной, – и это всё Пашенька, твоя хозяйюшка, хозяйничает, от всей души меня чествует. Я, разумеется, не настаиваю, ну да и не протестую. А вот и Настасья с чаем. Эка проворная! Настенька, хошь пивца?

– И, ну те к проказнику!

– А чайку?

– Чайку пожалуй.

– Наливай. Постой, я тебе сам налью; садись за стол» [там же: 119].

В представленном фрагменте присутствуют классические для русской литературы и культуры репрезентации концепта «чай», в соответствии с которыми напиток выступает как важный *момент застолья*. Данное упоминание чая завершает сложившуюся в романе симметрию: убийству предшествует чаепитие в трактире, спустя несколько дней после убийства Раскольников также заказывает в трактире чай. Если до убийства Настасья угощала чаем Раскольникова, то теперь он угощает ее.

По словам современного исследователя творчества Ф. М. Достоевского, «автор “Преступления и наказания” не был дотошным бытописателем Петербурга, как представители “физиологического” или этнографического направления в русской литературе. Но и глубоко чуждый самодовлеющего бытового эмпиризма, он воссоздавал четкий историко-этнографический фон в своих “петербургских поэмах”. Этот фон образуют неисчислимые культурно-бытовые детали и обстоятельства из столичной жизни, нередко, кстати, вызывающие большой интерес у этнографов-историков» [Владимирцев 1990: 82].

Множество подобных деталей возникает именно при описании чаепития героев. Отражая культуру русского чаепития, концепт «чай» в романе «Преступление и наказание» включает как традиционные репрезентации чая – «чай как элемент быта», «чай как часть трапезы», «чай как атрибут дружбы и общения», так и новые, сформированные уже самим Ф. М. Достоевским, – «чай для размышлений», «чай как лекарство и источник сил». «Концепт становится художественным, когда автор как творец вкладыва-

ет в него совершенно новые, ранее не присущие ему смыслы» [Аввакумова, Бурдин 2019: 99]. Возникшая впервые в «Бедных людях» особая, характерная для Достоевского репрезентация «чай как мерило достатка» получает новое прочтение – в романе она представлена через ситуацию «угощение чаем», а также через описания качества напитка. В тексте присутствует и важная для психологической линии романа репрезентация «чай как хронометр» – герои сверяют свои внутренние часы со временем подачи чая, а также с температурой остывающего напитка.

Как и в «Записках из Мертвого дома», в романе «Преступление и наказание» упоминания чая возникают при описании особого состояния – на границе свободы и несвободы, жизни и смерти, роскоши и нищеты. Подобные репрезентации концепта «чай» соответствуют атмосфере современного Ф. М. Достоевскому Петербурга, в котором «полюса сословности превращались, если можно так выразиться, в курьезы сословности, и эту тонкую культурно-психологическую дифференциацию в будничном самосознании и поведении петербуржцев Достоевский воспроизвел с летописной поэтической точностью» [Владимирцев 1990: 83]. Такие «курьезы», столкновение различных культур и характеров читатель встречает и в созданном Ф. М. Достоевским образе Петербурга, и в описании каторги в Омске. Это реалистичное, живое, противоречивое бытописание строится на определенных концептах, одним из которых является «чай».

Список литературы

Аввакумова Н. В., Бурдин И. В. Понятие «концепт» в литературоведении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 7. С. 97–100.

Владимирцев В. П. Петербург Достоевского (проблема локальных историко-этнографических отражений // Проблемы исторической поэтики. Вып. 1. Петрозаводск: ПГУ, 1990. С. 82–99.

Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо, 2000. 736 с.

Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1982. Т. 3. 463 с.

Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1982. Т. 5. 543 с.

Сафронова Е. Ю. Художественный «Кодекс» Ф. М. Достоевского: система наказаний в «Записках из Мертвого дома» // Филология и человек. 2015. Вып. 1. С. 77–89.

Фокин П. Е. Достоевский без глянца. СПб.: Амфора, 2007. 464 с.

Фокин П. Е. Достоевский глазами современников. СПб.: Амфора, 2016. 460 с.

Цзоу С. Национально-культурная специфика концепта «чай» и ее учет в обучении русскому как иностранному китайских студентов // Известия РГПУ им. Герцена. 2007. № 1. С. 437–441.

Якубович И. Д. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб.: Академический проспект, 1999. Т. 1. 540 с.

References

Avvakumova N. V., Burdin I. V. Ponyatie 'konsept' v literaturovedenii ['Concept' notion in literary criticism]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice], 2019, vol. 12, issue 7, pp. 97–100. (In Russ.)

Vladimirtsev V. P. Peterburg Dostoevskogo (problema lokal'nykh istoriko-etnograficheskikh otrazheniy) [Dostoyevsky's Petersburg (poetics of the local historical and ethnographical reflections)]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 1990, issue 1, pp. 82–89. (In Russ.)

Dal V. I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya*. [Explanatory Dictionary of the Russian Language. Contemporary edition]. Moscow, Eksmo Publ., 2000. 736 p. (In Russ.)

Dostoyevsky F. M. *Sobr. soch.: v 12 t.* [Collected Works in 12 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1982, vol. 3. 463 p. (In Russ.)

Dostoyevsky F. M. *Sobr. soch.: v 12 t.* [Collected Works in 12 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1982, vol. 5. 543 p. (In Russ.)

Safronova E. Yu. Khudozhestvennyy 'kodeks' F. M. Dostoevskogo: Sistema nakazaniy v 'Zapiskakh iz mertvogo doma' [F. M. Dostoyevsky's art 'code': System of penalties in 'Notes from a dead house']. *Filologiya i chelovek* [The Philology and a Person Academic Journal], 2015, issue 1, pp. 77–89. (In Russ.)

Fokin P. E. *Dostoevskiy bez glyantsa* [Unvarnished Dostoyevsky]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2007. 464 p. (In Russ.)

Fokin P. E. *Dostoevskiy glazami sovremennikov* [Dostoyevsky through the eyes of contemporaries]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2016. 460 p. (In Russ.)

Tsou S. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika koncepta 'chay' i ee uchet v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu kitayskikh studentov [National and cultural peculiarities of the concept 'tea' and how they are taken into account in teaching Russian to Chinese students]. *Izvestiya RGPU im. Gertsina* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2007, issue 1, pp. 437–441. (In Russ.)

Yakubovich I. D. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo* [The Chronicles of Life and Works of Dostoyevsky]. St. Petersburg, Akademicheskii Prospect Publ., 1999, vol. 1. 540 p. (In Russ.)

THE CONCEPT 'TEA' IN THE NOVELS 'THE HOUSE OF THE DEAD' AND 'CRIME AND PUNISHMENT' BY FYODOR DOSTOEVSKY

Ivan V. Burdin

Postgraduate Student in the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. burdin@post.cz

SPIN-code: 5274-2379

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4378-4338>

Submitted 15.12.2020

The article deals with the concept 'tea' in two works by Fyodor Dostoevsky – the novels *The House of the Dead* (1860–1861) and *Crime and Punishment* (1865–1866).

In these works, the concept 'tea' includes both traditional representations – 'tea as an element of everyday life', 'tea as part of a meal', 'tea as an attribute of friendship and communication' – and new ones created by Dostoevsky, such as 'tea for thought', 'tea as medicine and a source of strength', 'tea as a source of spiritual balance'). An important representation for the psychological line of the works is 'tea as a chronometer' – when the heroes check their internal clock with the tea time, as well as with the temperature of tea as it is becoming cold. The paper gives particular attention to the representation 'tea as a marker of wealth'. In the novel *The House of the Dead* it is presented through the scenes where guests are being entertained to tea and through descriptions of the quality of the drink, in the novel *Crime and Punishment* – through the representation 'tea as luxury'.

The paper establishes the role of the concept 'tea' in conveying the main author's idea in the works by Dostoevsky. Along with other concepts presented in the text, such as wine, tobacco, food, cards etc., tea in *The House of the Dead* is intended to show readers the contrast between freedom and prison, contributes to the translation of the idea of freedom as absolute value. Meant to depict a special state of life – on the border of the light and darkness, life and death, wealth and poverty, the representations of the concept 'tea' in *Crime and Punishment* greatly contribute to the depiction of Raskolnikov's mental state, fit into the semantics of St. Petersburg of Dostoevsky.

Key words: Dostoevsky; concept; tea; prison; Petersburg text; natural language metaphysics.

UDC 81'25
doi 10.17072/2073-6681-2021-2-89-96

ON ENGLISH TRANSLATIONS OF R. M. RILKE'S POETIC LANGUAGE

Natalia V. Voronevskaya

Associate Professor in the Department of English Language No 1

MGIMO University

76, prospekt Vernadskogo Moscow, 119454, Russian Federation. nvoronevskaya@gmail.com

SPIN-code: 5973-5806

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4039-0651>

ResearcherID: I-3516-2017

Submitted 29.06.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Voronevskaya N. V. On English translations of R. M. Rilke's poetic language // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 2. С. 89–96. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-89-96

Please cite this article In English as:

Voronevskaya N. V. On English Translations of R. M. Rilke's Poetic Language. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 2, pp. 89–96. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-89-96 (In Russ.)

This study aims to assess the adequacy of the form of German sonnets when reproduced in English translations. The focus is on interrogative sentences, which, together with the sonnet in the form of a macro-sentence, the shortened verse and enjambment, are the characteristics of the innovative features of *Sonnets to Orpheus* by R. M. Rilke. The lyrical cycle *Sonnets to Orpheus* is among the most translated into world languages of Rilke's poetry works, as well as *Duino Elegies*. Both professional and amateur poets and translators have been competing to put the Austrian writer's best poems into English. Here we examine more than twenty English translations of the *Sonnets* into English, made from 1936 to 2008. The importance of the comparative linguistic-stylistic study of the original and its translations is determined by the continuing interest in Rilke's works in English-speaking countries and the necessity to understand the principles of reconstructing the features of Rilke's poetics using the English language. The system of methods used in this work includes: historical and philological analysis, comparative linguistic and stylistic description, as well as comparative analysis of the original and translation in the form that was developed in the works of V. Bryusov (1905), N. Gumilev (1919), M. Lozinsky (1935), E. Etkind (1963), S. Goncharenko (1987). We have found that the innovative nature of German sonnets is not always reflected in English translations. In some translations, American and British translators significantly modified the form of the original: interrogative sentences dominating in XVII and XVIII sonnets of the second part of the lyric cycle were not reproduced in English translations made by G. Good, D. Young, C. Haseloff, N. Mardas Billias and others.

Key words: Rilke; sonnet; original; translation; syntax; German.

There has always been worldwide interest in Rainer Maria Rilke's (1875–1926) poetry and prose. For more than a hundred years, outside the German-speaking world Rilke has been best known in Russia, Great Britain and the United States of America [Huettich 1975: 121–128], [Jonas 1954: 55–59], [Benfey 1995: 112–123]. Traditionally, Rilke's later works: a unique and mysterious lyrical cycle "Sonnets to Orpheus" and the unsurpassed "Duino Elegies", both written by the Austrian poet in 1922,

have attracted the attention of numerous Russian, British and American poets and translators. Rilke's poetry and prose were translated during Rilke's life time [Gass 1999: 25]. It is not unsurprising, therefore, that "Sonnets to Orpheus", for example, has been translated into English more than thirty times: the first English translation of a British poet J. B. Leishman dates from 1936, and the latest version of an American translator Cr. Marks was published in 2019.

“Sonnets to Orpheus”, fifty-five poems in two parts of the cycle, are devoted to deep philosophical issues that the poet was concerned with throughout his life: questions of life and death, being and creativity. In our opinion, the British researcher of Rilke, R. Cox, characterized the main topics of “Sonnets to Orpheus” and “Duino Elegies” in the most brilliant way: “In *Das Studienbuch* the silence which precedes the first poem is broken by the striking hour, summoning the world to the presence of the poet; in the *Duineser Elegien* by the cry of the poet, summoning the Angels to bear witness of the human condition; in the *Sonette an Orpheus* by the song of the god, creating a new order of silence, and summoning the poet to admiration. The first proposes a world open to the creative intervention; the second a world whose relatedness both with itself and the poet is dimly and fragmentarily perceived; the third a world of total relatedness before which the poet stands” [Cox 1979: 150].

But it is not only the poet’s depth of thought that arouses continued interest among Rilke’s fans around the world: foreign Rilke critics and translators have always pointed out an innovative renewal of the genre of sonnet as a solid form in Rilke’s poetry: he changed classical sonnet’s rhyme, meter, line lengths, as well as the canonical sonnet syntax. In our opinion, Scottish poet and translator of Rilke D. Paterson described the original sonnet form of the cycle best: “<...> as the Sonnets themselves also constitute a kind of meta-essay on the possibilities of the sonnet form, <...>” [Paterson 2006: 62]. Further, D. Young, an American translator of Rilke, wrote that “<...> that the meaning and the expressiveness of these poems are completely bound up with the possibilities of their form, the sonnet and its larger manifestation, the sonnet sequence; no translator can afford to ignore that fact” [Young 1987: xiv].

It is well known that in poetry translation it is important to convey the content of the poetic original inextricably linked with its form. It is generally believed that to translate both poetic content and form into a foreign language accurately and completely is unthinkable. However, we propose that when translating any poetry into a foreign tongue, a translator should strive to honor not only the content of the poetic original but also its form as far as the native language allows him with as few deviations from the original as possible. The aim should always be to achieve the greatest degree of aesthetic equivalence of the original, both in content and form, to express its cultural and historical appearance to the reader in another country.

In our opinion, the main task of the translator is to preserve the linguistic identity of the original author as much as possible. The means for this should be the linguistic identity of the translator themselves,

which refracts the author’s linguistic personality through themselves and uses their creative potential in order to fully recreate the features of the author’s idiolect in the translation, where domestication is possible. In some cases is even desirable and necessary, since, in addition to the interests of the author, the translator must take into account the recipients of the translation. Regarding this, P. Ricoeur said: “To translate is to serve two masters, the foreigner in his strangeness, the reader in his desire for appropriation” [Ricoeur 2006: 22–23]. How successful the translation will be depends on the ability of the translator to balance the interests of the author of the original and the reader of the translation, to resolve the internal conflict between his creative “I” and the need to eliminate it.

From our analysis of English translations of the Sonnets we conclude that, very often, English-speaking translators do not pay enough attention to how the form of the poetic original is regarded in the tradition, to which the original belongs, and, unfortunately, the knowledge of a foreign language is not a prerequisite for a poetry translator in the UK or the USA. Considering the peculiarities of the translation of Rilke’s “New Poems” and “Duino Elegies” into English, American critic D. Frail emphasized: “<...> in recent decades, one might <...> point to an increasing popularity (or at least acceptance) of the abandonment of rigid standards for rhyme and meter” [Frail 1933: 392].

However, despite prevailing tradition in American and British poetic translation not to translate the formal signs of a verse (for example, rhyme and meter) [McNeil 2007: 24], [Hunter 1993: vii] some English-speaking translators suppose that the rhyme and size of the verse should be recreated in the translation of poetry at all costs [Moffet 1989: 145]. According to D. Paterson, if a translator follows the path of creating a rhymed transposition of the original (“especially for languages with a poor rhyme system”), then he will inevitably face the problem of “changing some aspect of the content” [Paterson 2006: 80]. Similarly, in the preface to his translations of the Sonnets, British poet and translator of Rilke, L. Norris, wrote about the importance of maintaining the form of the poetic original: “<...> this long poem (“Sonnets to Orpheus”. – *N. V.*) is written as a sequence of sonnets, a very deliberate choice of form. To ignore this is to ignore much of the poem” [Norris 1989: vii]. Likewise, the renowned American poet and translator of Rilke, W. Barnstone, the author of a monograph on the theory and practice of translation, is also an advocate of translation of rhymed poetry by rhymed verses: “<...> if one disapproves of rhyme in poetry, then one should not translate poems that rhyme” [Barnstone 1984: 50].

We strongly agree that the poetic form of any original in general, and of the Sonnets in particular, acts as the key to understanding the artistic picture of the poet's world: the combination of life and death as the opposites of a single being. The sonnet genre, like no other poetic form, underlines the principle of combining opposites, and, therefore, as S. Eom points out, Rilke's creation of the Sonnets in the sonnet form is not an accident [Eom 1988: 109], and therefore, the form of such *individually* modified sonnets should be undoubtedly reflected in translations into foreign tongues.

In this study we examine "Sonnets to Orpheus", in particular how syntactic features of the Sonnets' form are rendered into English, namely, numerous interrogative sentences on which XVII and XVIII sonnets of the second part of the cycle are almost entirely built. Interrogative sentences together with the sonnet in the form of a macro sentence, a shortened string and *enjambements* belong to the main elements of Rilke's innovation in the field of syntax, and, therefore, should be taken into account when translating the Sonnets into English. To achieve our aim, we examined more than twenty English translations of the Sonnets made between 1936 and 2008.

"Sonnets to Orpheus" and "Duino Elegies" are acknowledged to be closely interconnected. XVII

and XVIII sonnets of the second part of the Sonnets are devoted to the allegorical topic of "fruits of comfort" and dance, respectively. These sonnets can be perceived as a kind of continuation of "Duino Elegies". The gardens depicted in XVII sonnet, where the "fruits of comfort" are ripe, are like a mirror image of the Land of Suffering "with a positive sign" from "Duino Elegies". The angels of the "Elegies" as the embodiment of absolute spirituality incomprehensible to human consciousness, as it is written in the Second Elogy, endowed with frightening beauty, appear in XVII sonnet as inhabitants of gardens resembling Arcadia, and the sonnet, as a whole piece, can be read as a description of blessed countries. In the first quatrain of XVII sonnet we read: *Wo, in welchen immer selig bewässerten Gärten, an welchen / Bäumen, aus welchen zärtlich entblätterten Blüten-Kelchen / reifen die fremdartigen Früchte der Tröstung?...* (Rilke 1997: 97). Undoubtedly, this peculiar and complex interrogative sentence, which occupies three lines of the quatrain and contains two *enjambements*, should be preserved in English translations. To illustrate the attempts of the English-speaking translators to display the syntactic features of the original we quote the following examples from their translations:

- Herter Norton: *Where, in what ever-blessedly watered gardens, on what trees, out of what tenderly unleaved blossom-calyxes do the exotic fruits of consolation ripen? ...* (Rilke 1992: 103)
- Lemont: *Where, in what blessedly-watered gardens, on what trees Out of what tenderly unleaved bloom, Do the exotic fruits of consolation ripen? ...* (Rilke 1945: 45)
- MacIntyre: *Where, in whatever-happily watered garden, on what trees, from what tenderly stripped flower-calices ripen the strange fruits of consolation? ...* (Rilke 1960: 89)
- Poulin: *Where, in what heavenly watered gardens, in what trees, from what lovingly unsheathed flower-calyxes do the strange fruits of consolation ripen? ...* (Rilke 1977: 171)
- Mitchell: *Where, inside what forever blissfully watered gardens, upon what trees, out of what deep and tenderly unpetaled flower-cups, do the exotic fruits of consolation hang ripening? ...* (Rilke 1993b: 83)
- Young: *In what watered, ever-blissful gardens? On what trees? From what flower-goblets, gently stripped of petals, do these exotic fruits of consolation ripen? ...* (Rilke 1987: 89)
- Norris / Keele: *In what gardens, watered always by heaven, on which trees, out of what soft revelation of calyxes, do the exotic fruits of consolation ripen? ...* (Rilke 1989: 44)
- Hunter: *Where, in what blessed garden of eternally flowing waters, on what trees, in the cups of which tenderly leafless flowers, ripen those exotic fruits of consolation? (Rilke 1993a: 129)*

- Mardas Billias: *Tell me, in which of the gardens with water blessed,
on which trees, within the chalice of which flower,
gently stripped of leaves, does the rare fruit of solace
ripen? ... (Rilke 2008: 44)*
- Snow: *Where, in what ever blissfully watered gardens, on what
branches, out of what tenderly un-petaled flower cups,
do the exotic fruits of consolation ripen? ... (Snow 2005b: 93)*
- Good: *Where, in what happily watered gardens, on what trees,
among what gently falling blossom-chalices,
ripen the exotic fruits of consolations? ... (Rilke 2004a: 101)*
- Furtak: *Where, in what blissfully-watered gardens,
on which trees, from what soft opening blossoms
do the wild fruits of solace ripen? ... (Rilke 2007: 75)*
- Barnstone: *Where, in what blissful watered gardens, in what trees,
out of what tenderly unpetaled calyxes
do the exotic fruits of consolation ripen? ... (Barnstone 2004b: 189)*
- Landman: *Where, in which always blissful watered garden,
on which trees,
from which tenderly-stripped-of-petals blossomcalices
ripen the exotic fruits of relief? ... (Rilke 2020a: 28)*
- Leishman: *Where, in what ever-blissfully watered gardens, upon what trees,
out of, oh, what gently dispetalled flower-cups do these
so strange-looking fruits consolation mature? (Rilke 1946: 121)*
- Pitchford: *Where, in what forever mercifully drenched gardens, in what
trees, out of what defoliated bud-calyxes, once so delicate,
do they rare fruits of compassion ripen? ... (Rilke 1981: 43)*
- Cohn: *Where, in what delightful ever-watered gardens,
borne on what trees, grown of what softly-dispetalled calyxes
do the exotic fruits of Consolation ripen? ... (Rilke 2002: 101)*
- Paterson: *Where, in what blessed, endlessly irrigated gardens, on what trees,
from what delicately unpetaled calyxes
do the fruits of solace ripen? (Rilke 2006: 47)*
- Speirs: *Where, in whichever blissfully watered gardens, on which
Trees, and out of which tenderly unpetaled flower cups
Do they ripen, the strange fruits of consolation? ... (Rilke 1965: 431)*
- Haseloff: *Where does it ripen, that strange, awkward, invaluable fruit
which they call solace? In what eternally lush gardens,
on what trees, in what delicately wilted blossoms? (Rilke 1979: 42)*

These examples show all translators attempted to retain Rilke's rhetorical question format. In fact, the three rhetorical questions in XVII sonnet of the second part of the Sonnets are fully preserved in almost all of the 20 translations examined (Poulin, Mitchell, Herter Norton, MacIntyre, Lemont, Haseloff, Mardas Billias, Norris (in cooperation with Keele), Hunter, Snow, Furtak, Barnstone, Landman, Young, Leishman, Pitchford, Cohn, Paterson and Speirs).

In other lines of XVII sonnet, however, the greater variation appears. Poulin introduced one more interrogative sentence, which was absent in the original sonnet. In the original: ... *Diese / köstlichen, deren du eine vielleicht in der zertretenen Wiese // deiner Armut findest. ... (Rilke 2002: 97)* and in Poulin's translation: ... *Those precious / fruits, one*

of which you find perhaps in the trampled field // of your poverty? ... (Rilke 1977: 171). Good changed the tone of the original, switching one interrogative sentence of the original into narrative; he was not able to save the syntactic drawing of the sonnet completely. In his translation there is no final interrogative sentence: *The way we ripen too soon and decay, / we shadows and shades, cannot take away / the equanimity of those calm summers. (Rilke 2004a: 101),* but Rilke used one in the original: *Haben wir niemals vermocht, wir Schatten und Schemen, / durch unser voreilig reifes und wieder welkens Benehmen / jener gelssenen Sommer Gleichmut zu stören? (Rilke 1997: 97).*

As can be seen from the above examples, almost all translators, to some degree, sought to convey

sonnet instrumentation and preserve its syntactic pattern, and only two translators, Young and Hasehoff, "violated" the syntax of the original, splitting one interrogative sentence into three and two, respectively. We consider their English versions as most loosely reflecting the syntactic features of the original: their interpretations of the original cannot be considered adequate, since most of Rilke's other English translators were able to recreate the syntactic drawing of the original.

Now we will consider XVIII sonnet of the second part of "Sonnets to Orpheus", which is almost entirely based on rhetorical questions. Describing the dancer and dance in XVIII sonnet, Rilke implicitly, at the level of metaphors, shows the equal involvement of nature and art in the metamorphoses that underlie everything. It is no accident that the rotation of the dancer's figure is likened in the sonnet to the so-called "tree of movement". This sonnet can be understood as a recreation of dance by means of a poetic word, achieved, *inter alia*, through the interweaving of alliterations and assonances, and, thus, like many other poems of the cycle, as a narrative about a poetic language.

The use of numerous interrogative sentences is a distinctive feature of the syntax of so-called "sonnet in the form of a question": for fourteen lines of the original, there are five interrogative and only two affirmative sentences: *Tänzerin: o du Verlegung / alles Verghens in Gang: wie brachtest du's dar: / Und der Wirbel am Schluß, dieser Baum aus Bewegung, / nahm er nicht ganz in Besitz das erschwungene Jahr? // Blühte nicht, dass ihm dein Schwingen von vorhin umschwärme, / plötzlich sein Wipfel von Stille? Und über ihr, / war sie nicht Sonne, war sie nicht Sommer, die Wärme, / diese unzählige Wärme aus dir? // Aber er trug auch, er trug, dein Baum der Ekstase. / Sind sie nicht seine ruhigen Früchte: der Krug, / reifend gesteift, und die gereifere Vase? // Und in den Bildern: ist nicht die Zeichnung geblieben, / die deiner Braue dunkler Zug, / rasch an die Wandlung der eigenen Wendung geschrieben?* (Rilke 1997: 98).

In ten of the twenty English translations of this sonnet, this syntactic feature of the original is retained. These ten translations are those of Herter Norton, MacIntyre, Poulin, Pitchford, Norris (in cooperation with Keele), Landman, Snow, Good, Furtak and Hills. At the same time Leishman and Young rendered only four interrogative sentences of the original, Lemont and Mitchell – three, Paterson – two and Mardas Billias – one.

American translators: Hunter, Cohn and Barnstone retained the four interrogative sentences of the original, and, in our opinion, inexplicably added one question in their interpretations of the sonnet: Hunter and Cohn – in the beginning of the first tercet re-

spectively: *It bore fruit as well, it bore, your tree of rapture. / Aren't these its tranquil fruits? The pitcher shot through / with ripe shades, and the vase, more slow to mature? //* (Rilke 1993a: 129), and *And it bore fruit too, the tree of your rapture: / are not these things its inanimate harvest? – the pitcher / striped like a gourd, the vase even riper and richer?* (Rilke 2002: 103). Barnstone – in the second tercet: *Through the pictures, the drawing, can't we see / an obscure stroke shaping an eyebrow / quickly scrawled on the wall? The dancer's turn?* (Rilke 2004b: 191), while in Rilke's sonnet interrogative sentences are absent in these positions.

By this measure, Mardas Billias translation of XVIII sonnet is the least adequate because, even though it gives a fairly accurate idea of the content of the original, it lacks the dramatic tension of Rilke's sonnet, since the translator uses only one interrogative sentence instead of five.

Of all the considered translations of XVIII sonnet of the second part of the book "Sonnets to Orpheus", in our opinion, the least successful is the translation of Mardas Billias, in which the syntactic features of the original were recreated to the least extent compared to other English versions: *Sweet dancer, for a while your pose / held death at a distance: grace became a prayer. / In your last whirl a tree arose, / a tree of movement, gathering hard-won years // blazing, into a peak of stillness, coming / from out the swarming swirling as you turned, / and over all it was your sun, your summer, / your immeasurable heart that burned. // And yes, your tree of rapture bore fruit, bore / the banded jug, the fluted vase: these now / are its quiet fruits. But among them one more // vivid image: is there not still a mark, / inscribed in air, the contour of your brow / the coil and wheeling of its final torque?* (Rilke(c): 45). Another unsuccessful English version of this sonnet is that of Paterson: *And the images ... How the vision persists / of the dark stroke of your eyebrow, sketched so fast / on the blank page of the blur of your pale face –* (Rilke 2006: 48). In our opinion, this translation is a very approximate solution as both form – the interrogative sentence at the end of the sonnet and content are not reproduced. Rilke's lines: *Und in den Bildern: ist nicht die Zeichnung geblieben, / die deiner Braue dunkler Zug, / rasch an die Wandlung der eigenen Wendung geschrieben?* (Rilke 1997: 98) were very freely interpreted by Paterson.

Examining Rilke's innovations of the sonnet form in his "Sonnets", exclamatory sentences, as a peculiar feature of this lyrical cycle's syntax, should be considered when rendering the Sonnets into foreign languages. To illustrate, let us examine the final lines of II sonnet of the first part of the book: *Wo sinkt sie hin aus mir? ... Ein Mädchen fast ...* (Rilke 1997: 54) were translated into English in the following ways:

Kinnell / Liebmann:	<i>Where does she sink to out of me? ... A girl almost ...</i> (Rilke 2000: 149)
Leishman:	<i>Sinking to where from me? ... Almost a maid ...</i> (Rilke 1946: 37)
Herter Norton:	<i>Whither is she sinking out of me? ... A girl almost ...</i> (Rilke 1992: 19)
MacIntyre:	<i>does she sink from me – where? ... A girl almost ...</i> (Rilke 1960: 5)
Poulin:	<i>Where does she shrink to from me? ... barely a girl yet ...</i> (Rilke 1977: 87)
Bly:	<i>Where is she going to, as she sinks away ... a girl really ...</i> (Rilke 1972: 3)
Mitchell:	<i>Where is she vanishing? ... A girl almost ...</i> (Rilke 1993b: 6)
Lemont:	<i>She sinks from me – where? Where? ... maid almost ...</i> (Rilke 1945: 2)
Landman:	<i>To where / sinks she away from me? ... Almost a maid ...</i> (Rilke 2020b: 28)
Young:	<i>Where does she drain out of me? ... a girl, almost ...</i> (Rilke 1987: 5)
Norris / Keele:	<i>Where does she fade from me? ... A girl, just ...</i> (Rilke 1989: 2)
Mardas Billias:	<i>She sinks, falls from me ... where? ... a child no longer ...</i> (Rilke 2008: 2)
Barnstone:	<i>Where has she vanished to? ... A girl almost ...</i> (Rilke 2004b: 105)
Snow:	<i>I can feel her drifting off ... to where? ... A girl almost ...</i> (Snow 2005b: 9)
Haseloff:	<i>Where does she fade from me? ... Almost a girl ...</i> (Rilke 1979: 2)

As it can be seen from the quoted translations, Lemont's version is extremely expressive with the word "where" unnecessarily used twice. In our opinion, Young's version is devoid of Rilke's poeticism and lyricism: the use of the English verb "to drain" in the sentence describing the disappearance of the girl by this translator feels very inadequate, since it does not convey Rilke's sensitivity about the young girl's passing away. Lesser's translation is not the most effective English version of the examined sonnet: *... Even if she rises out of me, / she slips away, she sinks, ... A girl almost ...* (Rilke 1986a: 37) compared to Rilke's original: *Wo sinkt sie hin aus mir? ... Ein Mädchen fast ...* (Rilke 1997: 54). In addition, Lesser chose not to retain the interrogative sentence in the second tercet of the sonnet. Two American translators Good and Barrows (in cooperation with Macy) did not adequately interpret these lines either (respectively): *Falling away from me ... Almost a girl ...* (Rilke 2004a: 60) and: *If I forget her, will she disappear?* (Rilke 2005a: 69).

Our analysis of the English translations of the interrogative sentences of "Sonnets to Orpheus" showed, when transforming the original German syntactic structures of sentences into English, that some English-speaking translators tend to simplify these structures in their translations, and this eventually leads to some degree of semantic depletion of the original form in a foreign tongue. In this case, the main maxim of translation – the aspiration for identity – is neglected.

Literary Sources

In Praise of Mortality. Selections from Rainer Maria Rilke's Duino Elegies and Sonnets to Orpheus. Transl. and ed. by A. Barrows and J. Macy. New York, Riverhead Books, 2005a, pp. 65–137. (In Eng.)

Lesser R. *A Preface: Ten Years Later. Between Roots: Selected Poems.* Transl. by R. Lesser. Prince-

ton, N. J., Princeton University Press, 1986a, pp. xi–xii. (In Eng.)

Paterson D. *Orpheus. A Version of Rilke's Die Sonnet an Orpheus.* London, Faber and Faber, 2006, pp. 3–59. (In Eng.)

Rilke R. M. *Sonnets to Orpheus. Duino Elegies.* Transl. by J. Lemont. New York, Fine Editions Press, 1945, pp. 1–63. (In Eng.)

Rilke R. M. *Sonnets to Orpheus.* The German text, with an English translation, introduction and notes by J. B. Leishman. London, the Hogarth Press, 1946, pp. 34–145. (In Eng.)

Rilke R. M. *Sonnets to Orpheus.* With English translations and notes by C. F. MacIntyre. Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1960, pp. 1–113. (In Eng.)

Rilke R. M. From *Sonnets to Orpheus.* Transl. by R. Speirs. *An Anthology of German Poetry from Hölderlin to Rilke in English Translation.* Ed. by A. Flores. Gloucester, Mass, Peter Smith, 1965, pp. 429–430, pp. 431–432. (In Eng.)

Rilke R. M. *Ten Sonnets to Orpheus.* Transl. by R. Bly. San Francisco, Zephyrus Image, 1972. 14 p. (In Eng.)

Rilke R. M. *Duino Elegies and the Sonnets to Orpheus.* Transl. by A. Poulin, Jr. Boston, Houghton Mifflin Company, 1977, pp. 83–199. (In Eng.)

Rilke R. M. *Sonnets to Orpheus.* Transl. by Ch. Haseloff. Privately Printed. Brooklyn, The Print Center, 1979, 39 p. (In Eng.)

Rilke R. M. *The Sonnets to Orpheus.* Transl. by K. Pitchford. New York, The Purchase Press, 1981, pp. 1–29. (In Eng.)

Rilke R. M. *Sonnets to Orpheus.* Transl. by R. Lesser. *Between Roots: Selected Poems.* Rendered from German by R. Lesser with a note by R. Howard and a preface by R. Lesser. Princeton, N. J., Princeton University Press, 1986b, pp. 37–39. (In Eng.)

Rilke R. M. *Sonnets to Orpheus.* Transl. and with an introduction by D. Young. Widdletown, Wesleyan University Press, 1987, pp. 1–113. (In Eng.)

Rilke R. M. *The Sonnets to Orpheus*. Transl. from the original German by L. Norris and A. Keele. London, Skoob Books Publishing, 1989, pp. 1–56. (In Eng.)

Rilke R. M. *Sonnets to Orpheus*. Transl. by M. D. Herter Norton. New York, W. W. Norton and Company, Inc., 1992, pp. 16–127. (In Eng.)

Rilke R. M. *Duino Elegies. The Sonnets to Orpheus*. Transl. by R. Hunter with 26 block prints by M. Hunter. Eugene, Hulogosi Communications, Inc., 1993a, pp. 83–143. (In Eng.)

Rilke R. M. *The Sonnets to Orpheus*. Transl., with an introduction by St. Mitchell. Boston, Shambhala Publications Inc., 1993b, pp. 1–108. (In Eng.)

Rilke R. M. *Duineser Elegien. Die Sonette an Orpheus* [Duino Elegies. Sonnets to Orpheus]. Stuttgart, Philipp Reclam, 1997, 155 S. (In Ger.)

Rilke R. M. *Sonnets to Orpheus with Letters to a Young Poet*. Transl. from German by St. Cohn. New York, Routledge, 2002, pp. 13–167. (In Eng.)

Rilke R. M. *Rilke's Late Poetry: Duino Elegies, the Sonnets to Orpheus, and Selected Last Poems*. Transl. with an introduction and commentary by Gr. Good. Vancouver, Ronsdale Press, 2004a, pp. 59–115. (In Eng.)

Rilke R. M. *Sonnets to Orpheus*. Transl. with an introduction by W. Barnstone. Boston and London, Shambhala, 2004b, pp. 103–213. (In Eng.)

Rilke R. M. *Sonnets to Orpheus*. Transl. by E. Snow. New York, North Point Press, 2005b, pp. 5–119. (In Eng.)

Rilke R. M. *Sonnets to Orpheus: a New English Version*. Transl. by R. A. Furtak; with a philosophical introduction. Scranton and London, University of Scranton Press, USA, 2007, pp. 35–87. (In Eng.)

Rilke R. M. *Sonnets to Orpheus*. Transl. by N. Mardas Billias. Unpublished translation (accessed 30.06.2008). (In Eng.)

Rilke R. M. *Sonnets to Orpheus*. Transl. by D. Hills. Available at: <http://www.stanford.edu/~d-hills/orpheus.pdf/> (accessed 15.01.2020a). (In Eng.)

Rilke R. M. *Sonnets to Orpheus*. Transl. by H. Landman. Available at: http://www.polyamory.org/~howard/Poetry/orpheus_index.html/ (accessed 15.01.2020b). (In Eng.)

The Essential Rilke. Selected and transl. by G. Kinnell and H. Liebmann. New York, The Ecco Press, 2000, pp. 149–157. (In Eng.)

References

Barnstone W. Preferences in Translating Poetry. *Translation: Literary, Linguistic, and Philosophical Perspectives*. Ed. by W. Frawley, Newark, DE, University of Delaware Press, 1984, 50 p. (In Eng.)

Benfey Ch. Rilke in Amerika. *Rilke-Rezeptionen* [Rilke Reconsidered]. Ed. by Sigrid Bauschinger and Susan L. Cocalis. In cooperation with Karin Obermeier. Tübingen, A. Francke Verlag Tübingen und Basil, 1995, pp. 111–125. (In Ger.)

Cox R. *Figures of Transformation: Rilke and the Example of Valéry*. London, The Institute of Germanic Studies, University of London, 1979. 203 p. (In Eng.)

Eom S.-E. Todesvertrautheit. *Deutungen der Orpheus-Gestalt in Rilkes Dichtung* [Interpretations of the Orpheus Figure in R. M. Rilke's Poetry]. Frankfurt a. M., Bern, New York, Paris, Verlag Peter Lang, 1988. 125 p. (In Ger.)

Frail D. *Lost in Translation: Reading Rilke in English*. Ottawa, National Library of Canada, 1993. 397 p. (In Eng.)

Gass W. *Reading Rilke. Reflections on the Problems of Translation*. New York, Basic books, 1999. 233 p. (In Eng.)

Huettich G. Rilke in Amerika: Gestern, heute, morgen. *Rilke: Kleine Hommage zum 100. Geburtstag* [Rilke: Small Homage for the 100th Birthday]. München, Edition Text und Kritik, 1975, pp. 121–128. (In Ger.)

Hunter R. Translator's Preface. Rilke R. M. *Duino Elegies. The Sonnets to Orpheus*. Transl. by Robert Hunter with 26 block prints by M. Hunter. Eugene, Hulogosi, 1993, pp. vii–viii. (In Eng.)

Jonas K. W. Rilke und Amerika. *Etudes Germaniques* [German Studies], 1954, vol. 9, pp. 55–59. (In Ger.)

McNeil Ch., McCarthy P. Introduction. Rilke R. M. *The Book of Hours*. Transl. by Ch. McNeil and P. McCarthy. Mayfield, Agenda Editions, 2007, pp. 5–24. (In Eng.)

Moffet J. Playing Scrabble without a Board: On Formal Translation from the Swedish Translating Poetry. *The Double Labyrinth*. Ed. by D. Weissbort. Iowa City, University of Iowa Press, 1989, pp. 144–161. (In Eng.)

Norris L. A. Note from Leslie Norris. Rilke R. M. *Sonnets to Orpheus*. Transl. from the original German by L. Norris and A. Keele. London, Skoob Books Publishing, 1989, pp. vii–viii. (In Eng.)

Paterson D. Afterword. *A Version of Rilke's Die Sonnet an Orpheus*. London, Faber and Faber, 2006, pp. 61–84. (In Eng.)

Ricoeur P. On Translation. Transl. by Eileen Brennan. London, New York, Routledge Taylor and Francis Gr., 2006. 46 p. (In Eng.)

Young D. Introduction. Rilke R. M. *Sonnets to Orpheus*. Transl. by David Young. Widdletown, Wesleyan University Press, 1987, pp. vii–xv. (In Eng.)

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА Р. М. РИЛЬКЕ В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Наталья Викторовна Вороневская

канд. филол. н., доцент кафедры английского языка № 1

МГИМО МИД России

119454, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 76. nvoronevskaya@gmail.com

SPIN-код: 5973-5806

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4039-0651>

ResearcherID: I-3516-2017

Статья поступила в редакцию 29.06.2020

Целью настоящей работы является определение степени адекватности воссоздания элементов авторски модифицированного синтаксиса «Сонетов к Орфею» Р. М. Рильке в английских переводах, выполненных в США и Великобритании с 1936 по 2008 г. В центре внимания настоящей работы находятся вопросительные предложения, которые вместе с сонетом-макропредложением, укороченной строкой и стихотворным переносом (анжабеманом) являются основными элементами новаторства Рильке в форме классического сонета. Актуальность сопоставительного лингвостилистического изучения оригинала и его переводов определяется постоянным интересом к творчеству Рильке в англоязычных странах и необходимостью изучения принципов воссоздания особенностей поэтики Рильке средствами английского языка. Система методов, использованных в работе, включает: метод историко-филологического анализа и метод сопоставительного лингвостилистического описания, а также метод компаративного анализа оригинала и перевода в том его виде, который разработан в работах В. Я. Брюсова (1905 г.), Н. С. Гумилева (1919 г.), М. Л. Лозинского (1935 г.), Е. Г. Эткинда (1963 г.), С. Ф. Гончаренко (1987 г.). Определено, что новаторский характер немецких сонетов не всегда находит свое отражение в английских переводах. В некоторых переводах американские и британские переводчики в значительной мере модифицировали форму оригинала: вопросительные предложения, доминирующие в XVII и XVIII сонетах второй части лирического цикла, не были воссозданы в переводах на английский язык, выполненных Гр. Гудом, Д. Янгом, Ч. Хейзеллоффом, Н. Мэрдас Библиас и др.

Ключевые слова: Рильке; сонет; оригинал; перевод; синтаксис; английский язык.

УДК 398: 82–343
doi 10.17072/2073-6681-2021-2-97-103

ПРИЗРАЧНАЯ КАРЕТА: ОТ ФОЛЬКЛОРА К ЛИТЕРАТУРЕ

Анастасия Андреевна Липинская

к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков

**Санкт-Петербургский государственный
лесотехнический университет им. С. М. Кирова**

194021, Россия, г. Санкт-Петербург, Институтский пер., 5. nastya.lipinska@gmail.com

SPIN-код: 2459-2124

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3366-4335>

ResearcherID: C-8368-2016

Статья поступила в редакцию 01.02.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Липинская А. А. Призрачная карета: от фольклора к литературе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 2. С. 97–103. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-97-103

Please cite this article in English as:

Lipinskaya A. A. Prizrachnaya kareta: ot fol'klora k literature [A Phantom Coach: From Folklore to Fiction]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 2, pp. 97–103. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-97-103 (In Russ.)

Образ призрачной кареты широко распространен в британском фольклоре, он устойчиво ассоциируется со смертью и дурными предзнаменованиями, и неудивительно, что он заинтересовал авторов готических новелл (*ghost stories*). Некоторые тексты такого рода близки к фольклорной традиции, но чаще встречаются оригинальные авторские версии, в которых мифология призрачной кареты взаимодействует с другими темами (жених-призрак) и утрачивает некоторые элементы, важные для народного сознания, но необязательные в художественном тексте (гибель нарушившего запрет, действенность церковных таинств против призраков и нечисти). В соответствии с логикой жанра сама карета превращается в замкнутое подпространство, в котором перестают действовать законы рационального мира, в своеобразную капсулу времени, где события разворачиваются по законам страшной сказки или легенды. Возможны варианты, когда карета доставляет в мир живых призрак или демоническое создание. В более поздних новеллах карету иногда заменяет машина, полностью наследующая ее функции; это не связано со страхом перед новым средством передвижения, старинный мотив просто вписывается в новые реалии. Сохраняются традиционные темы отмщения, наказания, встречи живых и мертвых, но они иногда обретают новый символический смысл и помогают раскрыть темы времени и памяти. Анализ трансформации образа призрачной кареты в готической новеллистике может быть полезен для понимания логики развития жанра (преобразование фольклорных мотивов и нарративных принципов, представления о смерти и времени и т. д.).

Ключевые слова: готическая новелла; фольклор; контаминация; лиминальная зона; время.

Популярный в английском фольклоре образ призрачной кареты может служить иллюстрацией того, как образы, порожденные народным воображением, трансформируются в литературной традиции, а именно в британской готической новелле (на родине этот жанр называется *ghost stories*, буквально «истории с привидениями»).

Исследователи отмечают, что литературная готика тесно связана с фольклорно-мифологичес-

кой традицией [Соловьева 1984: 79; Байрамкулова 2012: 221], и в этом смысле новеллистика второй половины XIX – начала XX столетия не является исключением. Прежде чем обратиться к авторским текстам, необходимо определить основные черты мифологии призрачных карет и всадников. Генеалогия здесь весьма длинная, причудливая и мрачная, начинается она со всадников Апокалипсиса, среди которых, как извест-

но, присутствует Смерть, и с фольклорных образов типа повозки Анку (персонаж бретонских преданий, также одна из персонификаций Смерти) [Celtic Culture 2006: 67]. В этом же ряду – Дикая охота в разных версиях, также часто предвещающая чью-то гибель [Westwood, Simpson 2009: 9; Schmitt 2009: 100–101]. Упоминаний собственно призрачных карет, в том числе уже в достаточно позднее время, так много, что их пытались собирать отдельно – в частности, в журнале *Folklore* за 1942 г. опубликована статья некой миссис Кови [Covie 1942], где, пусть и без попыток интерпретации, приводится сводка данных – более 60 прецедентов на территории Англии с указанием региона, точного места и источника (как правило, информанта). Позже в литературе, в том числе и популярной, посвященной народным суевериям, соответствующей тематике нередко посвящены целые главы [Haughton 2012: 51–66].

Призрачные кареты распространены в фольклоре меньше, чем призрачные (и зачастую безголовые) всадники, хотя возможны варианты: например, Дуллахан, ирландский злой дух, предвещающий смерть, обычно является на коне, но может предстать и кучером крытого экипажа [Fairy Legends 1846: 226–228; Haughton 2012: 54]. Призрачная повозка, или повозка смерти, вообще более всего характерна для англо-ирландской традиции, генеалогию этого образа возводят как раз к Дикой охоте и к повозке с душами проклятых [Westwood, Simpson 2009: 9]. Среди типичных мотивов соответствующих легенд – не только предзнаменование гибели (например, того, кто, себе на беду, это увидел), но и наказание страшного грешника – в частности, рассказывали о безголовом призраке сэра Томаса Болейна, отца Анны Болейн, в роли кучера; сэр Томас, правда, не был обезглавлен, зато прославился неумным честолюбием и политическими интригами. Вообще, привязка мотива призрачной кареты к истории про властного и при этом преступного землевладельца – вариант весьма распространенный [Westwood, Simpson 2009: 472].

Богатое наследие английского и не только фольклора вошло и в литературу – в том числе через так называемые *ghost stories*, готические новеллы. Этот жанр родился из сложного взаимодействия отголосков классической готики (так называемый роман тайны и ужаса), новых издательских практик (толстые журналы для семейного чтения) [Orel 1986: 1–2], характерных для викторианской эпохи страхов и тревог (эволюция, вырождение, стирание абсолютной грани между животным и человеком [Водолажченко 2014: 61; Youngs 2013: 1], близость «страшного другого» [McClelland 2006: 20–21] – жителей ко-

лоний [The Unique Legacy 2015: 126], «новых женщин» [Youngs 2013: 27–28] и т. д.), культуры устного рассказа и всевозможных фольклорных мотивов. Из фольклора заимствуются разновидности призраков и богатейшая народная демонология, а также некоторые нарративные принципы (троичность [Goldstein etc. 2007: 126], неизбежность нарушения запрета). Неудивительно, что и призрачная карета обрела на страницах готической новеллистики новую жизнь. Варианты здесь весьма многообразны и позволяют, в числе прочего, проследить некоторые тенденции развития жанра.

Некоторые тексты достаточно близко следуют фольклорной традиции. Таков «Гребень банши» (*The Banshee's Comb*, 1903) Хермини Темплтон Кавана [Cavanagh 1915: 177–294]: в этой истории безголовый кучер возит покойников, т. е., по сути, воспроизводится один из вариантов, созданных народным воображением, и сама манера повествования стилизована под фольклорный рассказ. Это часть довольно большого цикла про Дарби О'Гилла и добрый народец (они же – фейри), согласно авторскому примечанию, представляющего собой серию историй, услышанных от близкого родственника Дарби [Cavanagh 1915: I] – воспринимать его можно как собрание литературно обработанных фольклорных преданий о персонажах народной демонологии, особенно если учесть специфику эпохи: интерес к ирландскому культурному наследию в это время повышен (так называемое Гэльское возрождение), выходят разнообразные сборники легенд, мифов и сказок, мотивы которых также отражаются в готических новеллах и повестях [Водолажченко 2014: 63]. Истории про Дарби основаны на фольклорном материале, но подверглись литературной обработке (и циклизации), и особое внимание автор уделяет манере изложения, также имитирующей бесхитростный народный юмористический рассказ, представляющей взгляд на этот тип повествования автором, находящимся вне народной традиции, не обладающим собственно мифологическим мышлением [Козубовская 2011: 12]. Мифы здесь теряют сакральный характер, перестают быть страшными и становятся поводом для занимательной истории, в которую аккуратно встроены. Ошибка в заклинательной формуле, врез с традицией, не стоит герою жизни, «ужасный» безголовый кучер со словами «надо мне на тебя как следует взглянуть» [Cavanagh 1915: 282] достает и водружает себе на плечи голову, а чуть позже распивает виски вместе с протагонистом и с королем фейри, сидя в призрачной карете (причем окружающие наблюдают только человека и сосуды с алкоголем). Это игровой текст по мотивам народных легенд и

народного же юмора, предполагающий, что призраки – не предмет веры и не повод для страха, что автор и читатель (не слушатель из той же среды, которая породила предания о духах, кстати, уже иногда рассказываемые без однозначной установки на достоверность [Goldstein etc. 2007: 30]), воспринимающие традицию «со стороны», видят в них лишь причудливую игру фантазии. Характерно, что книга позже неоднократно переиздавалась и даже была экранизирована в 1959 г. под названием *Darby O'Gill and the Little People* с расчетом преимущественно на детскую аудиторию с молодым Шоном Коннери в одной из главных ролей.

Более сложный случай – чисто авторские истории, в которых обыгрывается базовый для готической новеллы мотив: столкновение рационально устроенной обыденности с миром сверхъестественного. Есть среди них и серьезные, и комические. Из серьезных самая известная, пера Амелии Эдвардс, так и называется – «Карета-призрак» (*The Phantom Coach*, 1864) [Summers 1932: 112–124]. Это классическая *ghost story* – не только в смысле литературной репутации, но и в отношении полноты воплощения характерных для жанра черт: присутствуют и столкновение естественного и сверхъестественного, и двойное истолкование (молодой человек рассказывает о призраках, но после предполагаемой встречи с ними он болел, и его рассказ можно считать бредом больного), и характерная атмосфера обыденности [DiBiasio 2008: 84] (в противоположность эстетике возвышенного, типичной для готических романов [DeLong 2018: XX; Folk Horror 2019: 153]).

Герой новеллы принимает за обычную почтовую карету призрачный экипаж, везущий мертвецов – погибших в тех краях как раз в перевернувшейся карете. Это очевидная контаминация популярных фольклорных мотивов: образ призрачной повозки с душами и всевозможные истории про появляющихся раз за разом на месте своей смерти трагически погибших и часто не похороненных должным образом людей, «беспокойных мертвецов» (мотив, лежащий в основе великого множества народных и литературных *ghost stories*, в первую очередь про дома с привидениями, но, конечно, не только) [Westwood, Simpson 2009: 9]. С точки зрения же функции этих образов в новелле – после встречи со старым ученым-отшельником, критиковавшим узколобых рационалистов, не верящих в призраки и т. д., молодой адвокат потрясен и наконец сам убеждается (или считает, что убеждается) в реальности того, что выходит за рамки привычной рациональности. Интересно, что в момент встречи он становится, выражаясь современным язы-

ком, жертвой когнитивного искажения и, даже замечая странности (молчаливый кучер и пассажиры, все по уши закутаны в шарфы), упорно пытается объяснить их разумными причинами, поскольку убежден, что это обычная почтовая карета. Когда все внутри оказывается прогнившим и заплесневевшим, герой думает, что, возможно, «штатный» экипаж в починке, а этот, находящийся в столь плачевном состоянии, временно подменяет его.

Во время аварии погибли четверо (двое умерли позже, и, по логике историй о призраках, они не были «привязаны» к месту гибели), а когда в нее садится наш герой, там сидят трое, четвертый – он, и он же попадает как бы в проигрывающуюся заново катастрофу, только не погибает, отделяется серьезными травмами. Происходит любопытное смещение в пространстве и времени: если бы действовала фольклорная логика, герой стал бы еще одним пассажиром кареты или подменил кого-то из них, и в обоих случаях не вернулся домой. Здесь же персонаж как будто на время попадает в особое пространство, где действуют законы страшной легенды (характерно, что позже его рассказ не находит понимания у лечащего врача), в зону, где смыкаются прошлое (момент аварии – потому он четвертый в карете) и настоящее (девять лет спустя, когда мертвецы уже успели разложиться). Карета обретает статус «свернутой» лиминальной зоны [Goldstein etc. 2007: 38], виртуального микропространства, в котором действуют совершенно особые законы (в готической новеллистике таких зон много, часто они связаны с местами отправления культов или захоронениями, где, соответственно, человек сталкивается с сакральным и со смертью). Окружает же ее привычный, рационально устроенный мир, куда протагонист благополучно возвращается – потому что законы страшной легенды действуют ограниченно и напоминают о себе, но полностью «переформатировать» мир новеллы не могут.

Несколько сходный статус кареты наблюдается в новелле Э. Несбит «Женитьба Джона Черрингтона» (*John Charrington's Wedding*, 1891) [Nesbit 2017: 103–110]. Здесь также обыгрывается ряд традиционных «страшных» сюжетов, известных по сказкам, легендам и балладам – неосторожное слово, воплощающееся в реальность, и жених-мертвец. Молодой человек говорит невесте, что, если ей понадобится, он хоть из мертвых вернется, а друзьям сообщает, что «живой или мертвый, но в четверг женится» [Nesbit 2017: 103, 105]: это безобидные высказывания, выражающие всего лишь меру любви к невесте и решимость вступить с ней в брак, но по закону жанра готической новеллы подобные моменты

«запускают» фольклорно-мифологическую логику, и герои начинают жить по правилам совсем иного мира, где слово равно реальности или, как минимум, способно ее преобразовать. Жених едет к умирающему родичу, невзирая на опасения друзей (а предчувствие, по условиям жанра, не просто нагнетает тревожную атмосферу, оно с неизбежностью в той или иной форме реализуется), погибает по пути на свадьбу, выпав из повозки, об этом никто не успеваешь узнать, и когда прибывает мертвец, всем кажется, что Джон просто на удивление плохо выглядит. В итоге девушка обвенчана с мертвым (что невозможно в фольклорном повествовании, где церковное таинство сделало бы тайное явным и звон колоколов прогнал бы мертвеца) – и тут очень интересно работают детали: невеста так же бледна, как жених, всем страшно, атмосфера как в покойницкой, т. е. сравнения и метафоры на самом деле отражают реальность, слово обретает статус реальности, сопровождая тему неосторожной клятвы.

Только когда дверь кареты с новобрачными захлопывается, отец невесты начинает ругаться и уверять всех, что, если бы знал, в каком состоянии жених, то не отдал бы ему свою дочь, а потом требует от кучера *drive like hell* [Nesbit 2017: 110] – идиома, обозначающая «гнать во весь опор», но в контексте актуализирующая свой буквальный смысл, касающийся ада, ужаса и смерти. Экипаж, в котором едут отец и друзья Мэй Фостер, обгоняет карету новобрачных, и все отворачиваются, словно не смея или боясь посмотреть туда. Потом оказывается, что жених пропал (и вообще был мертв – приходит телеграмма о его гибели с точным указанием времени происшествия), а невеста без сознания и совершенно седая (она тоже умрет через несколько дней), причем кучер не знает, в чем дело – он не останавливался и никто из кареты вроде бы не выходил. Здесь работает классический прием готической новеллистики: читатель начинает строить предположения и сам себя пугает. О случившемся в карете не сообщается – знать об этом просто некому, но понятно: в любом случае Мэй узнала, что вышла замуж за покойника. Так же, как и в предыдущем нашем примере, карета представляет собой замкнутое подпространство сверхъестественного и пугающих чудес. Это совершенно материальный экипаж с живым и отнюдь не злонамеренным возницей, своей внешней стороной он плотно вписан в обыденную реальность, а внутри открывается как будто портал в мир смерти, и творящееся там недоступно восприятию живых (либо доступно, как для Мэй, но ценой жизни).

Интересно, что в рамках этой истории повозка плотно связана с миром смерти: Джон гибнет

при падении из легкого экипажа (*dogcart*), а его друг, боясь, что придется принести Мэй, в которую он тоже влюблен, дурные вести, готов пожелать, чтобы случилась авария, он сам разбил голову и был хотя бы так избавлен от неприятного поручения. Понятно, что дело не в каком-то всеобщем страхе перед средствами передвижения (это ведь даже не новомодные поезда), просто старинный, но еще бытующий фольклорный образ (такого рода предания фиксировались даже в XX столетии [Haughton 2012: 56]) создал мощное ассоциативное поле, и автор своей волей «зарифмовал» разные ситуации, поддерживая атмосферу тревожного предчувствия. Джон, между прочим, разбился не в том экипаже, в котором вез от церкви молодую жену (хотя бы потому, что кучер ничего не знал), но переключка совершенно очевидна, и ситуация сходна с той, что обрисована в «Карете-призраке» (живой едет в одном экипаже с мертвыми жертвами катастрофы). Классические сюжеты возрождаются, но трактуются все более свободно, распадаются на отдельные мотивы, соответствия между которыми выстраивает уже автор.

Призрачная карета в разных вариантах появляется и в других новеллах. В «Пустой раме» (*The Empty Picture Frame*, 1895) Луизы Болдуин [Baldwin 2007: 107–120] призрачная гостья является в замок именно в карете и в ней же уезжает, причем на некотором расстоянии от замка экипаж словно растворяется в воздухе. Знаменитая Кармила (*Carmilla*, 1871) [Sheridan Le Fanu 1872: 49–270] тоже приезжает в карете – и также происходит авария экипажа. Перед нами явно средство сообщения между «нормальным», рационально устроенным миром и сферой сверхъестественного, царством смерти и бессмертия, видимо, подсказанное фольклорными прототипами.

«История дяди торгового агента» (*The Story of the Bagman's Uncle*, 1837), принадлежащая перу Диккенса и являющаяся вставной новеллой в «Посмертных записках Пиквикского клуба» [Dickens 1837: 136–146], представляет собой комическую версию все того же мотива (карета как лиминальная зона, живой среди мертвых, повозка душ). Здесь все достаточно безобидно, просто забавные, местами романтические приключения подвыпившего героя (в «Гребне банши» та же комически-алкогольная тематика, тот же дух веселых небылиц), но кареты снова появляются в роли замкнутого подпространства, в котором мертвые общаются с живыми – на этот раз, конечно, без каких-либо роковых последствий.

И вот примечательный поздний вариант, авторства Эдит Несбит – «Лиловая машина» (*The Violet Car*, 2010) [Nesbit 2017: 89–102]. Уже не карета, а совсем другое средство передвижения,

на тот момент достаточно новое и еще вызывающее некоторое беспокойство: рассказчица в новелле сообщает, что не разбирается в такой технике и что машина, на которой она ехала со станции, «двигалась словно по волшебству» [Nesbit 2017: 90], хотя пока это не призрачное, а самое обычное авто. Старый хозяин дома, куда героиня приехала в качестве сиделки, шепчет жене: «она приехала на настоящей машине» (*a real motor*) [Nesbit 2017: 92] – девушка думает, что просто старикам новый вид транспорта кажется таким же необычным, как и ей, но, по правилам игры, присущей готической новеллистике, любое вскользь сказанное слово становится зловещим предзнаменованием и обрастает новыми смыслами.

А дело вот в чем: автомобиль в этой новелле буквально встраивается в нишу, ранее «зарезервированную» для призрачных карет. Бесси, дочку пожилой пары, насмерть сбила лиловая машина (хозяева дома сами замечают, что это цвет королевского траура). Отец каждый день ходит туда, где это произошло, якобы видит там ту самую машину, и мать думает, что он просто помешался от горя (для присмотра за ним вызвана рассказчица, молодая сиделка). На самом деле мистер Элдридж отомстил водителю, сбившему Бесси, и указал ему неверную дорогу, ведущую к обрыву, тот тоже погиб, и старик каждый день видит призрачную пустую машину, а потом однажды на глазах у сиделки бросается под нее (конечно, врачи потом напишут, что он умер от сердечного приступа). Это классическая для готической новеллистики история об искуплении, но самое интересное в ней – сохранность элементов, характерных для историй про призрачные кареты, видимо, отчасти объясняющаяся и тем, что автор с данной темой уже работал (и, несомненно, знал классическую новеллу Эдвардс). Здесь есть все – и циклически повторяющееся событие, и катастрофа с человеческими жертвами, и смена ролей (отец погибшей девушки мстит убийце и сам символически занимает его место), и невидимый призрак в кабине. Машина как бы перехватывает эстафету и сменяет карету в роли капсулы времени, встреча с которой грозит смертью.

Существует еще один, очень поздний по меркам жанра готической новеллы, текст, в котором функция машины весьма похожа и уже не может даже частично объясняться страхом перед «механическими повозками» – «Демон-возлюбленный» Элизабет Боуэн (*The Demon Lover*, 1945) [Bowen E. 1981: 661–666]. Здесь контаминация фольклорных мотивов выглядит еще более причудливо: известный по целой группе баллад сюжет о демоне-любовнике [Reed 2009] смыкается

с образом призрачного экипажа именно в том виде, в каком он устойчиво присутствует в «историях о привидениях»: сев в такси, героиня обнаруживает вместо шофера своего погибшего много лет назад возлюбленного – это несколько напоминает ситуацию в «Женитьбе Джона Черрингтона» (замкнутое пространство со своими законами), правда, с явным акцентом на тему времени и памяти: юноша погиб на предыдущей мировой войне, и, видя его лицо в машине, героиня словно возвращается на много лет назад, только это не приносит ей ни счастья, ни успокоения. Финал характерно остается открытым (машина с отчаянно кричащей миссис Дровер едет по улицам города) – отчасти потому, что Боуэн, оставаясь в рамках жанра, пишет в первую очередь психологическую новеллу, и все нужное уже сказано, в буквальных, очевидных образах смерти нет необходимости. Трудно однозначно сказать, актуализируется ли здесь образ повозки с грешными душами, но если и да, акцент остается на происходящем в сознании героини, в то время как традиционные легенды (и часть литературных вариаций) предполагают внешнего наблюдателя, которого повозка должна устрашить или предостеречь.

Итак, мы можем наблюдать удивительно устойчивый образ, в разных комбинациях сохраняющий детали англо-ирландских страшных легенд. Из вестника смерти карета (а потом и машина) превратилась в свернутое подпространство, где время действует по иным законам, закольцовывается или проваливается в прошлое, а прямо посреди, казалось бы, рационально устроенного мира начинают (локально) действовать неподвластные человеческому разуму силы и законы фольклорной логики. Изучение истории подобных образов и мотивов может помочь выстроить историю готической новеллистики с точки зрения наследования и трансформации тем, образов и структур.

Список литературы

Байрамкулова Л. К. Готическая эстетика в романе Э. Бронте «Грозовой перевал» // Вестник МФЮА. 2012. № 2. С. 218–230.

Водолажченко Н. В. Становление и развитие английской готической новеллы в XIX веке // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 83, ч. 1. С. 60–64.

Козубовская Г. П. Рубеж XIX–XX веков: миф и мифопоэтика. Барнаул: АлтГПА, 2011. 318 с.

Соловьева Н. А. Английский предромантизм и формирование романтического метода. М.: МГУ, 1984. 146 с.

Baldwin L. *The Shadow on the Blind and Other Stories. With The Trainer's Ghost and Other Stories*

by Lettice Galbraith. London: Wordsworth Editions, 2007. London: Wordsworth Editions, 2007. 256 p.

Bowen E. *Collected Short Stories*. New York: Alfred A. Knopf, 1981. 784 p.

Cavanagh H. T. *Darby O’Gill and the Good People*. Chicago: The Reilly and Britton Co., 1915. I. 294 p.

Celtic Culture. A Historical Encyclopedia. Santa-Barbara: ABC-CLIO, 2006. XXVII. 2128 p.

Mrs. Covie. *Phantom Coaches in England // Folklore*. Dec., 1942. Vol. 53, № 4. P. 215–218.

DiBiasio B. *The British and Irish Ghost Story and Tale of the Supernatural: 1880–1945 // A Companion to the British and Irish Short Story*. Oxford: Blackwell Publishing, Ltd., 2008. P. 81–95.

DeLong A. *Classic Horror: A Historical Exploration of Literature*. Santa-Barbara: ABC-CLIO, 2018. XXI. 237 p.

Dickens Ch. *The Posthumous Papers of the Pickwick Club*. London: Chapman and Hall, 1837. 306 p.

Fairy Legends and Traditions of the South of Ireland. Third Edition. London: John Murray and William Tegg, 1846. 344 p.

Folk Horror Revival: Urban Wyrd. 1. *Spirits of Time*. Durham: Lulu and Wyrd Harvest Press, 2019. 480 p.

Goldstein D. E., Grider S. A., Thomas J. B. *Haunting Experiences. Ghosts in Contemporary Folklore*. Logan: Utah University Press, 2007. XI. 270 p.

Haughton B. *Famous Ghost Stories. Legends and Lore*. New York: The Rosen Publishing Group, Inc., 2012. 196 p.

McClelland, Bruce A. *Slayers and their Vampires. A Cultural History of Killing the Dead*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2006. XVIII. 260 p.

Nesbit E. *In the Dark. Tales of Terror*. Edited, with an Introduction, by Hugh Lamb. London: HarperCollins Publishers, 2017. 275 p.

Reed T. *Demon-Lovers and their Victims in British Fiction*. The University Pres of Kentucky, 2009. IX. 170 p.

Schmitt J.-C. *Ghosts in the Middle Ages: The Living and the Dead in Medieval Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1998. 290 p.

Sheridan Le Fanu J. *In a Glass Darkly*. London: R. Bentley & Son, 1872. Vol. 3. 270 p.

Summers M. *The Supernatural Omnibus*. New York: Doubleday, Doran, Incorporated, 1932. 690 p.

The Unique Legacy of ‘Weird Tales’. The Evolution of Modern Fantasy and Horror. Edited by Justin Everett Jeffrey H. Shanks. New York, London: Rowman & Littlefield, 2015. XIX. 245 p.

Orel H. *The Victorian Short Story: Development and Triumph of a Literary Genre*. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1986. XI. 215 p.

Westwood J., Simpson J. *The Penguin Book of Ghosts*. Penguin Books, 2008. 480 p.

Youngs T. *Beastly Journeys. Travel and Transformation at the fin de siècle*. Liverpool: Liverpool University Press, 2013. X. 225 p.

References

Bayramkulova L. K. Goticheskaya estetika v romane E. Bronte ‘Grozovoy pereval’ [Emily Bronte’s ‘Wuthering Heights’: Reminiscences of gothic fiction]. *Vestnik MFYuA* [Herald of the Moscow University of Finances and Law MFUA], 2012, issue 2, pp. 218–230. (In Russ.)

Vodolazhchenko N. V. Stanovlenie i razvitie angliyskoy goticheskoy novelly v XIX veke [The origins and development of the British ghost story in the 19th century]. *Vestnik Novgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University], 2014, issue 83, pt. 1, pp. 60–64. (In Russ.)

Kozubovskaya G. P. *Rubezh XIX-XX vekov: mif i mifopoetika. Monografiya* [The turn of the 19th-20th centuries: Myth and mythopoetics. Monograph]. Barnaul, Altai State Pedagogical Academy Press, 2011. 318 p. (In Russ.)

Solov’eva N. A. *Angliyskiy predromantizm i formirovanie romanticheskogo metoda* [English Pre-Romanticism and the Formation of a Romantic Method]. Moscow, Moscow State University Press, 1984. 146 p. (In Russ.)

Baldwin L., Galbraith L. *The Shadow on the Blind and Other Stories*. London, Wordsworth Editions, 2007. 256 p. (In Eng.)

Bowen E. *Collected Short Stories*. New York, Alfred A. Knopf, 1981. 784 p. (In Eng.)

Cavanagh H. T. *Darby O’Gill and the Good People*. Chicago, The Reilly and Britton Co., 1915. 294 p. (In Eng.)

Celtic Culture. A Historical Encyclopedia. Santa-Barbara, ABC-CLIO, 2006. XXVII, 2128 p. (In Eng.)

Mrs. Covie. *Phantom coaches in England. Folklore*, 1942, vol. 53, issue 4 (Dec.), pp. 215–218. (In Eng.)

DiBiasio B. *The British and Irish ghost story and tale of the supernatural: 1880-1945. A Companion to the British and Irish Short Story*. Oxford, Blackwell Publishing, Ltd., 2008, pp. 81–95. (In Eng.)

DeLong A. *Classic Horror: A Historical Exploration of Literature*. Santa-Barbara, ABC-CLIO, 2018, XXI. 237 p. (In Eng.)

Dickens Ch. *The Posthumous Papers of the Pickwick Club*. London, Chapman and Hall, 1837. 306 p. (In Eng.)

Fairy Legends and Traditions of the South of Ireland. Third Edition. London, John Murray and William Tegg, 1846. 344 p. (In Eng.)

Folk Horror Revival: Urban Wyrd. 1. Spirits of Time. Durham, Lulu and Wyrd Harvest Press, 2019. 480 p. (In Eng.)

Goldstein D. E., Grider S. A., Thomas J. B. *Haunting Experiences. Ghosts in Contemporary Folklore.* Logan, Utah University Press, 2007, XI. 270 p. (In Eng.)

Haughton B. *Famous Ghost Stories. Legends and Lore.* New York, The Rosen Publishing Group, Inc., 2012. 196 p. (In Eng.)

McClelland, Bruce A. *Slayers and Their Vampires. A Cultural History of Killing the Dead.* Ann Arbor, The University of Michigan Press, 2006, XVIII. 260 p. (In Eng.)

Nesbit E. *In the Dark. Tales of Terror.* Edited, with an introduction, by Hugh Lamb. London, HarperCollins Publishers, 2017. 275 p. (In Eng.)

Reed T. *Demon-Lovers and Their Victims in British Fiction.* The University Press of Kentucky, 2009, IX. 170 p. (In Eng.)

Schmitt J.-C. *Ghosts in the Middle Ages: The Living and the Dead in Medieval Society.* Chicago, University of Chicago Press, 1998. 290 p. (In Eng.)

Sheridan Le Fanu J. *In a Glass Darkly.* London, R. Bentley & Son, 1872, vol. 3. 270 p. (In Eng.)

Summers M. *The Supernatural Omnibus.* New York, Doubleday, Doran, Incorporated, 1932. 690 p. (In Eng.)

The Unique Legacy of 'Weird Tales'. The Evolution of Modern Fantasy and Horror. Edited by Justin Everett Jeffrey H. Shanks. New York, London, Rowman & Littlefield, 2015, XIX. 245 p. (In Eng.)

Orel H. *The Victorian Short Story: Development and Triumph of a Literary Genre.* Cambridge etc., Cambridge University Press, 1986, XI. 215 p. (In Eng.)

Westwood J., Simpson J. *The Penguin Book of Ghosts.* Penguin Books, 2008. 480 p. (In Eng.)

Youngs T. *Beastly Journeys. Travel and Transformation at the fin de siècle.* Liverpool, Liverpool University Press, 2013, X. 225 p. (In Eng.)

A PHANTOM COACH: FROM FOLKLORE TO FICTION

Anastasia A. Lipinskaya

Associate Professor in the Department of Foreign Languages

Saint Petersburg State Forest Technical University

5, Institutskiy pereulok, St. Petersburg, 194021, Russian Federation. nastya.lipinska@gmail.com

SPIN-code: 2459-2124

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3366-4335>

ResearcherID: C-8368-2016

Submitted 01.02.2021

The image of a phantom coach is very common in British folklore and, like its predecessors – Four Horsemen of the Apocalypse and the Wild Hunt, it is closely associated with death and bad omens. Quite understandably, it was widely used in ghost stories written in the late 19th and early 20th centuries. There are stories close to the folk tradition of storytelling, but much more often the authors create their own versions where the legends about phantom coaches are contaminated with other sources (such as ballads about demonic lovers) and lose certain elements which are essential for archaic mentality but can be easily neglected in modern fiction, e. g. death as punishment for doing or seeing something forbidden, church service as something that can drive away ghosts and demons. According to the rules of the genre, a coach turns into a kind of liminal zone, a subspace where the laws of the rational world do not work, a time capsule where the logic of a folktale prevails. There are versions where a coach is a means of communication between the world of the living and the world of the dead or demonic creatures. In later texts a coach gives way to a car, with all the functions preserved; this change is not connected with fears caused by the relatively new means of transport, the old image is merely transformed according to certain changes in everyday reality. The ancient themes of revenge, punishment, meeting the dead are recreated here, but sometimes the symbolism changes, it becomes more closely connected to the idea of time and memory. The analysis of how the image of a phantom coach works in ghost stories can help to understand certain tendencies in the development of the genre (what happens to folkloric sources, narrative principles, the ideas of time and death etc.).

Key words: ghost story; folklore; contamination; liminal zone; time.

УДК 821.111(09)

doi 10.17072/2073-6681-2021-2-104-110

**“IT SOUNDED SO UNLIKE INDIA”:
СЛУХОВАЯ РЕЦЕПЦИЯ В РОМАНЕ
Ф. Х. БЕРНЕТТ «ТАИНСТВЕННЫЙ САД»**

Ольга Юрьевна Орлова**к. филол. н., доцент кафедры германской филологии****Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина**

620002, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. orlova_82@inbox.ru

SPIN-код: 9611-1756

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7357-3841>*Статья поступила в редакцию 16.02.2021***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:**

Орлова О. Ю. “It sounded so unlike India”: слуховая рецепция в романе Ф. Х. Бернетт «Таинственный сад» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 2. С. 104–110. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-104-110

Please cite this article in English as:

*Orlova O. Yu. «It sounded so unlike India»: slukhovaya retseptsiya v romane F. Kh. Burnett «Tainstvennyy sad» [‘It Sounded so Unlike India’: Auditory Perception in ‘The Secret Garden’ by F. H. Burnett]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 2, pp. 104–110. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-104-110 (In Russ.)*

Детская литература традиционно обращается к образам различных сенсорных модальностей с целью сделать опыт переживаний главных героев произведений более доступным для юного читателя. Автор статьи полагает, что звуковые образы являются неотъемлемой частью сенсорных образов произведения, а характер звуковой рецепции в литературном тексте отражает способ взаимодействия героев с окружающим миром на различных этапах их духовного пути. Являясь романом взросления, «Таинственный сад» Ф. Х. Бернетт демонстрирует особую связь звуковых образов и сюжета романа, так как рассказывает об изменениях героини и подчеркивает ее постепенно растущую потребность принимать чужую точку зрения, речь, культуру и, соответственно, слышать других людей. Безразличие героини к окружающему миру постепенно замещается искренним желанием слышать йоркширскую речь, говорить на родном языке и верить в целительную силу слова. По мере изменения характера пространственных образов текста (от Британской Индии в первых главах до замкнутого пространства сада в йоркширском поместье Мисселтуэйт Мэнор во второй части романа) внутренний рост героини становится наиболее очевидным, а выдвигание сенсорных образов, в том числе звуковых, – наиболее ярким. В звуковом отношении Ф. Х. Бернетт создает в тексте кольцевую композицию, проводя свою героиню по кругу от совершенного невосприятия звуков или их полного отсутствия в тексте – через оригинальные звуковые зарисовки и «звуковые цитаты» из классических английских произведений – до полного «заглушения» ее голоса в финале романа.

Ключевые слова: звуковые образы текста; пространственные образы текста; детская литература; лингвистика текста; литературная география; Ф. Х. Бернетт; «Таинственный сад».

Детская литература, чье появление связано с интересом и доверием к детскому типу мышления, зачастую предлагает читателю осмысливать сложные идеи через обращение к непосредственному чувственному опыту ребенка. «История детской литературы остается историей чувств, и задача многих авторов книг для детей –

вызвать в сознании читателя образы, и запахи, и звуки, и вкусовые ощущения далеких земель», – утверждает американский исследователь детской литературы Сэт Лерер [Lerer 2008: 330–331]. Звуковые образы в литературном произведении неотъемлемой частью входят в целую систему сенсорных образов текста: процесс чтения «за-

действует все чувства, ведь каждый из нас может вспомнить запах страниц, треск клея на переплете, шершавую поверхность обложки» [там же]. Роман «Таинственный сад» (1911) англо-американской писательницы Фрэнсис Ходжсон Бернетт (1849–1924) является одним из произведений детской мировой литературы, которые привлекают наибольшее внимание специалистов и поддаются анализу с различных теоретических позиций: в контексте колониальной и постколониальной традиции [Webb 2003, Webb 2005, Шишкова 2019], как роман для девочек [Blackford 2009; Moran 2001], в контексте христианской литературы [Pincet 2001], как «утопия детства» [Nikolajeva 2002] и как один из ярких примеров классических романов о сиротах [Бухина 2016]. Являясь традиционным романом *coming-of-age* с характерным акцентом на взрослении и обретении себя на фоне истории Британской империи, он также может быть успешно проанализирован с точки зрения лингвистики текста. Как замечают авторы исследования «Язык и контроль в детской литературе», в котором в том числе анализируется связь идеологии и лингвистических категорий текста в романе Ф. Х. Бернетт «Таинственный сад», «лингвистический анализ может быть мощным средством поддержки интерпретации текста» [Knowles 2003: 80].

Ряд ученых, в том числе обращавшихся к роману с позиций лингвистики текста, отмечали актуализацию звуковых образов «Таинственного сада» [Knowles 2003: 79; Lerer 2008: 258; Webb 2005: 93–94]. Вынесенная в заглавие статьи цитата подчеркивает доминирование звуковой модальности в ткани текста и призвана, в частности, подчеркнуть, что для Ф. Х. Бернетт из всех возможных вариантов глаголов-связок (*seem, be, look* etc.) в предложениях подобного типа предпочтителен вариант *sound*. Он подразумевает не только наличие звукового атрибута изображаемого объекта (Ср. *It sounded dreary*), но и наличие слушателя, для которого «звучат»¹ эти образы: для главной героини романа слова других персонажей начинают «звучать», когда она готова их услышать. Умение слышать других людей, таким образом, представляется одним из ключевых навыков, которым научается героиня в процессе обретения себя. Она проходит путь от оглушающего ее шока, описанного в первой главе романа, до умения сопереживать и помогать другим людям. Одновременно с этим духовным движением девочка в прямом смысле преодолевает географическое пространство, возвращаясь домой из Индии, причем дом в романах «утопии детства», по словам М. Николаевой, – это то место, к которому герои возвращаются после любого исследования внешнего мира [Nikolajeva 2002:

116]. Путь Мэри, таким образом, описан, с одной стороны, через постепенное укрупнение географического масштаба изображаемых пространств, а с другой стороны – через умение героини включаться в поначалу чуждый для нее, по выражению Дж. Вебб, «сенсорный ландшафт» [Webb 2005: 93], неотъемлемой частью которого являются и звуковые образы². Далее в статье мы рассмотрим звуковые образы текста в их связи с пространственными образами.

Эпидемия холеры в колониальной Индии в начале XX в. на первых страницах описывается через восприятие главной героини. Драматичные переживания девочки в начале романа представлены в том числе через звуковые образы. Мэри Леннокс, с рождения живущая в Индии, чувствует, что “*there was something mysterious in the air that morning*” [Burnett 2003: 2]. Привычный порядок дел нарушается: все взрослые находятся в замешательстве, слуги в панике разбегаются, а фоном ко всему выступают душераздирающие крики, которые раздаются из соседних хижин:

A loud sound of wailing broke out from the servants' quarter <...> the wailing grew wilder and wilder [там же: 3].

Мэри прячется от этих звуков в свою комнату и проводит там какое-то время, слушая «таинственные и пугающие звуки» (“*mysterious and frightening sounds*”) [там же: 4]. Она все еще находится в неведении относительно причины происходящего, а в это время стоны сменяются звуками торопливых шагов (очевидно, уносят тела умерших), но через какое-то время, когда все стихает, становится очевидно, что о ней просто забыли. К девочке приходит тяжелое осознание, что “*no one seemed to remember that she was alive*” [Burnett 2003: 5]. Постепенное усиление громкости сменяется таким же постепенным затуханием звуков:

...the house seemed to grow more and more silent.

“How queer and quiet it is”, she said. “It sounds as if there were no one in the bungalow but me and the snake” [там же].

Предельная громкость заканчивается полной тишиной. Оцепенение в окружающем мире, наступившее после всеобщего смятения, – это метафора первого серьезного переживания девочки, жизнь которой до сего момента была подчинена обычному распорядку действий и подразумевала стандартный набор реакций. Мэри, как пишет Дж. Уэбб, была скорее правителем, чем ребенком (“*more a ruler, than a child*”) [Webb 2005: 92], и умела ощущать себя только в этой роли. Шанс реализоваться в других ролях (ребенок, друг) ей не представился, так как родители, которые могли бы обеспечить такую возможность, с ней не взаимодействовали: формально

присутствуя в их жизни, девочка не была ее частью, поэтому наступившая тишина представляется отражением не только эмоциональной глухоты родителей к Мэри, но и безразличия Мэри к окружающим. Незаметность девочки для окружающих описывается и в следующем эпизоде.

Постепенно шаги тех, кто осматривает дом, доходят и до комнаты Мэри. Два офицера случайно обнаруживают девочку в опустевшем доме, и один из них удивленно замечает:

"I heard there was a child, though no one ever saw her" [Burnett 2003: 5].

В этой цитате представлены две модальности: слуховая и зрительная. Слуховая модальность допускает некоторую дистанцию³, причем в данном случае еще и временную (слухи могут распространяться в пространстве не одновременно), а зрительная модальность подразумевает, что объект должен находиться непосредственно в поле зрения наблюдателя: однако девочка, о существовании которой *кто-то слышал*, никогда не была в достаточной близости от родителей или круга их общения, чтобы кто-то ее *увидел*. Как замечают исследователи, Мэри представляет собой «невинную жертву империализма» [Gilbert 2003: 269; Webb 2005: 91]⁴, в системе которого занятый административными делами колонии отец и активно вовлеченная в дела света мать не были способны не только уделить внимание девочке в обычной жизни [Webb 2005: 92], но даже вспомнить о ней в момент разразившейся катастрофы. Неумение Мэри в самом начале романа вступать в любые другие отношения, кроме освоенных ею отношений доминирования, выражено и лингвистически. Девочка оказывается не в силах повлиять на дальнейший ход своей судьбы, что представлено через приемы пассивизации уже в первом предложении романа [Knowles 2003: 59]:

Mary Lennox was sent to Misselthwaite Manor to live with her uncle [Burnett 2003: 1].

Будучи «эмоционально изолированной, но физически зависимой от окружающих» [Webb 2005: 92], Мэри эгоистично рассуждает лишь о том, что придет новая аяя (няня) и расскажет ей новые сказки, а сказки старой аяи ей уже надоели:

She wondered also who would take care of her now her Ayah was dead. There would be a new Ayah, and perhaps she would know some new stories. Mary had been tired of the old ones [Burnett 2003: 4–5].

И все же столкнуться ей приходится не с повторением сценария доминирования, а с необходимостью выстраивать новые отношения на равных. На первое время после потери родителей ее отправляют в семью священника, где ей прихо-

дится общаться еще с пятью детьми. Как вскоре оказывается, эти дети превосходят Мэри в умении договариваться и даже имеют гораздо более развитое умение конфронтировать, в то время как Мэри умеет только приказывать или отвечать на обращенные к ней слова нелепым молчанием [Gilbert 2003: 269]. В отместку один из детей, Бэзил, начинает дразнить Мэри словами из считалочки "Mary, Mary, Quite contrary"⁵. Поднатоевшие – в отличие от Мэри – в умении изводить того, кто не сумел с ними договориться, другие дети радостно присоединяются к Бэзилу и вскоре также задорно хватаются за новость, что Мэри, как оказалось, не понимает, что такое дом. Всю жизнь проведя в Индии, она ни разу не встретила человека, который мог бы рассказать ей, почему именно Англия ее дом и в связи с чем ей предстоит сейчас отправиться именно туда. По выражению С. М. Гилберт, ей предстоит узнать, что «мир – это скорее дом, чем колония» [Gilbert 2003: 272]. Неприятный опыт общения с детьми священника, тем не менее, приближает героиню не только к знакомству с ее новым домом, но и к умению слышать других. Так, чуть позже Мэри *подслушивает* разговор жены офицера, которая сопровождает ее в путешествии, и миссис Мэдлок, экономки ее дяди. Это одно из первых ее ощущений от разговора о ней же самой: она как бы видит себя чужими глазами⁶. И в первый раз у этого брошенного ребенка возникает любопытство, вызванное сравнением себя с другими. «Что это значит, быть чьим-то ребенком?» – думает она, сравнивая себя с детьми, о которых кто-то действительно заботится. Эмоциональная привязанность, естественная для общения близких людей, выступает в качестве пока еще очень далекой перспективы.

Умение слушать вырабатывается постепенно, но именно по прибытии в Англию⁷ она вновь включается в процесс *слушания* рассказа миссис Мэдлок о вересковой пустоши, причем происходит это «против ее воли», хотя в этот раз речь обращена непосредственно к ней⁸:

Mary had begun to listen in spite of herself [Burnett 2003: 13].

Рассуждая о том месте, куда ее везут, Мэри заключает для себя: "*It sounded so unlike India*". И немного позже: "*It sounded like something in a book and it did not make Mary feel cheerful. A house... at the edge of a moor – whatsoever a moor was – sounded dreary*" [там же: 13].

Подъезжая к поместью дяди в первый раз поздно ночью (*a wind was rising and making a singular, low, rushing sound*), девочка в темноте продолжает строить догадки относительно того, что же такое *moor* ('болото, пустошь'): "*It sounds like the sea right now*" [там же: 18].

Звуки, создаваемые ландшафтом Йоркшира, не только обеспечивают звуковой фон сюжета, но и включают роман в более широкий литературный контекст. По словам С. М. Гилберт, «Грозовой перевал» снабдил «Таинственный сад» основными элементами сюжета, включая и дикий пейзаж, где над пустошью постоянно завывает (*wuthering*) ветер [Gilbert 2003: 263]. Литературная традиция, заданная Эмили Бронте, включает в себя и особое внимание к звуковым образам. Так, в романе «Грозовой перевал» звукоподражательное слово *wuthering*, вынесенное в заглавие, характеризуется как *значимое* йоркширское прилагательное. Бронте пишет: “*Wuthering* being a significant, provincial adjective descriptive of the atmospheric tumult to which its station is exposed in stormy weather” [Brontë 2016: 2].

Представленность «местного» наречия в тексте – это еще один способ подчеркнуть, с одной стороны, укорененность «Таинственного сада» в английской литературной традиции, а с другой – умение героев принимать непохожесть окружающих. Миссис Мэдлок, Марта, Бен Уэзерстафф, Дикон – каждый из новых знакомых выделен фонетически, и Мэри предстоит допустить их инаковость, которая теперь становится для нее даже в чем-то привлекательной. Ее знание об Индии теперь, в Англии, выступает скорее как некая система координат, чем образец поведения, оно помогает оттенить впечатления о вновь обретенной родине и о том, какими должны быть естественные отношения. Например, слушая Марту, Мэри рассуждает о том, что с ней уже нельзя будет поступить так же, как она поступала со слугами в Индии. Мэри также вспоминает, что местным жителям в Индии было приятно, если к ним обращались на их родном наречии. Это знание помогает девочке выразить свою симпатию к брату Марты, Дикону: желая быть ближе к нему, она, говоря о саде, повторяет диалектное слово *wick* ‘живой’ три раза. Выбор слова, конечно же, не случаен, поскольку Мэри, как и заброшенный сад, тоже оживает благодаря заботе:

“It’s as *wick* as you or me,” he said; and Mary remembered that Martha had told her that ‘*wick*’ meant ‘alive’ or ‘lively’.

“I’m glad it’s *wick*!” she cried out in her whisper. “I want them all to be *wick*. Let us go round the garden and count how many *wick* ones there are” [Burnett 2003: 91].

Возродившись сама, Мэри помогает обрести здоровье и веру в себя еще одному «брошенному» ребенку, Колину, который, как и она в начале романа, полностью изолирован от других людей. Несмотря на то что Колин еще и физически ограничен от контактов с внешним миром, исто-

рия их «выздоровления» подобна: постепенно и Колин впускает в свою жизнь то, от чего его ограждали – других людей с их непохожестью на него. Именно посредством местного диалекта Мэри в 18-й главе «приобщает» Колина к своему знанию: она раздражается целой тирадой на йоркширском диалекте, а видя недоумение своего друга (“*I never heard you talk like that before. How funny it sounds”*), – удивляется он), она по доброму напоминает ему, что неплохо было бы и ему приобщиться к местному диалекту, ведь он настоящий йоркширский парень:

“Doesn’t tha’ understand a bit o’ Yorkshire when tha’ hears it? An’ tha’ a Yorkshire lad thysel’ bred an’ born! Eh! I wonder tha’rt not ashamed o’ thy face” [Burnett 2003: 163].

С. М. Гилберт называет это приобщение героев к йоркширскому диалекту обретением “*mother*” tongue⁹ ‘родного, материнского языка’: «Язык... вызывает то чувство принадлежности, которого ищут эти два потерянных ребенка» [Gilbert 2003: 275–276]. Набираясь сил, «подпитываясь» в прямом и переносном смысле от скрыто или явно присутствующих материнских фигур [Blackford 2012: 46], от природы Йоркшира и родного языка [Gilbert 2003: 275], герои подходят к ключевой сцене романа, происходящей в замкнутом пространстве сада и напрямую связанной со звучанием. “*Then I will chant*”, – заявляет Колин и начинает нараспев повторять заветные мысли, тем самым совершая обряд «хорошей магии». То, что отец мальчика, Арчибалд Крейвен, находясь далеко от Англии, в результате этого обряда *слышит* голос, который призывает его к сыну, – это совместное действие двух факторов: замкнутого пространства сада и проговаривания вслух заветной мечты.

В отличие от захватывающих приключенческих историй с линейным повествованием, где героиня легко справляется с каждым брошенным ему вызовом, в историях, подобных «Таинственному саду», изменения происходят благодаря внутренним душевным изменениям персонажей [Hourihan 1997: 49]. Для этого внутреннего роста не нужны, по терминологии Д. Н. Замятина, экспансивные пространства, обладающие агрессивностью, наоборот, чтобы сделать возможными внутренние изменения героев, необходимы «нединамичные, равновесные пространства, где все события привязываются к определенному месту, их, как правило, не так и много. Такие пространства становятся источниками более локальных, местных образов» [Замятин 2003: 83], в число которых входят и звуковые образы. Именно в такое пространство Мэри приводит своих друзей и обеспечивает Колину исполнение его заветного желания.

В то время как механизм обретения желаемого в этом в целом реалистичном романе признается некоторыми исследователями самым невероятным событием сюжета [Pincet 2001: 22], все же самое загадочное в нарративном плане, по мнению других исследователей, – смещение фокуса повествования в финале романа [Moran 2001: 42; Thacker 2005: 80]. Роман, рассказывающий о судьбе Мэри Леннокс, завершается радостными событиями в жизни других героев (выздоровление Колина, его воссоединение с отцом). Эти события происходят практически без участия Мэри, а ее саму, инициатора духовного преобразования всех остальных персонажей, финальная сцена просто «заглушает» [Moran 2001: 42]. В контексте анализа звуковых образов романа этот неравноценный итог всего пути главной героини видится, тем не менее, оправданным логикой композиции: начавшись с тишины и эмоциональной глухоты, роман заканчивается «немой» Мэри. Это именно тот круг, внутри которого, как в пределах сада, случается волшебство. В этих композиционных границах «отсутствия звука» Мэри проходит полный цикл от звукового «неприсутствия» до обретения собственного голоса через научение слушанию и говорению.

Рассказывая историю духовного роста главной героини романа, Ф. Х. Бернетт по ходу повествования сужает географический контекст, перемещая героиню с окраин Британской империи сначала в Англию, в Йоркшир, а затем в замкнутое пространство таинственного сада, где и происходит настоящее волшебство. По мере погружения героини в медитативное пространство сада, значимость звуковых образов текста повышается, что свидетельствует о взаимообусловленности характера пространственных и звуковых образов текста.

Примечания

¹ Согласно подсчетам авторов монографии «Язык и контроль в детской литературе», конструкции с глаголами чувственного восприятия, где рецептивным субъектом выступает главная героиня «Таинственного сада», достаточно частотны [Knowles 2003: 79].

² О связи чувственного восприятия реальности и пространственных образов в детской литературе говорит и американский исследователь Анна Лундин: «Художественная литература зависит от пространственных образов, хотя бы потому, что чувства неотделимы от земли, родной страны» [Lundin 2004: 112].

³ Заметим также, что стоны, которые Мэри слышит, раздаются из соседних хижин, и в попытке дистанцироваться от них, даже закрывшись в своей комнате, она не может их не слышать.

⁴ Отношения родителей и детей в другом романе Ф. Х. Бернетт, «Маленькая принцесса» (1905), также отчасти можно интерпретировать с точки зрения их нарушения в колониальной парадигме [Burnett 2014]. Отец Сары, «маленькой принцессе», хотя и безмерно нежный по отношению к дочери, – все же, как и у Мэри, по большей части отсутствующий родитель на службе у империи. В течение четырех лет, которые Сара проводит в пансионе, Ральф Крю ни разу не навещает дочь [Moran 2001: 35], компенсируя свое отсутствие дорогими подарками, в чем проявляется, скорее, недостаточная родительская ответственность и ложное представление о таковой, чем собственно забота (дорогие и не по возрасту наряды и т. д.). Основная коллизия романа напрямую связана с неумением отца обеспечить дочери безопасность в случае его исчезновения или смерти. Капитан оставляет дочь на попечение Мисс Минчин, а заботу о ее состоянии доверяет своему компаньону, впоследствии его предавшему. Оба эти персонажа выступают в качестве ненадежных заместителей родительской фигуры, так как Мисс Минчин после известия о смерти отца Сары подвергает девочку унижению и использует ее труд, а компаньон лишь много позже раскаивается и находит вверенную ему сироту. Счастливая развязка, как и во многих романах Ф. Х. Бернетт, все же не снимает сложности вопроса о детско-родительских отношениях в колониальном контексте.

⁵ Не случайно и упоминание в этой считалочке сада, который девочке все же удастся взрастить и который сыграет важную роль в духовном росте Мэри.

⁶ Данный эпизод интересен тем, что он является промежуточным этапом в истории восприятия Мэри другими людьми. До этого момента читателю было известно только то, что родители с ней не разговаривали и даже ее не замечали, а первые взрослые, наконец ее «обнаружившие», были два нашедших ее офицера. Постепенно она становится «заметной» для окружающих.

⁷ М. Ноулс и К. Макьямер называют путешествие героини в Англию шагом к спасению [Knowles 2003: 58].

⁸ Обратим внимание, что до этого эпизода Мэри почти никогда не выступала непосредственным адресатом речи взрослых, а в основном была невольным и безмолвным третьим участником разговора.

⁹ Материнская фигура, будь то незримо присутствующая в саду погибшая мать Колина или реальная *nurturing mother* Сьюзан Соуэрби, очень важна для успеха всего мероприятия. Герои обретают корни, чувствуют себя живыми, в том числе обретая материнскую заботу, которой

и Колин, и Мэри были лишены ранее [Blackford 2012: 46; Moran 2001: 34].

Список литературы

Бухина О. Гадкий утенок, Гарри Поттер и другие. Путеводитель по детским книгам о сиротах. М.: КомпасГид, 2016. 320 с.

Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.

Шишкова И. А. Фрэнсис Ходжсон Бернетт и отблески британского колониализма на страницах детских книг // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 5. С. 85–89.

Blackford H. Recipe for reciprocity and repression: the politics of cooking and consumption in girl's coming-of-age literature // *Critical Approaches to Food in Children's Literature* / ed. by Kara K. Keeling and Scott T. Pollard. New York: Routledge, 2009. P. 41–55.

Brontë E. *Wuthering heights*. London: Vintage Classics Library, 2016. 357 p.

Burnett F. . *A Little Princess*. London: Harper Collins Classics, 2014. 240 p.

Burnett F. H. *The Secret Garden*. New York: Signet Classics, 2003. 277 p.

Gilbert S. M. Afterword // Burnett F. H. *The Secret Garden*. New York: Signet Classics, 2003. P. 263–277.

Houriham M. *Deconstructing the hero*. New York: Routledge, 1997. viii, 267 p.

Knowles M., Malmkjær K. *Language and Control in Children's Literature*. New York; London: Routledge, 2003. xii, 284 p.

Lerer S. *Children's literature: a reader's history from Aesop to Harry Potter*. Chicago: University of Chicago Press, 2008. x, 385 p.

Lundin A. H. *Constructing the Canon of Children's Literature: Beyond Library Walls and Ivory Towers*. New York: Routledge, 2004. 200 p.

Moran M. J. Nancy's Ancestors: the Mystery of Imaginative Female Power in *The Secret Garden* and *A Little Princess* // *Mystery in children's literature: from the rational to the supernatural* / ed. by Adrienne E. Gavin and Christopher Routledge. Houndmills, Hampshire, UK: Palgrave; St. Martin's Press, 2001. P. 32–45.

Nikolajeva M. Growing up: the dilemma of children's literature // *Children's literature as communication: the ChiLPA Project* / ed. by Roger D. Sell. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2002. P. 111–136.

Pinsent P. 'so great and beautiful that I cannot write them': Religious Mystery and children's literature // *Mystery in children's literature: from the rational to the supernatural* / ed. by Adrienne E. Gavin

and Christopher Routledge. Houndmills, Hampshire, UK: Palgrave; St. Martin's Press, 2001. P. 14–31.

Thacker D. Testing boundaries // Thacker D., Webb J. *Introducing children's literature: from Romanticism to Postmodernism*. London; New York: Routledge, 2005. P. 73–84.

Webb J. Romanticism vs. Empire in *The Secret Garden* // Thacker D., Webb J. *Introducing children's literature: from Romanticism to Postmodernism*. London; New York: Routledge, 2005. P. 91–97.

Webb J. Walking into the sky: Englishness, Heroism, Cultural Identity: a nineteenth- and twentieth century perspective // *Children's literature and the fin de siècle* / ed. by R. McGillis. Westport, Conn., 2003. P. 51–56.

References

Bukhina O. *Gadkiy utenok, Garri Potter i drugie. Putevoditel' po detskim knigam o sirotakh* [The Ugly Duckling, Harry Potter and Others. Guide to books about orphans]. Moscow, KompasGid Publ., 2016. 320 p. (In Russ.)

Zamyatin D. N. *Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov* [Human Geography: the Space and Language of Geographical Images]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2003. 331 p. (In Russ.)

Shishkova I. A. Frensis Khodzhsjon Bernett i otbleski britanskogo kolonializma na stranitsakh detskikh knig [Frances Hodgson Burnett and the British colonialism reflections in the pages of children's books]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2019, vol. 12, issue 5, pp. 85–89. (In Russ.)

Blackford H. Recipe for reciprocity and repression: the politics of cooking and consumption in girl's coming-of-age literature. *Critical Approaches to Food in Children's Literature*. Ed. by K. Keeling and Scott T. Pollard. New York, Routledge, 2009, pp. 41–55. (In Eng.)

Brontë E. *Wuthering Heights*. London, Vintage Classics Library, 2016. 357 p. (In Eng.)

Burnett F. . *A Little Princess*. London, Harper Collins Classics, 2014. 240 p. (In Eng.)

Burnett F. . *The Secret Garden*. New York, Signet Classics, 2003. 277 p. (In Eng.)

Gilbert Sandra M. Afterword. Burnett F. H. *The Secret Garden*. New York, Signet Classics, 2003, pp. 263–277. (In Eng.)

Houriham M. *Deconstructing the Hero*. New York, Routledge, 1997, 267 p. (In Eng.)

Knowles M. *Language and Control in Children's Literature*. New York, London, Routledge, 2003, 284 p. (In Eng.)

Lerer S. *Children's Literature: A Reader's History from Aesop to Harry Potter*. Chicago, University of Chicago Press, 2008, 385 p. (In Eng.)

Lundin A. H. *Constructing the Canon of Children's Literature: Beyond Library Walls and Ivory Towers*. New York, Routledge, 2004. 200 p. (In Eng.)

Moran M. J. Nancy's ancestors: The mystery of imaginative female power in *The Secret Garden* and *A Little Princess*. *Mystery in Children's Literature: From the Rational to the Supernatural*. Ed. by Adrienne E. Gavin and Christopher Routledge. Houndmills, Hampshire, UK, Palgrave / St. Martin's Press, 2001, pp. 32–45. (In Eng.)

Nikolajeva M. Growing up: the dilemma of children's literature. *Children's Literature as Communication: the ChiLPA Project*. Ed. by Roger D. Sell. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2002, pp. 111–136. (In Eng.)

Pinsent P. 'so great and beautiful that I cannot write them': Religious mystery and children's literature. *Mystery in Children's Literature: From the*

Rational to the Supernatural. Ed. by Adrienne E. Gavin and Christopher Routledge, Houndmills, Hampshire, UK, Palgrave / St. Martin's Press, 2001, pp. 14–31. (In Eng.)

Thacker D. Testing boundaries. *Introducing Children's Literature: From Romanticism to Postmodernism*. By D. Thacker, J. Webb. London, New York, Routledge, 2005, pp. 73–84. (In Eng.)

Webb J. Romanticism vs. Empire in *The Secret Garden*. *Introducing Children's Literature: From Romanticism to Postmodernism*. By D. Thacker, J. Webb. London, New York, Routledge, 2005, pp. 91–97. (In Eng.)

Webb J. Walking into the sky: Englishness, heroism, cultural identity: A nineteenth- and twentieth century perspective. *Children's Literature and the Fin de Siècle*. Ed. by R. McGillis. Westport, Conn., 2003, pp. 51–56. (In Eng.)

'IT SOUNDED SO UNLIKE INDIA': AUDITORY PERCEPTION IN 'THE SECRET GARDEN' BY F. H. BURNETT

Olga Yu. Orlova

Associate Professor in the Department of Germanic Philology

Ural Federal University

51, prospekt Lenina, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation. orlova_82@inbox.ru

SPIN-code: 9611-1756

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7357-3841>

Submitted 16.02.2021

Children's literature has traditionally employed images of different sensory modalities to make the experience of the main characters more accessible to young readers. We believe that auditory imagery is an integral part of the sensory imagery repertoire of any text written for children, and auditory perception in a literary text reflects the way of interaction between the characters and the world around them at various stages of their spiritual journey. Being a traditional coming-of-age novel, *The Secret Garden* by F. H. Burnett shows a specific connection between auditory imagery and the plot of the novel since it reveals the changes in the main heroine's character and highlights her growing need to accept another point of view. Eventually, Mary Lennox, the main character of the novel, becomes ready to hear other people: her initial indifference towards the surrounding is gradually being replaced by her sincere wish to listen to the Yorkshire dialect, speak her native tongue, and believe in the curing effect of the word. With the change of the spatial imagery of the text (from British India in the first chapters to the restricted space of the garden in the Yorkshire estate Misselthwaite Manor in the second part of the book), the heroine's inner growth becomes more obvious, and the foregrounding of the sensory imagery (including auditory) grows more vivid. The spiritual transformation experienced by Mary Lennox affects other characters of the story and even leads to overshadowing of her role at the end of the novel. From the perspective of auditory imagery, Burnett creates a circular structure, making her heroine go from a lack of audio perception – through unhackneyed auditory sketches and quotations from classic novels – to a total silencing of the main heroine at the end of the novel.

Key words: auditory text imagery; spatial text imagery; children's literature; text linguistics; literary geography; F. H. Burnett; *The Secret Garden*.

УДК 821.161.1(09)

doi 10.17072/2073-6681-2021-2-111-120

В. И. КОМАРОВСКИЙ В ПЕРСОНАЖНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОМАНА Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

Наталья Ивановна Павлова**к. филол. н., доцент кафедры русского и латинского языков****Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского**

410000, Россия, г. Саратов, ул. Б. Казачья, 112. n_i_pavlova@mail.ru

SPIN-код: 4011-5358

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6284-5330>*Статья поступила в редакцию 13.11.2020***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Павлова Н. И. В. И. Комаровский в персонажной организации романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 2. С. 111–120. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-111-120***Please cite this article in English as:***Pavlova N. I. V. I. Komarovskiy v personazhnoy organizatsii romana B. L. Pasternaka "Doktor Zhivago" [Victor Komarovskiy in the Novel "Doctor Zhivago" by Boris Pasternak]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 2, pp. 111–120. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-111-120 (In Russ.)*

Образ видного московского адвоката В. И. Комаровского, одного из самых отрицательных героев романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», рассматривается в аспекте его профессиональной деятельности, в системе персонажей-юристов и персонажей-двойников, с точки зрения текстологической составляющей. Охватывающий все сюжетное пространство романа, являющийся персонажем, движущим сюжет, знающий все тонкости российского законодательства и предпринимательства, Комаровский показан прежде всего в отношениях с Ларой и Юрием, чье моральное превосходство ему невыносимо. Два мотива – «порабощение девушки» и соперничество с Живаго, пронизывающие все повествование об адвокате, – даны в обрамлении эпизодов, героями которых являются юристы, обнаруживающие непорядочность юрисконсульта. Приемы проспекции, уподобления, умолчания, узнавания, смены точек зрения, принцип зеркально сравнивающего соположения, речевой портрет, реминисценции с персонажем Ф. М. Достоевского, антропонимы развенчивают тип человека, пользующегося имиджем правозащитника в достижении личных целей не только в отношениях со своими верителями и их близкими, но и с коллегами; обнажают профессиональную нечистоплотность Комаровского, недостижимого даже для вышестоящих юридических органов. Дегероизации персонажа служит система двойничества, позволяющая не только развенчать конформизм, скудость интересов, непричастность адвоката к судьбе России, но и показать созидательность всемогущих полномочий Л. М. Кологривова и А. Е. Самдевятова. Скрупулезная работа над образом адвоката изобличает методы, которыми руководствуется герой: не обнаруживая себя ни в одной сделке, он разоряет ряд крупнейших представителей промышленности, способствует гибели их семей, приспосабливается в поисках способов обладания властью.

Ключевые слова: Пастернак; «Доктор Живаго»; Комаровский; персонажи-юристы; двойничество; приемы создания образа.

В романе Б. Л. Пастернака немало сюжетных и внесюжетных поворотов, связанных с юридическими отношениями представителей деловой России и с участием стражей порядка. Деятельность судебных следователей, судей, присяжных и частных поверенных, адвокатов, юристов, то-

варища прокурора московской судебной палаты, даже единожды упомянутая, дает яркое представление о правовой жизни России первой половины XX в. и судьбах людей, оказавшихся во власти закона. Среди персонажей-юристов особое место отводится В. И. Комаровскому, моральные прин-

ципы которого не только выделяют его из числа всех, кто воплощает в романе зло и насилие, но и противоречат отведенной ему роли юрисконсульта «миллионера-промышленника Живаго» [Пастернак 2004: 397]¹. Сложившаяся в пастернаковедении концепция образа Комаровского обусловлена прежде всего его вмешательством в начинающуюся жизнь Лары, в связи с чем его называют «растлителем» [Пастернак 2004: 217], «злой враждебной силой», «трансформировавшейся в образ дракона в стихотворении “Сказка”» [Суханова 2003: 47] и пр. Выявлены прототипы [Пастернак 2004: 14; Смирнов 1996: 23], изучены текстуальные [Bryukhanova 2013, Куцаенко 2011], интертекстуальные [Альми 2002, Павлова 2016] и интратекстуальные связи названного образа [Суханова 2018 и др.], дающие основание отнести адвоката к безусловным антигероям. Исследовательский интерес вызывает образ Комаровского в системе двойничества с Г. О. Гордоном, Л. М. Кологривовым, А. Е. Самдевятовым. Представление об адвокате углубляется благодаря текстологической составляющей. Данные аспекты не были предметом специального изучения, что обуславливает новизну нашего исследования.

Комаровский охватывает сюжетное пространство «Доктора Живаго» (ДЖ) с 1903 по 1943 г. и позиционируется как адвокат, юрисконсульт, поверенный. Согласно Уставу присяжная адвокатура в начале XX в. состояла при судебных палатах и окружных судах и должна была способствовать соблюдению законности. Комаровский на страже закона не стоит, хотя в его компетенцию входят разъяснения по правам и возможностям его (закона) применения. В контексте знакомства с персонажем становится известно, что это и «хладнокровный делец, знавший деловую жизнь в России как свои пять пальцев» (II, 23), а это значит, что в его ведении находились мануфактуры, банки, акционерные общества. Однако узнать о том, как решались правовые вопросы промышленников, как велись дела торговых и банкирских домов, можно лишь по рефлексии персонажей, ставших свидетелями деятельности юрисконсульта Комаровского в отношении известного богача Живаго, разоренного именно его стараниями. Жертвами адвоката могли стать братья Архаровы и Меркуловы, чьи дела он вел до революции и мог так же запутывать, как счета своего верителя Живаго. Комаровский мог «поучаствовать» и в смерти Федора Гишара» [Куцаенко 2011: 11]. Возможно и то, что в последний год войны им была совершена сделка с фабрикантом Крюгером, владельцем заброшенных бездоходных рудников на Урале. Тоне, имеющей высшее юридическое образова-

ние, не удастся что-либо узнать о судьбе дедушки, его лесов, заводов, потому что сделка осуществлялась «для видимости», «какому-то подставному лицу или банку», возможно, «на кого-то условно переписана» (VII, 209), и не исключено, что на людей, подобных Комаровскому, набившему руку в составлении правовых договоров.

Из черновых записей известно, что еще при жизни неразведенной жены Живаго адвокат обманывал и княгиню Столбунову-Энрици, больше года составляя для ее успокоения не имеющие силы «завещательные записи по усыновлению и оформлению незаконной связи» (566). Нравственная нечистоплотность Комаровского по отношению к близким его верителей осталась только в черновиках. Автор включит имя княгини в эпизод разговора о живаговском наследстве, избличая тем самым методы, которыми руководствовался адвокат, не обнаруживавший себя ни в одной сделке.

Примечательно его периодическое исчезновение со страниц романа. Определенно, он не терял времени с тех пор, как в 1917 г. ликвидировали дореволюционную судебную систему, а появившееся в 1922 г. «Положение о коллегии защитников», скорее всего, ему уже неинтересно не только потому, что адвокатская деятельность возобновлялась под условием надзора. Автор замечает, что «его коньком был теперь Дальний Восток» (XIV, 421), его богатейшие возможности и перспективы. Жадные руки Комаровского тянутся теперь к неизведанным ископаемым Монголии, и вряд ли его беспокоит тот ущерб, который могут нанести «русским интересам» (там же) соперники. Карьеризм Комаровского очевиден: появившийся в Юрятине в начале 1920-х в новом амплуа – политика, получившего приглашение негласного эмиссара «войти министром юстиции в Дальневосточное правительство» (XIV, 419), адвокат, бравируя своим знанием новых законов, рассказывает о готовящихся наверху переменах и комментирует их. Свою нишу найдет он и в закоулках Азии, где окажется, скрываясь от советской власти.

Явление героя автор не случайно связывает с трагической гибелью промышленника Живаго. Не называя имен обоих персонажей, автор не только окутывает тайной смерть отца Юрия Живаго – он обнажает таким образом сущность Комаровского, действия которого демонстрируют ту сторону «дремлющего в человеке зверя», которого нельзя «остановить угрозой» (XIV, 430). Произошедшая в поезде трагедия действительно обнаруживает его звериную сущность в отношении тех, кто пытается противостоять ему. В черновых набросках «богач и умница» (566) дога-

дывался, что на его разорении собираются разбогатеть, но не сердился и «продолжал с ним знаться» (567). Автор изменил характер отношений персонажей, и «добряк и шелапут, уже наполовину невменяемый» (I, 18) в отчаянии бросается с поезда, явно сорвав своему приятелю сделку. Несговорчивость «убившегося» обусловлена тем, что он соприкоснулся с нравственной чистотой души и открытостью мира» (там же) присяжного поверенного Г. О. Гордона, который часами разговаривал с известным богачом, разъясняя «разные юридические тонкости и кляузные вопросы по части векселей и дарственных, банкротств и подлогов» (там же). Подобное соседство вряд ли входило в планы Комаровского, поэтому он всячески препятствовал этим разговорам: как только его веритель успокаивался, адвокат «тащил его в салон-вагон пить шампанское» (там же).

События, изображенные как в немом кино, комментируются гимназистом второго класса, третий день находившимся с отцом в поезде. Миша Гордон не может отделаться от ощущения, что постоянное возбуждение их соседа на руку адвокату, наблюдает мальчик и за действиями отца, пытающегося спасти известного богача от самоубийства. Знаковость эпизода в пятичасовом скором очевидна: соположение с присяжным поверенным обнажает непорядочность Комаровского, скрывавшего от своего верителя «более милостивые узаконения» (там же) и способствовавшего его банкротству и самоубийству.

Прием проспекции, обозначивший роль каждого персонажа в судьбе Юрия Живаго, обуславливает дальнейшие события. Спустя годы адвокат предпримет попытку спровоцировать на скандал и тяжбу сына Живаго, о чем становится известно от Юрия, излагающего Анне Ивановне свою точку зрения на наследство отца. Не называя источника информации, Юрий убеждает ее, что «тяжба – дутая» (III, 71). Очевидно, что к такому пониманию он пришел не без помощи Г. Гордона, несомненно, ознакомившегося с положением дел и постаравшегося спасти юношу от общения с «подставными соперниками и завистливыми самозванцами» (там же). Примечательно, что это не первое посягательство на наследство Живаго: Громеко, приютившим сироту, удалось обнаружить тонко совершенный подлог документов и спасти неприкосновенную материнскую долю, лежащую в банке (557). Оставшаяся в черновиках деталь приводит к мысли, что «человек с запросами церковного старосты» (там же) вряд ли мог подобраться к деньгам самостоятельно. Последствия сорванных афер с наследством скажутся во время встречи Виктора Ипполитовича и Юрия Андреевича в

Юрятине, где адвокат, совершенно не церемонясь с чувствами Живаго, напомнит о приятельских отношениях с его отцом, об особенностях его натуры. Не исключено, что Юрий спустил адвоката с лестницы именно потому, что тот, зная о второй семье его отца, мог сравнить не только их характеры.

Разговор о наследстве, инициированный Анной Ивановной, звучит в контексте ее детских воспоминаний об отце, а упоминание об уральском «фабриканте-железоделателе» Крюгере (II, 55) – в связи с ее поверенной. Становится понятным, что, даже будучи «судьей и распорядительницей во всех серьезных случаях жизни» (II, 56), Шура Шлезингер не сможет противостоять адвокатам и подставным лицам, которые выются вокруг капиталов Живаго и Крюгера.

С новой жертвой – вдовой своего друга, которой от мужа достались «сбережения в бумагах» (II, 23), – Комаровский ведет себя еще более разнузданно, а денежная зависимость от него приводит к разрыву отношений в семье Гишар. Не вошедшее в текст романа замечание, что адвокат развращал мальчика «своим примером и потакательством его шалостям» (572) и был отчасти виноват в его растрате, усугубляет и трагедию Лары, ошеломленной «в том первом отдельном кабинете, с которого все началось» (II, 54) роскошно сервированным столом. Комаровский ловко пользовался тем, что в этих детях «глубоко сидела робость перед богатыми, как у питомцев сиротских домов» (II, 24). Его цинизм подчеркивает и другая деталь, оставшаяся в карандашной рукописи: «Чудовище! Картина висела как раз против ее места» (666). Автор изменил ситуацию, и о картине «Женщина или ваза» Лара вспоминает в момент встречи со сторожевым патрулем, нагло оглаживающим женщин с головы до ног. Поведение ухмыляющихся казаков, как и «толстый римлянин» (II, 54), пресытившийся всякими наслаждениями, вызывает омерзение Лары, потому что ассоциируется с Комаровским.

В контексте заветных мыслей Веденяпина, утверждающего евангельские начала жизни, которые основаны на любви к ближнему, образ Комаровского уподобляется и «укротителю с хлыстом», властителю, сравнивающему себя с идолами и не подозревающему, «как бездарен всякий поработитель» (I, 13). Благодаря принципу «зеркально сравнивающего соположения» [Исаев 2005: 11] дается характеристика двух других взаимоисключающих явлений романа: «зрелища порабощения» (II, 62) Комаровским «девочки, дочери его покойного друга, ребенка» (II, 48) и «зрелища в духе древности, стихии, по-

слушной голосу волшебника» – ветхозаветной истории о Моисее, спасшем «целую народность» (XIII, 409). Пошлости увиденного в номерах противостоит восхищение способностью Моисея подчинить стихию ради любви к народу, движениям рук кукольника – волшебный жезл пророка и законодателя. Смена точек зрения, не подчиненных одна другой [Успенский 2000: 21], подчеркивает, с одной стороны, внутреннее состояние подростков, наблюдающих за поведением незнакомца, с другой – помогает высказать устами Симы мысль, что человек должен уподобиться Христу, а не «породистому животному» (I, 17). Миша, заметив человека, вышедшего из-за перегородки, «весь встрепенулся и так и впился в него глазами» (II, 62). Прием узнавания обнажает степень потрясения ребенка, увидевшего того, кто «спайвал и погубил» (II, 63) отца Юры. У юного Живаго он вызывает ассоциации с кукловодом, манипулирующим чувствами и эмоциями девушки, поневоле ставшей сообщницей его деяний, а впоследствии, на рождественской елке, – преступницей, стрелявшей в мужчину, в котором Юрий узнает того «седоватого», который имел «отношение к делу об отцовском наследстве» (III, 86).

Примечательно, что у Свентицких Комаровский сам оказывается в центре скандала, причем в присутствии товарища прокурора московской судебной палаты. Соположение персонажей очевидно: Корнаков, как страж порядка, неистовствует в зале суда, обвиняя группу железнодорожников, адвокат рвет и мечет, обеспокоенный своей репутацией. В отличие от инцидента в пятичасовом скором, где на расспросы об убитшемся он отвечает «кучке любопытных и сочувствующих» (I, 17), здесь ему приходится в глазах госпожи Корнаковой оправдываться, а с околоточными – объясняться. И он уже не может позволить себе «нелюбезно цедить, пожимая плечами и даже не оборачиваясь» (там же), потому что в данной ситуации дача показаний уже не формальность, как это было на месте трагедии, где опрос велся «холодными деловыми голосами» (I, 19). Предупредительно-уважительное общение с женой законного представителя обвинения, нервное состояние адвоката в ночь происшествия говорят о том, как он озабочен подрывом репутации в своем кругу.

Из черновиков известно, что адвокат представлял суду показания свидетелей о состоянии обвиняемой в момент покушения на Корнакова, который «возбуждал против Лары судебное преследование» (580). Однако состояние «беспамятства и оцепенения» (578), в котором находилась Лара, было на руку Комаровскому, потому что

невменяемость человека не позволяла вменить ему в вину совершенное преступление, что облегчало положение адвоката. Невменяемость же известного богача позволила бы ему совершать сделки без самого верителя. В отличие от набросков, содержащих размышления Комаровского о жизни, о «Лариной нравственной новизне», заставившей его склониться перед ней (582), о том, что его стараниями она сменила «пристанище» (584), в романе лишь упоминается о появившихся «разноречивых чувствах» (II, 92).

Образ Комаровского снижает ряд деталей. Так, поиски им лазеек уподобляются действиям мышонка, проشمывающего между тарелок, и полосам света, шныряющим, как «воры или ломбардные оценщики» (IV, 93). Круг его общения дается в оценке Кологривова, назвавшего знакомую юристку Комаровского «порядочной дрянью» (там же) и настоявшего на переезде Лары. «Пятна сырости на потолке и обоях» (IV, 95) в комнате, которую занимала девушка, и поведение самой Войтессы под стать озлобленной прислуге и грязи в номерах «Черногории».

Покровительство Комаровского дано и в оценке Лары, которая замечает, как он «благороднейшим образом предлагал свою помощь» (там же), и эта внутренняя точка зрения, появившаяся на фоне вспомнившегося ей арбуза неимоверной величины, уже тогда показавшегося ей символом его властности и богатства, уберегла бы ее от затей адвоката, явившегося за ней в Юрятин. Но она, как и Юрий, конечно, была убеждена, что едет «под защиту законности и порядка» (XIV, 448). Участие адвоката в жизни Лары изменило жизнь чистого и неискушенного реалиста Антипова. Изначально питавший «непреодолимое отвращение» (573) к человеку, стараниями которого он потеряет жену, называвший этот тип людей «тунеядцами, замечательными только тем, что они ничем себя не утрудили, ничего не искали, ничего миру не дали и не оставили» (XIV, 458), разве что дали себе право оставлять за собой последнее слово, Павел принесет немало бед людям, уподобившись Комаровскому. Однако в отличие от Антипова-Стрельникова, осознавшего, что не принес людям ничего, кроме горя, Комаровский, линия поведения которого остается неизменной, – явный антигерой: он живет как будто вне времени, вне истории, вне общества, не прощает оказанного ему сопротивления даже тем, кого считал приятелями, готов любой ценой «замять, затушить слухи» (IV, 92) или, наоборот, распушить их, чтобы, вернувшись, взять реванш.

Статус известного московского адвоката позволял Комаровскому снимать роскошную квар-

тиру на Петровских линиях и содержать прислугу, однако среди «серьезных, уважающих себя и хорошо зарабатывающих людей свободных профессий» (II, 45) он показан в обществе актера и картежника, а не писателей и художников. Не приходится говорить и о духовности персонажа, хотя он водит юную гимназистку в театры, якобы «умственно развивая» ее (там же), однако «в укромной аванложе на глазах у целого театра» (II, 49) он не наслаждается искусством, а ловеласничает, подобно персонажу Ричардсона, обманом соблазнившему шестнадцатилетнюю девушку. Об общественной же деятельности Комаровского можно судить только по рефлексии Лары, польщенной вниманием мужчины, которому «аплодируют в собраниях» (II, 48) и о котором пишут в газетах.

В создании имиджа московского адвоката особую роль играют детали, фиксирующие внимание на его внешности: в восприятии подростков это «гладко выбритый и щеголеватый» (I, 18), «осанистый и уверенный в себе человек» (II, 62), в глазах Лары – «годящийся ей в отцы красивый, седеющий мужчина» (II, 48). В Юрятин он заявляется в хорошо сохранившейся пиджачной паре и полосатых брюках в складку, в Варыкино – в шубе до полу. Ему под стать запряженный в «очень широкие крестьянские сани с удобным кузовом раскормленный вороной жеребец» и «такой же гладкий и сытый, как он, незнакомый малый в хорошей поддевке» (XIV, 443), похаживающий вокруг коня. Речевое же поведение персонажа позволяет увидеть и услышать действия не защитника, отстаивающего чьи-либо интересы в суде, а «прожигателя жизни» (XIII, 397), выражающего недовольство из-за того, что не может справиться со своими чувствами к Ларе, расшвыривающего по ковру и дивану вещи, мечущегося, как зверь, до боли сжимающего рукой широкие перила или избивающего бульдога тростью, расхаживающего злыми и решительными шагами, выказывающего свою взвинченность. Даже в тех ситуациях, где не виден его насмешливый взгляд, не слышны «раскаты серебряного смешка» (II, 72–73), крики и топот, рефлексия общающихся с ним людей обнаруживает результат его воздействия на них: сосед по купе жалует Гордону, что «не спит третий месяц и терпит муки» (I, 19), хватает его за руку и бросается с поезда, Амалия Карловна в слезах просит у соседа защиты от своего покровителя или руку Фадея Казимировича, Лара не смеет отказаться и через силу глотает куски арбуза, уступает его желаниям, а Юрий спускает с лестницы.

Кульминацией в раскрытии образа Комаровского становится его адвокатская речь якобы в

защиту тех, против кого точат зубы Тиверзин и Антипов. Иронично называя членов революционного трибунала местными жрецами Фемиды, адвокат, сделав ставку на уязвимость Лары, сам торопится свести счеты с Живаго, что в конце концов и происходит. Его риторическое поведение – не более чем маска: явившись в Юрятин под предлогом спасти всех от гибели, он выстраивает линию поведения так, чтобы добиться желаемой цели – увести Лару. Его первый жест – театральный, его позерство явственно, как и то, что он заранее просчитал рефлексию своего оппонента.

Чопорное поведение Комаровского напоминает выход актера, привыкшего к аплодисментам публики: долго расчесывается, утирает носовым платком мокрые усы и губы, обнаруживая щепетильность к своей внешности и словно напоминая Ларе то время, когда производил на нее впечатление. Первая фраза, обращенная к Юрию: «Будем считать, что мы знакомы» (XIV, 417) – явный намек на встречу у Свентицких, где оба сделали вид, что незнакомы, это и очередной вызов Живаго, которого он провоцирует на ссору, снова задевая его сыновние чувства. Доктор не позволяет ему развивать свои мысли, прибегая к жесткой риторике. Однако тот использует приемы, подавляя Юрия психологически и развенчивая в глазах Лары: пугает, ошеломляет, сбивает с толку, спекулирует на чувствах, оскорбляет. Комаровский и льстит (в высшей степени гармоническая пара), и выговаривает (А вы не вспыхивайте так сразу), и угрожает (не вправе шутить безопасностью Катеньки), и призывает к бдительности (употребите свой авторитет, повлияйте), но, видя солидарность Лары и Юрия, понимая тщетность своих усилий, переходит к «существу дела» (XIV, 419) – доверительно рассказывает о политических интригах советской власти. Примечательно, что он сам именно так и поступает – приберет Лару к рукам, а Живаго использует в качестве буфера между собой и ею. Резонерство Комаровского, уже вошедшего в роль министра Дальневосточной республики (я вел дела, я согласился), «многословные умствования» (XIV, 421) о вещах, не имеющих отношения к его слушателям, развенчиваются путем уподобления его присутствия виду тяжелой дубовой мебели, описание которой обрамляет разговор персонажей, а композиционно-зеркальное сопоставление с речевым портретом старика-возницы обнаруживает позицию автора, не приемлющего подобных хозяев жизни [Павлова 2017: 89].

Антагонизм персонажей, явствующий уже из их случайной встречи на елке, достигает кульминации в момент их ссоры, о которой становит-

ся известно от Юрия. Однако Комаровский не позволит Живаго оставить последнее слово за собой. «Подлый и слабый» (II, 49) в отношении Лары, он явился в Варыкино спустя тринадцать дней, не заходил в дом, не «жевал свою жвачку» (XIV, 421), не томил своим присутствием, действовал, как Стрельников, – «быстро, сурово, бестрепетно» (VII, 250). Возможно, его методы обусловлены «действительными страхами за Лару» (626). В то же время очевиден и расчет.

Реминисценция с адвокатом Лужиным, выражающим суть своей «экономической теории» пословицей «Пойдешь за несколькими зайцами разом, и ни одного не достигнешь» [Достоевский 1972–1990: 116], помогает понять и намерения Комаровского: ему нужна униженная и раздавленная страданиями Лара. Именно поэтому адвокат убеждает ее в ненадежности Юрия, называя того слугой двух господ, а ей прогнозирует, что «погонится за двумя зайцами и останется между двух стульев» (XIV, 443). Не брезгуя заведомой ложью, он сломит Живаго, обманом увезет Лару, нанесет очередной удар Павлу.

Образ Комаровского дается в обрамлении двух богатых и влиятельных персонажей – Л. М. Кологривова и А. Е. Самдевятова. О «человеке передовых взглядов и миллионере» (I, 11) и «хладнокровном дельце» (II, 23) повествуется параллельно вплоть до выздоровления Лары, а юрист с двадцатилетней практикой словно сопровождает уральский период деятельности Комаровского. Примечательно, что появление Кологривова «контрапунктно» [Гаспаров 1990: 231] связано с остановкой пятичасового скорого: имя «шелкопрядильного фабриканта Кологривова» (I, 8) звучит в контексте событий лета 1903 г., когда Юра с дядей едут в имение Лаврентия Михайловича. Понятых для составления протокола убитого миллионера вызывают именно «с ближайшей станции Кологривовки» (I, 17). Так же связан с Комаровским и Самдевятов: его «мягкая шляпа» (VIII, 255), участливо поднявшаяся над скоплением чужих голов, явно противопоставит мягкой шляпе «высокомерного адвоката», обмахивающегося ею в тот момент, когда «хмуро без выражения» стоял над телом «убитого» (I, 17). Обозначенное имплицитно, соположение персонажей прослеживается и во многих ключевых событиях романа, что дает основание назвать их двойниками Комаровского.

Так, с грустными воспоминаниями Лары о том, как «они ехали в пролетке полутемными переулками через всю Москву в номера с вокзала» (II, 94), несопоставима радость Тони, которой, благодаря Анфиму, не придется «пересаживаться и с вещами тащиться через город с вокза-

ла на вокзал» (VIII, 256), несравнимы с хлебом-солью Комаровского и микулицынские лепешки на сахарине. Рефлексия Самдевятова, посмеивающегося над выходками «чудака-острослова» (VIII, 259) Живаго и не возражавшего ему, усугубляет впечатление от речевого поведения адвоката в его словесном поединке с Юрием Андреевичем. Скандальные истории, связанные с действиями Комаровского и совершаемые, как правило, под покровом ночи, его двоедушие, двоemiрие несопоставимы с открытостью Анфима: «Возьму куш, ничего не видя. А часом и по мордасам, как отец говаривал» (VIII, 260).

Лара «по случайности» (II, 23) оказывается в одном классе гимназии с Надей Кологривовой, чей отец помогает Ларе «устроить жизнь отдельно от мамы» (III, 73) и выручает деньгами проигравшегося Родю. Именно Лаврентий Михайлович поддерживает Лару в ее желании помочь группе железнодорожников и с этой целью едет «умасливать» (III, 85) Корнакова, а после ее покушения на Комаровского способствует переезду на новое «пепелище» (IV, 96). Каждая названная ситуация обусловлена бесцеремонным вмешательством Комаровского в жизнь Лары и переплетена с деятельным участием в судьбе девушки Кологривова. Его отеческие чувства не просто обнажают бесчеловечность адвоката, годившегося Ларе в отцы.

В романе воплощается авторская концепция личности персонажей-двойников, заключающаяся в противопоставлении их жизненной позиции. Талант, ум, широта взглядов и интересов, общительность, принципиальность, влиятельность «крупного предпринимателя-практика новейшей складки» (III, 74), позволяющие ему «разговаривать с сановными старцами» в Совете министров так, «словно это были шалуны пригостишки» (IV, 95), направлены на созидание жизни. Заметим, что среди «наезжавших к Кологривовым знакомых» не случайно нет места видному московскому адвокату, не встречаются персонажи и в романной действительности, хотя о существовании друг друга знают. Это относится и к Анфиму, что связано с его деловыми качествами, позволившими ему, в том числе, спасти от банкротства солидную фирму своего отца, выпустившего до революции сельскохозяйственные орудия. Двойничество, таким образом, обнаруживает, что среди представителей деловой части России есть люди, не просто не приемлющие адвокатскую нечистоплотность Комаровского, но и способные не впускать его в свое окружение.

Нравственное сходство Комаровского и Самдевятова отмечает Лара, сопоставившая их «петушащееся самодовольство» (XIII, 395). Оба

действительно «предприимчивые, уверенные в себе, повелительные» (там же), но в Анфиме нет презрительности к людям, столь свойственной Комаровскому. Анфим прагматичен, самоуверен, горд своею сообразительностью, оборотистостью, но в соположении с адвокатом не выглядит дельцом, тем более хладнокровным. Оба чувствуют себя хозяевами жизни, осведомлены в юридических тонкостях, однако вряд ли Анфима можно назвать «прожженным уральским юристом», отталкивающим «цинизмом и театральщиной» [Птицын 2000: 8]. У него другая шкала ценностей: он понимает, что жить хочется всем. Анфим действительно гордится тем, что его трудами кормится полгубернии, однако это далеко не те «пустозвонные слова» (II, 50), которые произносит Комаровский, пафосно предлагая выход из ситуации.

Оба холосты, независимы, но гордость Самдевятова смекалкой отца и семейной легендой о своем происхождении возвышают его образ. Упоминание о доме, пожертвованном городу его отцом, в котором Анфим впоследствии основал Институт гинекологии и акушерства, а в годы Гражданской войны ускоренные медико-хирургические курсы, свидетельствует и о его человеколюбии и сближает с Кологривовым. Любовь Анфима к сыну Живаго так же, как отеческие чувства Кологривова к юной Ларе, усугубляет жестокость Комаровского по отношению к сиротам Юрию, Евграфу, Таньке, шестнадцатилетней гимназистке, «преступно рано» посвященной «в жизнь с наихудшей стороны» (XIII, 396).

Честность, увлеченность, образованность Самдевятова подчеркивают скудость интересов адвоката. Играя в жизни одну только роль, Комаровский, в отличие от Анфима, совмещающего в себе немислимые противоположности, подпадает под статус «непоправимого ничтожества», занимающего «одно лишь место в обществе», значащего «всегда только одно и то же» (IX, 297). Твердость политических убеждений Самдевятова, даже если принять во внимание, что он воплощает в ДЖ «лживость "высшей" политики» [Птицын 2000: 8], обличает конформизм Комаровского, не разделяющего взглядов ни большевиков, ни Временного правительства. Адвокат приспосабливается к обстоятельствам, ищет способ «воспользоваться остающимся временем» (XIII, 419), чтобы влиться в состав нового правительства и, пользуясь положением, манипулировать им, действовать в своих интересах. Анфим же свои всеисильные полномочия использует во благо всей округе. Те же качества присущи Кологривову, субсидирующему революцию.

Анфим входит в сюжет романа в переходный период развития России, когда требовалось понимание вещей, исключаящих друг друга, его компетентность в сфере управления государством обусловлена не связями, поэтому авторитет его беспорен как среди мужиков, так и в Юрятинском горсовете. Анфим не ищет новых источников дохода, а вникает в «старые незавершенные сделки, операции, невыполненные обязательства» (VIII, 260), в особенности национализации предприятий.

Образ адвоката складывается подобно мозаике: из его реплик, жестов, рефлексии персонажей, имеющих с ним дело, причем даже эпизодических, отмечающих его звериную сущность. Из прямой авторской характеристики Лаврентия Михайловича вырастает образ, воплощающий идеал автора – «любовь к ближнему, этот высший вид живой энергии, переполняющей сердце человека и требующей выхода и расточения» (I, 13). Из самохарактеристики Анфима – прямодушный, открытый человек, достоинства которого многократно увеличивает его речевой портрет, даже если он сам говорит о своей значимости. Если мужики называют его волшебником и кормильцем, то в адрес Комаровского шепчут «неодобрительно и насмешливо»: «Бабья порча», «Амалькина присуха» (II, 25). Жизненная позиция Самдевятова – свидетельство того, что и «со всеисильными своими полномочиями» (IX, 277) можно оставаться честным, неподкупным, любить людей и помогать им, иметь свои взгляды, принципы и отстаивать их, что во многом сближает его с Л. М. Кологривовым.

Особую роль играют антропонимы. Лаврентий – увенчанный лаврами – действительно достоин уважения и возвеличивания как человек передовых взглядов, семьянин, большой покровитель искусств. Анфим, фигурировавший в черновиках как Епишкин или Беглых (686), тоже возвеличивается автором и наделяется фамилией, связывающей его с родом, титулованным Петром I и получившим от него земли на Урале. Предполагаемое родство с Сан-Донатом обнаруживает себя в той роли, которая возлагается на Анфима, одаривающего окружающих своей любовью и заботой. Его целеустремленность, направленная в том числе на практичность и материальную выгоду, не исключает его чуткости к людям, тогда как Виктор Ипполитович дискредитирует свое имя: он одерживает победу не над грехами и смертью, как подобает христианам, а над людьми, попавшими от него в зависимость. Его главная сила – подлость «в обращении с подчиненными и слабыми» (II, 49). Семантика

же его фамилии ассоциируется с кровососущим насекомым, ареал которого – весь земной шар.

Трудно не согласиться с замечанием З. Пастернак, что Комаровский описан «очень зло» [Пастернак 2004: 38]. Обозначив в начале романа роль адвоката в судьбе семей Живаго и Гишар, автор на протяжении всего повествования акцентирует внимание на его безнравственности: знавший все тонкости российского законодательства и предпринимательства, он манипулирует людьми, властвуя над ними и обогащаясь. Лара для него – не просто наваждение, а Юрий – соперник. Комаровскому невыносимо их моральное превосходство. Подчинить себе Лару ему удастся унижением, запугиванием, шантажом, а несговорчивый сын миллионера Живаго, наследство которого послужило поводом для сведения с ним счетов, хоть и не попадает «под моральное влияние Комаровского» [Суханова 2018: 123], вынужден подчиниться его условиям. Дегероизирован адвокат и в системе персонажей-юристов, где ему отводится роль карьериста, пользующегося своим положением и преследующего только свои интересы. Инцидент у Свентицких обнаруживает, что связи Комаровского делают его недостижимым даже для помощника прокурора. Приемы проспекции, уподобления, умолчания, узнавания свидетельствуют о том, что скрытая от глаз адвокатская деятельность представляет опасность не только для судеб людей, но и для государства. Разглагольствуя о «хитросплетениях современной мировой политики» (722), он сулит Ларе и Юрию, что весь мир будет у их ног, для чего достаточно сделать «шаг через монгольскую границу» (XIV, 421). Между тем Комаровский сам, несомненно, лелеет эту мысль. Не случайно он «мечется по мифическим закоулкам Азии» (XV, 496): должность министра юстиции – далеко не конечная цель в его карьере. Сюжетное бессмертие Комаровского наводит на мысль о неистребимости зла, воплощенного в данном персонаже. Но если в оппозиции к поэту Живаго его «бессмертие пассивное», потому что «не связано с творчеством, развитием» [Врукханова 2013: 511], то в жизни последнее слово остается за подобными «чудищами заурядности» (XV, 496).

Примечание

¹ Здесь и далее ссылки на данное издание даются в круглых скобках с указанием части романа римскими цифрами, страниц – арабскими. Ссылка на «Другие редакции и черновые наброски» и «Комментарии» содержит только страницу.

Список литературы

Альми И. Л. Традиции Достоевского в поздней прозе Пастернака («Доктор Живаго» в соотношении с романом «Идиот») // О поэзии и прозе. СПб.: «Семантика С» совм. с изд. «Скифия», 2002. С. 520–521.

Гаспаров Б. М. Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» // Дружба народов. 1990. № 3. С. 223–242.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. VI. Преступление и наказание. 426 с.

Исаев С. Г. Композиция текста в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Филологические науки. 2005. № 3. С. 3–15.

Куцаенко Д. О. Концепт истории как определяющий фактор генезиса персонажей в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011. 22 с.

Павлова Н. И. Принципы композиции романов «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского и «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 6. С. 61–76.

Павлова Н. И. Способы создания психологических портретов персонажей в романе Пастернака «Доктор Живаго» // Известия Саратовского ун-та. Новая сер. Филология. Журналистика. 2017. № 1(17). С. 88–93.

Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.: СЛОВО/SLOVO. 2004. Т. IV. Доктор Живаго. 760 с.

Пастернак З. Н. Воспоминания. М.: Классика-XXI, 2004. 233 с.

Смирнов И. П. Роман тайн «Доктор Живаго». М.: Новое литературное обозрение, 1996. 204 с.

Суханова И. А. Еще раз о лейтмотиве свечи в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Ярославский педагогический вестник. 2003. № 3. С. 39–46.

Суханова И. А. Общие мотивы и языковые средства создания образов персонажей Пастернака и Достоевского // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4(15). С. 120–126.

Птицын И. А. Христианская символика в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2000. 18 с.

Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 348 с.

Врукханова Y. M. Opposition of Male Characters in the Novel “Doctor Zhivago” by Boris Pasternak: Beauty vs. Freedom // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 4. 2013. № 6. P. 508–513.

References

- Al'mi I. L. Traditsii Dostoevskogo v pozdney proze Pasternaka ('Doktor Zhivago' v sootnesenii s romanom 'Idiot'. O poezii i proze) [Dostoevsky's traditions in Pasternak's late prose ('Doctor Zhivago' in relation to the novel 'The Idiot'. On poetry and prose)]. St. Petersburg, 'Semantika S' Publ., 'Skifiya' Publ., 2002, pp. 520–521. (In Russ.)
- Gasparov B. M. Vremennoy kontrapunkt kak formoobrazuyushchiy printsip romana Pasternaka 'Doktor Zhivago' [Temporal counterpoint as a formative principle of the Pasternak's novel 'Doctor Zhivago']. *Druzhba narodov* [Friendship of Peoples], 1990, issue 3, pp. 223–242. (In Russ.)
- Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: In 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990, vol. 6. Prestuplenie i nakazanie [Crime and punishment]. 426 p. (In Russ.)
- Isaev S. G. Kompozitsiya teksta v romane B. Pasternaka 'Doktor Zhivago' [Composition of the text in the novel 'Doctor Zhivago' by B. Pasternak]. *Filologicheskie nauki* [Philology. Theory and Practice], 2005, issue 3, pp. 3–15. (In Russ.)
- Kutsaenko D. O. *Kontsept istorii kak opredelyayushchiy faktor genezisa personazhey v romane B. L. Pasternaka 'Doktor Zhivago'*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The concept of history as a determining factor in the genesis of characters in the novel 'Doctor Zhivago' by B. L. Pasternak. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Krasnodar, 2011. 22 p. (In Russ.)
- Pavlova N. I. Printsipy kompozitsii romanov 'Prestuplenie i nakazanie' F. M. Dostoevskogo i 'Doktor Zhivago' B. L. Pasternaka [Principles of composition of the novels 'Crime and Punishment' by F. M. Dostoevsky and 'Doctor Zhivago' by B. L. Pasternak]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 2016, issue 6, pp. 61–76. (In Russ.)
- Pavlova N. I. Sposoby sozdaniya psikhologicheskikh portretov personazhey v romane Pasternaka 'Doktor Zhivago' [Ways of creating psychological portraits of the characters in Pasternak's novel 'Doctor Zhivago']. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaia ser. Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Philology. Journalism], 2017, issue 1(17), pp. 88–93. (In Russ.)
- Pasternak B. L. *Polnoe sobranie sochineniy: v 11 t.* [Complete Works of B. Pasternak: In 11 vols.]. Moscow, SLOVO Publ., 2004, vol. 4. Doktor Zhivago [Doctor Zhivago]. 760 p. (In Russ.)
- Pasternak Z. N. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2004. 233 p. (In Russ.)
- Smirnov I. P. Roman tayn 'Doktor Zhivago' [The novel of mysteries 'Doctor Zhivago']. Moscow, New Literary Observer Publ., 1996. 204 p. (In Russ.)
- Sukhanova I. A. Eshche raz o leytmotive svechi v romane B. Pasternaka 'Doktor Zhivago' [Once again about the leitmotif of the candle in the novel 'Doctor Zhivago' by Boris Pasternak]. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2003, issue 3, pp. 39–46. (In Russ.)
- Sukhanova I. A. Obshchie motivy i yazykovye sredstva sozdaniya obrazov personazhey Pasternaka i Dostoevskogo [Common motifs and language tools in the creation of the characters in works by Pasternak and Dostoevsky]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhsky Philological Bulletin], 2018, issue 4(15), pp. 120–126. (In Russ.)
- Ptitsyn I. A. *Khristianskaya simbolika v romane B. Pasternaka 'Doktor Zhivago'*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Christian symbolism in B. Pasternak's novel 'Doctor Zhivago'. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Cherepovets, Cherepovets State University Press, 2000. 18 p. (In Russ.)
- Uspenskiy B. A. *Poetika kompozitsii* [The poetics of composition]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 348 p. (In Russ.)
- Bryukhanova Y. M. Opposition of male characters in the novel 'Doctor Zhivago' by Boris Pasternak: Beauty vs. Freedom. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 4, 2013, issue 6, pp. 508–513. (In Eng.)

**VICTOR KOMAROVSKY IN THE NOVEL ‘DOCTOR ZHIVAGO’
BY BORIS PASTERNAK**

Natalia I. Pavlova

Associate Professor in the Department of Russian and Latin Languages

Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky

112, Bolshaya Kazachya st., Saratov, 410000, Russian Federation. n_i_pavlova@mail.ru

SPIN-code: 4011-5358

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6284-5330>

Submitted 13.11.2020

The article deals with the image of the prominent Moscow lawyer Victor Komarovsky, one of the most negative characters in the novel by Boris Pasternak *Doctor Zhivago*. We study this character in the aspect of his professional activity, within the system of characters-lawyers and characters-doubles, in terms of the textual component. Being the character present throughout the novel, driving the plot, knowing all the subtleties of Russian legislation and entrepreneurship, Komarovsky is shown primarily in relations with Lara and Yuri, whose moral superiority is unbearable for him. Two motifs – the ‘enslavement of the girl’ and the rivalry with Zhivago, which permeate the entire narrative concerning Komarovsky, are framed by episodes where other characters of lawyers reveal dishonesty of the legal adviser.

In creating the character of Komarovsky, Pasternak employs a whole range of techniques such as prospection, assimilation, aposiopesis, recognition, changing points of view, the principle of juxtaposition, speech portrait, reminiscences with the character of Fyodor Dostoevsky, and anthroponyms. All these techniques are intended to unmask Komarovsky as a person who uses the image of a human rights defender in achieving personal goals not only in relations with his principals and their relatives but also with colleagues; these devices expose the professional dishonesty of Komarovsky, who was inaccessible even to higher legal bodies. Another technique that contributes to deheroization of the character is a system of duality. It allows the writer not only to demonstrate the lawyer’s conformism, paucity of his interests, non-involvement in the fate of Russia but also to show activity of Kologrivov and Samdevyatov. Scrupulous work on the character of the lawyer exposes the methods he uses: without revealing himself in any transaction, he ruins a number of largest manufacturers, contributes to the death of their families, adapts in search for ways to wield power.

Key words: Pasternak; Doctor Zhivago; Komarovsky; characters-lawyers; duality; methods of creating an image.

УДК 821.161.1(09)
doi 10.17072/2073-6681-2021-2-121-131

КОНЦЕПТ «ДЕМОН» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Олег Иванович Сыромятников

д. филол. н., профессор кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

профессор кафедры социально-гуманитарных и профессиональных дисциплин

Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний

614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, 125. pani_perm@list.ru

SPIN-код: 9651-1120

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4826-3857>

Статья поступила в редакцию 07.02.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сыромятников О. И. Концепт «демон» в творчестве Ф. М. Достоевского // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 2. С. 121–131. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-121-131

Please cite this article in English as:

Syromyatnikov O. I. Kontsept «demon» v tvorchestve F. M. Dostoevskogo [The Concept ‘Demon’ in the Works by Fyodor Dostoevsky]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 2, pp. 121–131. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-121-131 (In Russ.)

В статье исследуется функционирование концепта «демон» в творчестве Ф. М. Достоевского. Установлено, что он встречается в различных грамматических формах в публицистике писателя 1861 и 1877 гг., в повести «Хозяйка», а также в романах «Идиот» и «Бесы». В письмах Достоевского этот концепт не употребляется ни разу. Выявлен ряд особенностей использования указанного концепта писателем. Во-первых, локальность и компактность – концепт всегда употребляется в пределах одной темы (в публицистике) или сцены (в художественном творчестве). Во-вторых, концепт не имеет традиционной для европейской и русской литературы романтической окраски, писатель всегда использует его в основном значении, фиксируемом церковно-славянским языком. Под демоном в нем понимается нематериальное тварное разумное существо, враждебное человеку. Полагаем, указанные особенности связаны с православным мировоззрением писателя, определявшим его онтологию, гносеологию и речевую тактику. Согласно православию употребление имен духов зла должно быть предельно ограничено, поэтому Достоевский использовал указанный концепт только тогда, когда иначе выразить мысль, не утратив ее полноты, было невозможно.

В публицистике писателя 1861 г. концепту «демон» подчинены лексемы «Мефистофель» и «мефистофельство», служащие для обозначения апостасийных процессов актуальной писателю российской действительности. В романе «Бесы» этому концепту подчинена лексема «бесенок», используемая для обозначения духа низшей по отношению к демону иерархии.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что концепт «демон» и подчиненные ему лексемы употребляются Достоевским для раскрытия духовного состояния какого-либо персонажа или для выявления духовных причин определенного социального явления.

Ключевые слова: концепт; демон; Ф. М. Достоевский; Н. А. Некрасов; «Хозяйка»; «Идиот»; «Бесы».

Концептосфера творчества Достоевского неоднократно становилась предметом исследования, в том числе рассматривался и концепт «демон». Однако, замечает А. А. Скоропадская, изучается, как правило, только его «историко-лите-

ратурное содержание, восходящее к русской и европейской романтической традиции...» [Скоропадская 2020: 212]. Такой подход встречается в целом ряде работ [Жилякова 1997, Касаткина 2019, Сараскина 1996]. Считая его недостаточно

эффективным, А. А. Скоропадская предлагает исследовать указанный концепт «с точки зрения античной традиции» [Скоропадская 2020: 209]. Другой подход демонстрируют Н. О. Булгакова и О. В. Седельникова, рассматривая лексему «демон» в качестве ядерного репрезентанта концепта «бесовство», в одном ряду с лексемами «бес» и «черт» [Булгакова, Седельникова 2018: 127].

По словам Д. С. Лихачева, концепт «возникает непосредственно не из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным народным опытом. Потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека», следовательно, концептом можно признать только слово, вошедшее в себя «дух народа» [Лихачев 1997: 281]. Национальное сознание и самосознание (дух народа) всегда формируется на основе каких-либо религиозных представлений. В дохристианской Руси не существовало ни единого религиозного сознания, ни единого письменного языка – они возникли благодаря православию, вместе с которым слово «демон» вошло в языковое пространство племен, населявших территорию Руси. К этому времени его первоначальное древнегреческое значение (δαίμων – «божество, дух») уже было переосмыслено византийским христианством и означало «злой духъ, бѣсъ» [Дьяченко 2007: 140].

В этом качестве слово «демон» вошло в церковно-славянский язык, а с появлением в XI в. русской литературы она стала, по наблюдению А. Г. Нуруллиной, частью персонального религиозного сознания писателей, по-особому отражающейся в их языковом сознании [Нуруллина 2011: 64]. В XVIII в. в связи с проникновением в Россию европейской литературы, а затем и внедрением древнегреческого языка в качестве обязательного предмета во всех учебных заведениях средней ступени, первичный и христианский контексты употребления этого слова слились в его разговорный вариант: «...злой духъ, діаволь, сатана, бѣсъ, чортъ, нечистый, лукавый» [Даль 1996: 427]. Очевидно, что Достоевскому были известны и древнегреческий, и церковно-славянский варианты слова «демон», а также примеры его употребления в русской и европейской литературе.

В языках всех народов есть слова, служащие для описания духовного мира, под которым христианство понимает иерархию бессмертных бесплотных существ – духов, на вершине которой вечно сущий Бог¹, а под Ним – девять чинов сотворенных Им духов. Священное Писание рассказывает о том, как один из них, возгордившись, решил стать равным Богу, однако Творец разрушил его замысел и низверг во ад (Ис. 14, 12–15).

С тех пор он стал называться сатаной (дьяволом), а духи, которых ему удалось увлечь за собой, получили имена «демонов», «чертей», «бесов» и т. д. Согласно христианству и некоторым другим религиям светлые и падшие ангелы составляют единый ангельский мир, подчиняющийся Богу. Богословие рассматривает его дифференцированно, но в неспециальной (например, художественной) литературе названия разных разрядов духов нередко употребляются как синонимы.

В основе бытия падших духов – ненависть к Богу и Его творению. Святитель Макарий Великий говорит, что если бы дьяволу «дозволено... было нападать сколько хочет, то истребил бы всех» [Макарий 2004: 171]. Об этом же пишет и святитель Игнатий (Брянчанинов): «Падшие духи так ненавидят род человеческий, что, если бы им было попущено невидимо удерживающею их десницею Божию, то они истребили бы нас мгновенно» [Игнатий 2014: 414]. Повредить Творцу бесы не могут, поэтому обращают всю свою злобу на сотворенный Им мир и прежде всего на того, кто создан по образу и подобию самого Бога – человека. Священное Писание говорит, что главная цель дьявола – уничтожение людей любыми средствами: он «был человекоубийца от начала...» (Ин. 8, 44). Однако пока человек пребывает в единстве с Богом, дух злобы не может причинить ему никакого вреда (Рим. 8, 31). Но как только человек подчиняется какой-то страсти, его душа оказывается незащищенной, и к ней устремляются демоны – духи, «обслуживающие» эти страсти. Многими и разнообразными уловками они поработают разум, чувства и волю человека, превращают его в своего раба и заставляют убивать сначала других людей, а потом и самого себя.

Особенности употребления того или иного слова конкретным человеком определяются его мировоззрением и законами языка. Основу онтологии и гносеологии Достоевского на протяжении всей его жизни составляло православие. Еще в детстве он, как и все русские люди того времени, получил начальное духовное образование, которое впоследствии совершенствовал изучением Священного Писания и святоотеческой письменности. Поэтому писатель всегда относился к духовному миру как к реальности: «Мне кажется, что мир наш – чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслию...» [Достоевский Т. 28, кн. 1: 50]. Факты биографии Достоевского говорят о его природной сензитивности, ставшей условием накопления богатейшего личного опыта взаимодействия с внешним духовным миром. Оно происходило в соответствии с православной гносеологией, согласно которой любое обращение к духовному миру никогда не остается без

последствий. Помня, что даже имя Бога нельзя произносить попусту (Исх. 20, 7), православный человек употребляет имена духов всегда в конкретном значении и только в определенной ситуации. Так поступал и Достоевский – использовал слова, обозначающие падших духов, чрезвычайно осторожно и только тогда, когда иначе выразить мысль во всей полноте было невозможно.

В творчестве писателя слово «демон» встречается 31 раз: в художественных произведениях – 11, в публицистике – 20 (из них 13 – в «Дневнике писателя»). В письмах это слово не используется никогда.

Впервые слово «демон» находим в третьей главе Введения к «Ряду статей о русской литературе», открывающего первый номер журнала «Время» (1861). Достоевский говорит о влиянии Европы на русскую жизнь: «Тогда мы смиренно выслушивали ваши приговоры о нас самих и вам же усердно поддакивали. <...> И сколько у нас проявилось талантливых натур!.. <...> Конечно, являлись между ними и промышленники... Были у нас и байронические натуры» [Достоевский Т. 18: 57–58]. Такой человек «сгорает добром, преисполнен благороднейшего негодования, кипит жаждой деятельности, но действовать ему не дают, его обрезали», и потому «он с **демоническим**² хохотом передергивает в карты и ворует платки из карманов...» [там же: 58–59].

Очевидно, что прилагательное «демонический» используется здесь как часть устойчивого выражения «демонический хохот», и если бы это было единожды, то вполне можно было принять это слово за отдельный яркий эпитет, но у Достоевского оно служит пролегоменой к более сложному рассуждению: «Были у нас и **демоны**, настоящие **демоны**; их было два, и как мы любили их, как до сих пор мы их любим и ценим!» [там же: 59]. Речь идет о Н. В. Гоголе и М. Ю. Лермонтове: «Один из них всё смеялся; он смеялся всю жизнь и над собой и над нами, и мы все смеялись за ним, до того смеялись, что наконец стали плакать от нашего смеха. <...> О, это был такой колоссальный **демон**, которого у вас никогда не бывало в Европе и которому вы бы, может быть, и не позволили быть у себя. Другой **демон** – но другого мы, может быть, еще больше любили. <...> Мы не соглашались с ним иногда, нам становилось и тяжело, и досадно, и грустно, и жаль кого-то, и злоба брала нас», пока, наконец, он где-то не «погиб – бесцельно, капризно и даже смешно. Но мы не смеялись» [там же].

Для православного человека сравнение с демоном всегда имеет отрицательную коннотацию. Полагаем, таким образом Достоевский подчеркивает характер влияния обоих писателей на российское общественное сознание: Гоголь «вы-

водил перед нами приобретателей, кулаков, обирателей и всяких заседателей. Ему стоило указать на них пальцем, и уже на лбу их зажигалось клеймо навеки веков, и мы уже наизусть знали: кто они и, главное, как называются» [там же]. Он владел умами современников, но эта власть, полагает Достоевский, в целом была отрицательна, потому что блаженны не смеющиеся над чужими недостатками, а плачущие о собственном несовершенстве³. Гоголь долго указывал на зло и заставлял смеяться над ним, но от этого зло не исчезало, а как бы пряталось за смех. А когда он попытался указать путь к добру, то ему не поверили и стали смеяться над ним самим.

Лермонтов, по словам Достоевского, «проклинал и мучился, и вправду мучился. Он мстил и прощал, он писал и хохотал – был великодушен и смешон» [там же]. Он не имел такого широкого влияния, как Гоголь, но зато владел умами тех, от кого зависели судьбы многих и многих людей и кого впоследствии стали именовать интеллигенцией: «Наши чиновники знали его наизусть, и вдруг все начали корчить Мефистофелей, только что выйдут, бывало, из департамента» [там же]. Это была, по словам писателя, эпоха «**демонических** начал и самоуличений...» [там же: 60].

Ироничный тон Достоевского скрывает озабоченность важнейшей проблемой российского общества конца 1830-х гг. – появлением западничества – особой идеологической системы, характеризующейся разложением религиозных убеждений, деструкцией национального самосознания и девальвацией фундаментальных нравственных понятий. В отличие от многих современников, Достоевский хорошо сознавал опасность западничества как общественного явления. Он видел, как невинное брюзжание 1840-х гг. постепенно переросло в скептицизм и нигилизм 1850-х, породивших недовольство 1860-х и окончившихся революционным террором. Писатель любил Россию и всю свою жизнь, буквально до последнего дня, неустанно боролся с тем, что ей угрожало. Так, в 1870 г. он писал Н. Н. Страхову: «Нигилисты и западники требуют окончательной плети» [Достоевский Т. 29, кн. 1: 113]. При этом, даже адресуясь к конкретному лицу, Достоевский относился к нему как к представителю определенного общественного направления, следуя словам ап. Павла: «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф. 6, 12). Целью писателя было совлечение с западничества романтических аксессуаров и обнажение его подлинной духовной сущности, основу которой составляла более или менее сознательная вражда против Бога и Его Церкви.

Главной особенностью падшего духа является неспособность любить Бога и сотворенный Им мир. Постоянно ощущая любовь Бога, но не имея сил ответить на нее, дьявол испытывает величайшее и неутолимое страдание. Желая избавиться от него, он восстает на Бога; вечная (до Страшного Суда) борьба с Богом – его естественное состояние. Достоевский неслучайно сказал: «...дьявол с Богом борется...» [Достоевский Т. 14: 100], а не наоборот. Бог есть жизнь (Ин. 14, 6) – вечная, неизменная и неизменяемая, являющаяся причиной всего и имеющая свою причину в самой себе. Бог не есть борьба, потому что жизнь больше борьбы, и всякое желание изменить жизнь без преображения самого себя является характерной чертой демонических сил и их человеческих воплощений – байронизма, мефистофельства и пр.

Глубокое понимание духовных закономерностей цивилизационного развития России и Европы, точная оценка геополитической ситуации, осознание опасности апостасийных процессов, с каждым днем набирающих силу, соединялись в сознании Достоевского с твердой верой в судьбу русского народа. Особые надежды писатель связывал с реформами 1860-х гг.: «Мы как-то вдруг поняли, что всё это мефистофельство, все эти **демонические** начала мы как-то рано на себя напустили, что нам еще рано проклинать себя и отчаиваться...» [Достоевский Т. 18: 60]. Одним из первых результатов этих преобразований стало появление гласности. Иронизируя над штампами либеральной прессы, Достоевский называет ее «благодетельной» [там же]. Он считает, что гласность должна иметь свои границы и потому называет ее «маленьким бесенком, у которого только что прорезались его маленькие, крепкие и здоровые зубенки. Он иногда невпопад кусает; он еще не умеет кусать» [там же: 61]. Писатель верит, что духовное здоровье народа способно противостоять этому «бесёнку»: «Нет, мы не боимся гласности, мы не смущаемся ею. Это всё от здоровья, это всё молодые соки, молодая неопытная сила, которая бьет здоровым ключом и рвется наружу!» [там же].

Таким образом, в ранней публицистике писателя слово «демон» (и его грамматические формы) используется в одном ряду со словами «байронизм», «Мефистофель», «мефистофельство», «бесенок». Все они имеют метафорическое значение и служат для обозначения апостасийных явлений российской действительности.

В следующий раз Достоевский употребит слово «демон» в своей публицистике только через шестнадцать лет, в «Дневнике писателя». Вторая глава декабрьского выпуска за 1877 г. включает главки III «Поэт и гражданин» и IV

«Свидетель в пользу Некрасова». Они представляют собой единый некролог Н. А. Некрасову, в котором Достоевский максимально полно и ясно выразил свое отношение к феномену, о котором много говорили газеты того времени – противоестественном сочетании в личности поэта «печальника горя народного» и оборотистого, предприимчивого дельца.

Противоречие между представлением, сложившимся в результате восприятия творчества писателя, и его реальным нравственным обликом встречается нередко, но именно в случае с Некрасовым оно проявилось с наибольшей силой. Для его преодоления Достоевский предлагает «искренно и беспристрастно» изучить мировоззрение поэта, «и что выяснится, то принять как оно есть, несмотря ни на какое лицо и ни на какие дальнейшие соображения. Тут надо именно выяснить всю суть по возможности, чтобы как можно точнее добыть из выяснений фигуру покойного, лицо его; <...> для того чтоб не оставалось у нас о нем ни малейшего такого недомыслия, которое невольно чернит память, оставляет нередко и на высоком образе недостойную тень» [Достоевский Т. 26: 121]. По словам писателя, еще при первом знакомстве с Некрасовым в 1845 г. «было между нами несколько мгновений, в которые, раз навсегда, обрисовался передо мною этот загадочный человек самой существенной и самой затаенной стороной своего духа. Это именно, как мне разом почувствовалось тогда, было раненное в самом начале жизни сердце, и эта-то *никогда не заживавшая* рана его и была началом и источником всей страстной, страдальческой поэзии его на всю потом жизнь» [там же: 111]. И уже тогда Достоевский обратил внимание «на иные темные неудержимые влечения», преследовавшие Некрасова «всю жизнь» [там же: 112].

По словам писателя, всякий внимательный и беспристрастный взгляд способен заметить в образе Некрасова «нечто мрачное, темное и мучительное бесспорно, потому что – что же означают тогда эти стоны, эти крики, эти слезы его, эти признания, что “он упал”, эта страстная исповедь перед тенью матери?» [там же: 121]. Достоевский полагает, что «суть той мрачной и мучительной половины жизни нашего поэта как бы предсказана им же самим, еще на заре дней его, в одном из самых первоначальных его стихотворений» [там же], оканчивающемся словами «в кармане моем миллион»⁴. И делает вывод: «Миллион – вот **демон** Некрасова!» [там же: 122].

Речь идет о сребролюбии – сильнейшей страсти, об опасности которой предупреждал еще ап. Павел: «...корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от

веры и сами себя подвергли многим скорбям» (1 Тим. 6, 10). Однако у Некрасова, говорит Достоевский, «это был другого характера демон; это был самый мрачный и унижительный бес. Это был **демон** гордости, жажды самообеспечения, потребности оградиться от людей твердой стеной и независимо, спокойно смотреть на их злость, на их угрозы» [Достоевский Т. 26: 122].

Православие считает гордость самой опасной страстью, потому что она не только порождает другие страсти, но и дает человеку иллюзию силы и свободы: ему кажется, что он все может сам, и потому ему никто (даже сам Бог) не нужен. «Я думаю, – продолжает Достоевский, – этот **демон** присосался еще к сердцу ребенка, ребенка пятнадцати лет, очутившегося на петербургской мостовой, почти бежавшего от отца. Робкая и гордая молодая душа была поражена и уязвлена, покровителей искать не хотела, войти в соглашение с этой чуждой толпой людей не желала. <...> Это была жажда мрачного, угрюмого, отъединенного самообеспечения, чтобы уже не зависеть ни от кого» [там же].

В этих словах ясно видна «идея» Аркадия Долгорукого – главного героя романа «Подросток», опубликованного Достоевским в «Отечественных записках» Некрасова в 1875 г. Аркадий, почти утратив веру в возможность достижения любви и справедливости, ищет спасения от окружающего зла в скорлупе собственной исключительности. Он видит в деньгах лучшее средство сделать эту «скорлупу» прочнее: «Мне не нужно денег, или, лучше, мне не деньги нужны; даже и не могущество; мне нужно лишь то, что приобретается могуществом и чего никак нельзя приобрести без могущества: это уединенное и спокойное сознание силы!» [Достоевский Т. 13: 74].

Тем же путем, полагает Достоевский, пошел в свое время Некрасов. И ошибся, потому что «такого ли *самообеспечения* могла жаждать душа Некрасова, эта душа, способная так отзываться на всё святое и не покидавшая веры в него. Разве таким самообеспечением ограждают себя столь одаренные души? Такие люди пускаются в путь босы и с пустыми руками, и на сердце их ясно и светло. Самообеспечение их не в золоте. Золото – грубость, насилие, деспотизм! Золото может казаться обеспечением именно той слабой и робкой толпе, которую Некрасов сам презирал» [Достоевский Т. 26: 122].

Православие знает, что причиной многих бед, преступлений и, в конечном итоге, гибели человека является страсть – болезненно гипертрофированное естественное чувство, возбуждая которое человек испытывает быстропроходящее удовольствие. Характерной особенностью страсти является невозможность *полностью* удовле-

творить ее, и потому все попытки насытить страсть приводят только к ее увеличению. В результате какая-нибудь одна страсть подавляет все другие страсти, а затем – чувства, разум и волю человека⁴. Этим и пытаются воспользоваться падшие духи, «обсуживающие» различные страсти. Они помогают человеку утолять (но не утолить!) страсть, требуя в счет оплаты его свободу. Если человек не начнет сразу бороться со страстями, то рано или поздно попадет под власть демонов и погибнет.

Православная аскетика знает, что в духовном падении человека есть ступень, за которой восстание к Свету уже невозможно. Достоевский полагал, что некогда Некрасов перешагнул ее, а когда впоследствии осознал ошибку, то уже не смог повернуть назад: «...**демон** осилил, и человек остался на месте и никуда не пошел. За то и заплатил страданием, страданием всей жизни своей. В самом деле, мы знаем лишь стихи, но что мы знаем о внутренней борьбе его с своим **демоном**, борьбе несомненно мучительной и всю жизнь продолжавшейся?» [там же: 123]. Но «если, – продолжает Достоевский – будучи не в силах совладать с своим вечным **демоном**, с страстями, победившими его на всю жизнь, он и опять падал, то <...> не возобновлялись ли его стоны и крики еще сильнее в тайные святыи минуты покаяния, – повторялись ли, усиливались ли в сердце его с каждым разом так, что сам он, наконец, мог видеть ясно, чего стоит ему его **демон** и как дорого заплатил он за те блага, которые получил от него» [там же].

Гордость породила обособление, средством достижения которого стало сребролюбие. Лучшие годы своей жизни Некрасов потратил на то, чтобы богатством обеспечить себе независимость от несправедливого мира, а когда осознал глубокую ошибочность избранного пути и попытался остановиться – было уже поздно. Однако, говорит Достоевский, никто не имеет права судить его: «Сами-то мы каковы, каждый-то из нас? Мы только не говорим лишь о себе вслух и прячем нашу мерзость, с которою вполне миримся, внутри себя. Поэт плакал, может быть, о таких делах своих, от которых мы бы и не поморщились, если б совершили их» [там же: 124]. Писатель уверен, что Некрасов боролся со своим демоном по мере сил, и никто не может требовать от него большего, чтобы он, например, поступил «как тот древний пещерский многострадалец⁵, который, тоже будучи не в силах совладать с змием страсти, его мучившей, закопал себя по пояс в землю и умер, если не изгнав своего демона, то, уж конечно, победив его» [Достоевский Т. 26: 124]. Подвиг Некрасова был в другом – он принял данное ему Богом страдание как

заслуженное наказание, уподобившись благодарному разбойнику, сказавшему: «...мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли...» (Лк. 23, 41).

Как видим, Достоевский использует слово «демон» в публицистике очень локально, в двух конкретных случаях, разделенных во времени шестнадцатью годами. Несмотря на некоторые отличия, эти случаи объединяет общая христианская онтология, согласно которой демон есть враждебный человеку дух, способный влиять на его жизнь, а через нее – и на жизнь всего народа.

Рассмотрим особенности употребления слова «демон» в художественном творчестве писателя. В повести «Хозяйка» (1847) читаем: «Что? зарежет небось? – проговорил Ордынов, не помня себя от бешенства. Словно демон его шепнул ему на ухо, что он ее понял...» [Достоевский Т. 1: 310]. Использование слова «демон» в связке с притяжательным местоимением указывает на то, что Ордынова искушает не вообще какой-то дух, а его *личный* демон. Герой полностью отдался страсти сластолюбия, для удовлетворения которой демон заставил его преступить сначала человеческий, а затем и Божий закон.

В романе «Идиот» слово «демон» встречается *шесть* раз в одном фрагменте V главы второй части, описывающем сложные духовные процессы, проходящие в душе Мышкина. В ходе только что состоявшегося разговора с Рогожиным неоднократно возникала мысль о том, что брак с ним означает для Настасьи Филипповны неминуемую смерть. Мышкин воспринимает эту вероятность совершенно реально, он понимает, что Рогожин готов убить Настасью Филипповну и обязательно это сделает: «Своих мыслей об этом я от тебя никогда не скрывал и всегда говорил, что за тобою ей непременно гибель. Тебе тоже погибеть... может быть, еще пуше, чем ей» [Достоевский Т. 8: 173]. Но при этом Мышкин не делает ничего, что могло бы предотвратить преступление: «Если бы вы опять разошлись, то я был бы очень доволен; но расстраивать и разлаживать вас сам я не намерен. Будь же спокоен и не подозревай меня» [там же]. Более того, он как бы разрешает Рогожину совершить убийство: «Парфен, я тебе не враг и мешать тебе ни в чем не намерен»; «Я тебе всё-таки мешать не буду...» [там же: 173, 177]. Мышкин фактически становится соучастником преступления и даже из рук в руки передает убийце орудие преступления – нож с оленьим черенком [там же: 180].

Преступление поставило Мышкина на грань видимого и невидимого мира. Он не имел духовного опыта, не понимал, что с ним происходит и пытался объяснить происходящее «естественными» причинами: «Через припадок и весь этот

мрак, через припадок и “идея”!» [там же: 191]. Однако Мышкин подменяет причину следствием – возвращение болезни явилось результатом совершенного преступления. Но еще более важным ее итогом стало повреждение духовной сферы личности преступника. К образовавшейся ране немедленно устремились духи зла, что сразу почувствовал Мышкин: «Мне начинает всё что-то мерещиться» [там же: 171]. Голос автора снимает все двусмысленности и «естественные» объяснения: «...уж конечно, его что-то преследовало, и это была действительность, а не фантазия, как, может быть, он склонен был думать» [там же: 186]. С каждым мгновением бесовское обстояние делается все более явным: «...он вдруг как бы что-то припомнил, как бы что-то внезапно сообразил, очень странное, что-то уж долго его беспокоившее. Ему вдруг пришлось сознательно поймать себя на одном занятии, уже давно продолжавшемся, но которого он всё не замечал до самой этой минуты: вот уже несколько часов, еще даже в “Весках”, кажется даже и до “Весов”, он нет-нет и вдруг начинал как бы искать чего-то кругом себя. И забудет, даже надолго, на полчаса, и вдруг опять оглянется с беспокойством и ищет кругом» [там же: 186–187].

Пытаясь объяснить происходящее болезнью, Мышкин вспоминал, как во время припадков болезни ему приходилось испытывать «грусть, душевный мрак» и «давление». Он без сопротивления отдавался этому состоянию до того момента, как безо всяких усилий с его стороны «ум, сердце озарялись необыкновенным светом; все волнения, все сомнения его, все беспокойства как бы умиротворялись разом, разрешались в какое-то высшее спокойствие, полное ясней, гармоничной радости и надежды, полное разума и окончательной причины» [там же: 188]. Православие советует относиться к такого рода «озарениям» осторожно, следуя принципу «не отвергай, но и не принимай». Оно знает, что порой и «сам сатана принимает вид Ангела света»⁶ (2 Кор. 11, 14), а потому призывает людей к духовной бдительности: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» (Мк. 14, 38), «Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они...» (1 Ин. 4, 1). По этому поводу свят. Игнатий (Брянчанинов) пишет: «Учение о вышесказанной осторожности и о спасительной недоверчивости к явлениям духов принято всею Церковью: оно есть одно из ее нравственных Преданий, которые чада ее должны хранить тщательно и неупустительно» [Игнатий 2014: 414]. Иначе вполне может оказаться, что человек примет за Божественный свет отблеск адского огня, о чем и говорит преп. Григорий Синаит в наставлении духовному

чаду: «Никогда не принимай, если что увидишь чувственное или духовное, вне или внутри, хотя бы то был образ Христа или ангела, или святого какого, или бы свет мечтался и печатлелся в уме. Ум и сам по себе естественную имеет силу мечтать и может легко строить призрачные образы того, что вожделевает, у тех, кои не внимают сему опасно и таким образом сами себе причиняют вред» [Григорий 2010: 281].

Описывая духовное состояние своего героя, Достоевский предельно ясно расставляет акценты, используя характерную лексику: «...вдруг как бы что-то разверзлось пред ним: необычайный *внутренний* свет озарил его душу» [Достоевский Т. 8: 195]. «Разверзаются» перед человеком адовы бездны; душу его озаряет свет, о котором Христос говорит: «Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?» (Мф. 6, 23). Для того чтобы понять природу какого-либо духовного явления, святитель Игнатий (Брянчанинов) советует внимательно взглянуть на его плоды: «Вообще и помыслы, и сердечные ощущения, и чудесные явления бесовские познаются по плодам их, по производимому ими действию в душе...» [Игнатий 2014: 416]. Достоевский пишет, что яркие мгновения «высочайших минут» [Достоевский Т. 8: 188], переживаемых Мышкиным за мгновение перед припадком, всегда оканчивались «страшным воплем», «отупением, душевным мраком, идиотизмом» [там же: 195, 188]. Неудивительно, что, «раздумывая об этом мгновении впоследствии, уже в здоровом состоянии», Мышкин «часто говорил сам себе: что ведь все эти молнии и проблески высшего самоощущения и самосознания, а стало быть и “высшего бытия”, не что иное, как болезнь, как нарушение нормального состояния, а если так, то это вовсе не высшее бытие, а, напротив, должно быть причислено к самому низшему» [там же: 188].

В христианской онтологии понятия «высшее» и «низшее» бытие могут означать только «Царство Небесное» (т. е. Бога и светлых духов) и «ад» (сонмище падших духов). Каждый человек находится как бы на лестнице, одним концом уходящей в адовы бездны, а другим – в Царство Небесное, и куда идти – решает только он сам. Свой выбор делает и Мышкин: «...Что же в том, что это болезнь? – решил он наконец. – Какое до того дело, что это напряжение ненормальное, если самый результат, если минута ощущения, припоминаемая и рассматриваемая уже в здоровом состоянии, оказывается в высшей степени гармонией, красотой, дает неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и восторженного молитвенного слития с самым высшим синтезом жизни?» [там же]. Если прежде Мышкин еще колебался в том, принять

или не принять эту «минуту», то теперь демон смог легко убедить его в том, что имеет значение лишь само переживание счастья, а не его причина. Князь дорожит этим специфическим эмоциональным переживанием: «В том же, что это действительно “красота и молитва”, что это действительно “высший синтез жизни”, в этом он сомневаться не мог, да и сомнений не мог допустить» [там же]. Он не мог, то есть *не хотел* допустить сомнений, потому что один миг «восторженного молитвенного слития» являлся источником такого наслаждения, за которое он был готов «отдать всю жизнь!» [там же]. В глубине души он догадывался, что «в выводе, то есть в его оценке этой минуты, *без сомнения* (курсив наш. – О. С.) здесь указано, заключалась ошибка...» [там же], однако отказаться от соблазна он уже не мог: «...эта секунда, по беспредельному счастью, им вполне ощущаемому, пожалуй, и могла бы стоить всей жизни» [там же: 189].

Мышкин сделал свой выбор и тем самым открыл демону доступ к своей душе. Падший дух не преминул этим воспользоваться, и скоро князь начинает почти физически ощущать его присутствие. Заметим, что автор дезавуирует попытки демона убедить Мышкина в том, что происходящее с ним вызвано естественными (медицинскими или психологическими) причинами, «одним только необыкновенным усилением самосознания...» [там же: 188]. Он ясно говорит, что «ведь не видения же какие-нибудь снились ему в этот момент, как от хашиша, опиума или вина, унижающие рассудок и искажающие душу, *ненормальные и несуществующие*... (курсив наш. – О. С.)» [там же].

По словам преп. Иоанна Лествичника, «все бесы покушаются сначала помрачить наш ум, а потом уже внушают то, что хотят» [Иоанн 2013: 226]. Мышкин пытался не слушать «нашептывания» демона и «прилеплялся воспоминаниями и умом к каждому внешнему предмету, и ему это нравилось: ему все хотелось что-то забыть, настоящее, насущное...» [Достоевский Т. 8: 189]. Однако, замечает писатель, «в теперешнем его созерцательном состоянии была для него какая-то приманка» [там же]. Это очень точное слово: разум Мышкина *приманен*, уловлен демоном настолько, что «при первом взгляде кругом себя он тотчас же опять узнавал свою мрачную мысль, мысль, от которой ему так хотелось отвязаться» [там же]. Это – мысль об убийстве, которое должен совершить Рогожин.

Демону нужно, чтобы убийство стало реальностью внутреннего мира Мышкина, воплотилось в его сознании. Он заставляет князя вспомнить «об одном недавнем чрезвычайно странном убийстве, наделавшем шуму и разговоров» [До-

стоевский Т. 8: 189], и как только это произошло, с князем «вдруг опять случилось что-то особенное. Чрезвычайное, неотразимое желание, почти соблазн, вдруг оцепенили всю его волю» [там же]. Предваряя все возможные медицинские и психологические объяснения происходящего, Достоевский использует специфический термин православной аскетики – «соблазн», под которым понимается «духовное преткновение, петля и сѣть, т. е. такие вещи, которыя насъ на пути жизни вѣчной могутъ нѣсколько остановить, или и вовсе препятствовать къ спасению» [Дьяченко 2007: 626]. О том, что это не субъективное эмоционально-психологическое переживание Мышкина, а действие злого духа, говорит использование писателем особого лексического приема, при котором подлежащее употребляется в форме единственного числа, а сказуемое – в форме множественного: «желание, почти соблазн, вдруг оцепенили». Подобный прием используется в Евангелии: «...Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека. И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много» (Мк. 5, 8–9).

Демон пытается убедить Мышкина, что все происходящее с ним имеет «естественные» причины, и князь верит ему, видя в Настасье Филипповне «признаки безумия» [Достоевский Т. 8: 191], а в себе самом – болезнь: «Да, болезнь его возвращается, это несомненно; может быть, припадок с ним будет непременно сегодня. Чрез припадок и весь этот мрак, чрез припадок и “идея”!». Ему кажется, что все разрешилось само собой: «Теперь мрак рассеян, демон прогнан, сомнений не существует, в его сердце радость!» [там же]. Однако Мышкин не знает, что нечистый дух «изгоняется только молитвою и постом» (Мф. 17, 21), а если он вдруг исчезает сам, то делает это лишь для того, чтобы убедить свою жертву в том, что все происходящее с ним объясняется случайностью и «естественными» причинами. Как только человек начинает верить в это, он перестает сопротивляться и делается легкой добычей. Поэтому демон только сделал вид, что исчез, он как бы спрятался за мыслью, которую сам «нашептал» Мышкину.

Как только князь поверил демону, он оказался в полной его власти, и теперь духу зла уже не нужно прятаться. Иллюзия разрушилась, и Мышкин увидел, что «странный и ужасный демон привязался к нему окончательно и уже не хотел оставлять его более. Этот демон шепнул ему в Летнем саду, когда он сидел, забывшись, под липой, что если Рогожину так надо было следить за ним с самого утра и ловить его на каждом шагу, то, узнав, что он не поедет в Павловск... Рогожин непременно пойдет туда, к то-

му дому, на Петербургской, и будет непременно сторожить там его...» [там же: 193]. Только доедя до дома Настасьи Филипповны, Мышкин понял, в какую беду попал. Он в последний раз попытался вырваться из-под власти своего демона – «повернулся и пошел назад в свою гостиницу» [там же: 192]. Но, говорит писатель, это был уже совсем не тот человек, который «отрекся... сам от своего демона, еще идя туда, на половине дороги...» [там же: 193]. С ним «произошла опять, и как бы в одно мгновение, необыкновенная перемена: он опять шел бледный, слабый, страдающий, взволнованный; колена его дрожали, и смутная, потерянная улыбка бродила на посинелых губах его...» [там же: 192]. Все мечты, фантазии и «естественные» объяснения исчезли в один момент: «“внезапная идея” его вдруг подтвердилась и оправдалась, и он опять верил своему демону!» [там же].

Возле дома Настасьи Филипповны князь увидел Рогожина, и эта встреча не была случайной. Подобно режиссеру, нечистый дух подводит свой спектакль к развязке: «...теперь, у дома, он (Рогожин. – О. С.) стоял <...>, скрестив руки, и ждал. Тут уже он был совсем на виду и, кажется, нарочно хотел быть на виду. Он стоял как обличитель и как судья, а не как... А не как кто?» [там же: 193]. Рогожин стоял как палач, и Мышкин знал, что сам дал ему на это право, сказав, что приехал «не за тем», чтобы увидеть Настасью Филипповну. Он обманул и себя, потому что так и не взял Рогожина за руку и не пошел вместе с ним в светлое будущее [там же: 191]. Он мог бы это сделать и здесь, возле дома Настасьи Филипповны, но опять «повернул от него, как бы ничего не заметив, хотя глаза их и встретились» [там же: 193]. В этом взгляде Мышкин прочел свой приговор, и теперь «смутная, потерянная улыбка бродила на посинелых губах его...» [там же: 192].

О неизбежности того, что должно произойти, говорит третье упоминание грозы: «...надвинувшаяся грозовая туча поглотила вечерний свет, и в то самое время, как князь подходил к дому, туча вдруг разверзлась и пролилась» [там же: 194]. Хлынувший ливень окончательно отсекает Мышкину возможность спасения, и он бросился вперед, подбежал к Рогожину, схватил его за плечи и повернул «ближе к свету», чтобы «яснее... видеть лицо» [там же: 195]. В тусклом вечернем свете «глаза Рогожина засверкали, и бешеная улыбка исказила его лицо» [там же]. Эпитетом «бешеный» Достоевский снимает все неопределенности: перед Мышкиным стоит принявший обличье его названного брата враг рода человеческого: «Правая рука его поднялась, и что-то блеснуло в ней; князь не думал ее останавливать.

Он помнил только, что, кажется, крикнул: “Парфен, не верю!..”» [Достоевский Т. 8: 195]. С одной стороны, этот крик – отчаянное желание не принимать очевидное. С другой – констатация собственного духовного состояния, потому что Мышкин не смог предотвратить случившееся именно потому, что не имел веры⁷.

В романе с характерным названием «Бесы» слово «демон» встречается *четыре* раза и всегда – в отношении главного героя. Первый раз – в главе «Премудрый змей», название которой с очевидностью восходит к одной из номинаций дьявола в Священном Писании: «Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог...» (Быт. 3, 1). Варвара Петровна мечтает о том, что если бы рядом с ее сыном был верный друг, «то, может быть, он давно уже был бы спасен от грустного и “внезапного демона иронии”, который всю жизнь терзал его. (О демоне иронии опять удивительное выражение ваше, Степан Трофимович.)...» [Достоевский Т. 10: 151]. Мать невольно раскрывает главную тайну своего сына – уже долгое время его мучает демон какой-то страсти. Затем та же мысль звучит в сцене разговора Ставрогина с Дашей: «Знаете, мне со вчерашней ночи ужасно хочется смеяться, всё смеяться, непрерывно, долго, много. Я точно заряжен смехом...» [там же: 231]. Писатель находит точное слово: Ставрогин не сам смеется, смех существует в нем как бы сам по себе, как нечто чужое, вложенное кем-то. Православие называет такое состояние одержимостью, проникновением демона в человеческую душу. Это понимает Даша: «Да сохранит вас Бог от вашего демона...» [там же]. Но Ставрогин уже утратил способность адекватно воспринимать окружающее и даже на пороге смерти не замечает опасности: «О, какой мой демон! Это просто маленький, гаденький, золотушный бесенок с насморком, из неудавшихся» [там же]. Заметим, что здесь также используются притяжательные местоимения, указывающие на то, что герой романа находится под властью демона, «обслуживающего» его главную страсть – гордость.

Приведенные примеры показывают, что Достоевский употребляет слово «демон» в строгом соответствии с православной демонологией, согласно которой демон – дух, занимающий определенное положение в иерархии падших ангелов, главной целью которых является гибель человека. Заметим, что условность художественной речи позволяет использовать данный концепт в его прямом значении, тогда как нормы публицистической речи ограничивают такую возможность и требуют метафорического применения, но даже в этих случаях указанный концепт сохраняет свое основное значение.

Примечания

- ¹ Ср.: «Бог есть дух» (Ин. 4, 24).
- ² Выделение полужирным шрифтом в цитатах здесь и далее наше, курсив принадлежит Достоевскому.
- ³ Ср.: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5, 4).
- ⁴ Баллада «Секрет» (1851).
- ⁵ Речь идет о преп. Иоанне Многострадальном Печерском, XII в.
- ⁶ Поэтому одно из имен дьявола – Люцифер (от лат. *lucifer* – «светоносный»).
- ⁷ Ср.: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: “перейди отсюда туда”, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас...» (Мф. 17, 20).

Список литературы

- Булгакова Н. О., Седельникова О. В. Концептосфера романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: к определению базового концепта и его функции в поэтике романа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 125–146.
- Григорий Синаит, преподобный. Наставление безмолвствующим // Добротолубие. М.: Артос-Медиа: Неугасимая лампада, 2010. Т. 5. С. 272–286.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А–З. СПб.: ТОО «Диамант», 1996. 800 с.
- Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Дьяченко Григорий, протоиерей. Полный церковно-славянский словарь. М.: Изд-во «Отчий дом», 2007. 1121 с.
- Жулякова Э. М. Демонические герои // Достоевский: Эстетика и поэтика: словарь-справочник / сост. Г. К. Щенников, А. А. Алексеев. Челябинск: Металл, 1997. 272 с.
- Игнатий (Брянчанинов), святитель. Полное собрание сочинений и писем: в 8 т. 2-е изд., испр. и доп.: Письма: в 3 т. М.: Паломник, 2011; Творения: в 5 т. Т. 2. М.: Паломник, 2014. 704 с.
- Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица, возводящая на небо. 8-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. 592 с.
- Касаткина Т. А. Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М.: Водолей, 2019. 336 с.
- Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М.: Academia, 1997. С. 280–288.
- Макарий Великий, преподобный. Духовные беседы, послания и слова. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2004. 400 с.

Нуруллина А. Г. Концепты «Бог», «Дьявол», «Небо», «Душа» в религиозной картине мира // *Lingua mobilis*. 2011. № 5(31). С. 64–72.

Сараскина Л. Федор Достоевский. Одоление демонов. М.: Согласие, 1996. 462 с.

Скоропадская А. А. Семантика евангельского эпиграфа к роману «Бесы» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 4. С. 209–228.

References

Bulgakova N. O., Sedel'nikova O. V. Kontseptosfera romana F. M. Dostoevskogo 'Besy': k opredeleniyu bazovogo kontsepta i ego funktsii v poetike romana [The sphere of concepts of the novel 'Demons' by F. M. Dostoevsky: On revealing the main concept and its function in the poetics of the book]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2018, issue 54, pp. 125–146. (In Russ.)

Grigoriy Sinait, Rev. Nastavlenie bezmolvstvuyushhim [Preaching to those silent]. *Dobrotolyubie* [Philokalia]. Moscow, Artos-Media: Neugasi-maya lampada Publ., 2010, vol. 5. 557 p. (In Russ.)

Dal V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 vols.]. St. Petersburg, 'Diamant' Publ., 1996, vol. 1. A–Z. 800 p. (In Russ.)

Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

D'yachenko Grigoriy, Protopriest. *Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar'* [Complete Church Slavonic Dictionary]. Moscow, 'Otchiy dom' Publ., 2007. 1121 p. (In Russ.)

Zhilyakova E. M. Demonicheskie geroi [Demonic heroes]. *Dostoevskiy: Estetika i poetika: Slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Aesthetics and Poetics: Reference Book]. Comp. by G. K. Shchennikov, A. A. Alekseev. Chelyabinsk, Metall Publ., 1997. 272 p. (In Russ.)

Ignatiy (Bryanchaninov), Prelate. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 8 t.* [Complete collection of works and letters: In 8 vols.]. 2nd ed., revised and enlarged: Pis'ma: v 3 t. [Letters: In 3 vols.]. Moscow, Palomnik Publ., 2011; Tvoreniya: v 5 t. [Works: In 5 vols.]. Moscow, Palomnik Publ., 2014, vol. 2. 704 p. (In Russ.)

Ioann Lestvichnik, Rev. *Lestvitsa, vozvodyashchaya na nebo* [Stairs Leading to Heaven]. Moscow, Sretensky Monastery Publ., 2013. 592 p. (In Russ.)

Kasatkina T. A. *Dostoevskiy kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyy sposob vyskazyvaniya* [Dostoevsky as a Philosopher and Theologian: Artistic Method of Expression]. Moscow, Vodoley Publ., 2019. 336 p. (In Russ.)

Likhachov D. S. *Kontseptosfera russkogo yazyka* [The sphere of concepts of the Russian language]. *Russkaya slovesnost' Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: antologiya* [Russian Art of Words. From the Theory of Art of Words to the Text Structure: Anthology]. Moscow, Academia Publ., 1997, pp. 280–288. (In Russ.)

Makariy Velikiy, Rev. *Dukhovnye besedy, poslaniya i slova* [Spiritual Conversations, Messages and Words]. Moscow, Sretensky Monastery Publ., 2004. 400 p. (In Russ.)

Nurullina A. G. Kontsepty 'Bog', 'D'yavol', 'Nebo', 'Dusha' v religioznoy kartine mira [Concepts 'God', 'Devil', 'Heaven', 'Soul' in the religious world view]. *Lingua Mobilis*, 2011, issue 5(31), pp. 64–72. (In Russ.)

Saraskina L. *Fedor Dostoevskiy. Odolenie demonov* [Fyodor Dostoevsky. Overpowering Demons]. Moscow, Soglasie Publ., 1996. 462 p. (In Russ.)

Skoropadskaya A. A. Semantika evangel'skogo epigrafa k romanu 'Besy' Dostoevskogo [Semantics of the gospel epigraph to F. M. Dostoevsky's 'Demons']. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, issue 4, pp. 209–228. (In Russ.)

THE CONCEPT 'DEMON' IN THE WORKS BY FYODOR DOSTOEVSKY

Oleg I. Syromyatnikov

Professor in the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. pani_perm@list.ru

Professor in the Department of Social Sciences, Humanities and Professional Disciplines

Perm Institute of the Federal Penal Service

125, Karpinskogo st., Perm, 614012, Russian Federation. pani_perm@list.ru

SPIN-code: 9651-1120

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4826-3857>

Submitted 07.02.2021

The article deals with the concept 'demon' in the works by Fyodor Dostoevsky. It is found in various grammatical forms in the writer's works published in magazines in 1861 and 1877, in the story *The Mistress*, as well as in the novels *The Idiot* and *Demons*. In Dostoevsky's letters, this concept is not given a single mention. The paper reveals a number of specific features in the use of the concept by the writer. First, locality and compactness – the concept is always used within the same topic (in works published in magazines) or scene (in fiction). Second, the concept does not have any romantic connotation traditional for European and Russian literature; the writer always uses it in its main meaning fixed by the Church Slavonic language, where a demon is understood as an immaterial intelligent creature that is hostile to man. We consider these features to be related to the writer's Orthodox worldview, which determined his ontology, epistemology and speech tactics. According to the Orthodox tradition, the use of the names of evil spirits should be extremely limited, therefore Dostoevsky used this concept only when it was impossible to express the idea otherwise without loss of meaning.

In the writer's works published in magazines in 1861, the concept 'demon' is represented through the lexemes 'Mephistopheles' and 'mephistophelity', which serve to denote the apostasy processes of the Russian reality contemporary with the writer. In the novel *Demons*, this concept is represented through the lexeme 'imp', used to denote the spirit of the lower hierarchy in relation to a demon.

The paper concludes that the concept 'demon' and the subordinate lexemes are used by Dostoevsky to depict the spiritual state of a character or to identify the spiritual causes of a particular social phenomenon.

Key words: concept; demon; Fyodor Dostoevsky; Nikolay Nekrasov; *The Mistress*; *The Idiot*; *Demons*.

УДК 821(7)–2

doi 10.17072/2073-6681-2021-2-132-141

ЛИЛИАН ХЕЛЛМАН В СОВЕТСКОМ ТЕАТРАЛЬНОМ МИРЕ

Ольга Ивановна Щербинина

аспирант кафедры зарубежной литературы

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. olga-scherbinina24@mail.ru

SPIN-код: 6716-0197

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2102-547X>

Статья поступила в редакцию 16.02.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:*Щербинина О. И.* Лилиан Хеллман в советском театральном мире // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 2. С. 132–141. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-132-141**Please cite this article in English as:**Shcherbinina O. I. Lilian Khellman v sovetskom teatral'nom mire [Lillian Hellman and the Soviet Theater]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 2, pp. 132–141. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-132-141 (In Russ.)

В статье рассматриваются контакты американского драматурга Лилиан Хеллман с советским театральным миром: восстанавливается история постановок ее пьес на советской сцене, приводятся воспоминания актеров о работе над американским материалом, рецензии критиков на премьерные показы. На примере более чем двадцатилетней театральной судьбы Хеллман в СССР прослеживаются менявшиеся культурные и идеологические установки Советского Союза. Выполняя роль культурного эмиссара во время Второй мировой войны, Хеллман побывала в Москве, где ее встретили как дорогого гостя, а ее пьесы поставили на сценах сразу двух крупнейших театров. С началом холодной войны драмы «Лисички» и «Семья Фарелли теряет покой» исчезли из репертуара. Удивительным образом пьеса Хеллман с подчеркнuto «западным» названием «Леди и джентльмены» прошла театральную цензуру в разгар антиамериканской пропагандистской кампании, хоть постановка и получила негативные отзывы журнальных рецензентов. В 1960-х гг. Хеллман вновь возвращается в Москву, где встречается с Раисой Орловой и Львом Копелевым. Примета культурного и политического ландшафта того времени – появление и борьба диссидентского движения, к которому Хеллман испытала глубокое сочувствие. О диссидентах драматург писала и говорила на родине в США, а переписку с Р. Орловой продолжала практически вплоть до своей смерти в 1984 г. Таким образом, творческая биография Хеллман представляет собой траекторию послевоенного «ренегатства» в отношении СССР: начиная с просталинистских позиций, впоследствии она отказалась от поддержки социализма в его советском изводе.

Ключевые слова: Лилиан Хеллман; СССР; антифашистская драма; советская критика; диссиденты; «Стража на Рейне», «Лисички».

Сценический дебют американского драматурга Лилиан Хеллман (1905–1984) пришелся на «красные тридцатые». В это время в Нью-Йорке с успехом идут пьесы с выраженной социально-политической проблематикой, такие как, например, «В ожидании Лефти» (1935) К. Одетса, «Восторг идиота» (1936) Р. Шервуда. Именно на таком фоне Хеллман выступает с пьесой «Детский час» (1934), в которой главных действующих

лиц – хозяйек пансиона для девочек – ложно обвиняют в противоестественном чувстве друг к другу. Казалось бы, строящийся вокруг лесбийских отношений сюжет – неподходящий материал для драматурга, пьесы которого будут ставиться на советской сцене на протяжении двадцати лет. Однако именно Хеллман в числе очень немногих авторов представляла американский театральный мир в СССР на протяжении

1940-х, а затем и в эпоху оттепели вплоть до 1970-х гг.

Вопрос о том, состояла ли Хеллман в компартии США, остается открытым. Доподлинно известно, что на заседании комиссии по расследованию антиамериканской деятельности в 1952 г. она отрицала свою принадлежность к партии [Not Now Communist 1952]. Тем не менее на протяжении многих лет Хеллман оказывала разнобразную поддержку левым организациям, выступала в защиту интербригад в Испании, входила в состав Национального совета американо-советской дружбы, была членом Лиги американских писателей, тесно общалась со многими членами КП США, в частности, состояла в отношениях с писателем и коммунистом Дэшилом Хэмметом.

Творчество Хеллман активно исследуется на Западе. Анализ ее пьес составляет неотъемлемую часть монографий, посвященных американской драме 1930–1950-х гг. [Wertheim 2004; Southern Women Playwrights 2002]. Более того, к настоящему моменту накопился значительный массив биографических исследований, выполненных в рамках историко-функционального подхода [Gallagher 2014; Griffin, Thorsten 1999]: в таких работах периодически возникает тема контактов Хеллман с СССР, однако материал, вводимый в научный оборот, оказывается ограничен либо временными (например, Дж. Микенберг освещает события 1937–1945 гг. [Mickenberg 2017]), либо тематическими рамками (сюжет книги Ньюмана строится вокруг романтических отношений Хеллман с Мелби, начавшихся в Москве в 1944 г. [Newman 1989]). В России интерес к теме советских контактов американских писателей стабильно растет, и на сегодняшний день творчество Хеллман рассматривается сквозь призму чеховской театральной традиции [Коваленко 2010], американской радикальной литературы [Гиленсон 2017], контактов с Р. Орловой [Абросимова 2019].

В Советском Союзе Лилиан Хеллман побывала четыре раза: впервые в Москву она приехала в 1937-м на театральный фестиваль; в военном 1944-м чтобы добраться до советской столицы, ей пришлось пересечь на неисправном малогабаритном самолете всю Сибирь [Hellman 1979: 140]; следующая поездка Хеллман в Москву состоялась после двадцатилетнего перерыва – в 1966 г.; в последний раз писательница прибыла в СССР в мае 1967 г.

О первом визите Хеллман в СССР практически не осталось свидетельств. В 1937 г. она была еще малоизвестным драматургом, поэтому ее прибытие на международный театральный фестиваль в сентябре осталось не замеченным со-

ветскими журналистами. Кроме того, начало Большого террора способствовало тому, что число гостей и освещение этого события в прессе оказались гораздо более скромными в сравнении с предшествующими фестивалями 1934, 1935, 1936 гг. Об этой поездке Хеллман писала в своей книге воспоминаний: «Московский театральный фестиваль мне не понравился. Исключением была постановка Гамлета, в которой толстый молодой человек, находящийся в состоянии оцепенения, играл роль принца... Я даже не знала, что в то время свирепствовали партийные чистки. Поэтому я часто задавалась вопросом, как такое могло произойти. Я виделась со многими дипломатами и журналистами, но все они, кроме Уолтера Дюранти и Джозефа Барнса, несли какую-то чушь. Поэтому было невозможно уразуметь, кто выдвигает настоящие обвинения, а кто клеветает из ненависти» [Hellman 1979: 91].

В 1944 г. Хеллман командировали в СССР с союзнической миссией осветить события на восточном фронте. К тому времени она уже была известна как сценарист просоветского голливудского фильма «Северная звезда», прославляющего партизанскую борьбу украинских колхозников против фашистских захватчиков. В 1944 г. фильм шел в прокате в московских кинотеатрах, при этом на афишах непременно стоял подзаголовок «сегодня и ежедневно». Лично побывав на фронте с Раисой Орловой, которая впоследствии стала ее многолетней подругой по переписке, Хеллман с присущей ей раскрепощенностью окунулась и в богемную жизнь, свидетелем которой она стала, поселившись в особняке Второва. В своей книге воспоминаний «Незаконченная женщина» она красочно описывает эскапады своих соседей, в частности то, как торговцы мехом пытались нелегально отправить за границу русскую проститутку, спрятав ее в гроб [Hellman 1979: 156–157].

В Москве Хеллман оказалась вхожа в элитные круги театралов и чиновников: она свела близкое знакомство с С. Эйзенштейном, председателем ВОКСа В. Кеменовым, заместителем наркома иностранных дел СССР М. Литвиновым, актрисой Ф. Раневской, режиссером Н. Охлопковым и др. Во время пребывания Хеллман в Москве сразу два советских театра взяли за постановку ее пьес: труппа Московского театра драмы приступила к работе над «Лисичками» (Little Foxes, 1939), а на сцене театра Ленинского комсомола в феврале 1945 г. состоялась премьера драмы «Семья Ферелли теряет покой» – в США она шла под названием «Стража на Рейне» (Watch on the Rhine, 1941).

Впервые «Стража на Рейне» была поставлена в Нью-Йорке в апреле 1941 г. Действие пьесы разворачивается в богатом доме в Вашингтоне,

куда после двадцати лет разлуки возвращается дочь Фанни Ферелли – Сара. Оказывается, Сара замужем за немцем Куртом Мюллером, который ведет подпольную антифашистскую деятельность. В столкновении сытой, обеспеченной, безопасной жизни Фанни и полного тягот, тревог, нужд существования семьи Курта состоит главная коллизия пьесы. Большинство американских критиков очень высоко оценило «Стражу на Рейне». Так, обозреватель “Time” отмечал, что Хеллман удалось написать антифашистскую пьесу, не изобразив ни единого фашиста [New Play in Manhattan 1941], а видный критик Брукс Аткинсон хвалил работу Хеллман за отсутствие грубого дидактизма и пропагандистских лозунгов: «В “Страже на Рейне” едва ли упоминается хоть один политический факт. Мисс Хеллман не бьет в барабаны ради идеи. Она не призывает к действию. Она пишет пьесу о людях в Америке, для которых зло фашизма – всего лишь черное облако, которое на минуту закрывает солнце» [Atkinson 1941]. Схожим образом высказалась и Элеонора Рузвельт: «На протяжении всей пьесы меня не покидала мысль о том, что эта семья символизирует всю нашу страну, и то, насколько мы не осведомлены об опасностях и ужасах, окружающих нас» [Roosevelt 1941].

Пьесу Хеллман можно рассматривать в контексте кампании левого американского движения по вступлению во Вторую мировую войну. До нападения на Перл Харбор в декабре 1941 г. многие деятели культуры и литературы предупреждали об опасности сохранения нейтралитета и изоляционистской позиции. Так, в 1940 г. «Полет на Запад» Элмера Райса был поставлен на Бродвее, популярный драматург Роберт Шервуд получил Пулитцеровскую премию за пьесу «Да сгинет ночь», в октябре 1941 г. Стейнбек принялся за написание своей антифашистской пьесы «Луна зашла». Позиция американских коммунистов по данному вопросу шла вразрез с мнением многих американских интеллектуалов. Как отмечал в своей устной автобиографии писатель Альберт Мальц, долгие годы состоявший в компартии, в начале войны, пока еще оставался в силе советско-германский пакт, КП США «выступила против решения Рузвельта отправлять самолеты на помощь Британии, против ленд-лиза. “Янки не придут” – таков был слоган партии... Затем КП кардинально изменила свою позицию буквально за 24 часа, после того как нацисты атаковали СССР 22 июня 1941 г. Конечно, это не способствовало уважению к партии. Стало ясно, что у этой организации нет принципов» [Maltz 1983: 475]. Таким образом, Хеллман, сочувственно относившаяся к левому движению, не поддержала изоляционистскую позицию аме-

риканской компартии, которую та заняла с начала войны.

После вступления во Вторую мировую войну в США популярность завоевали батальные пьесы (*battle plays*), сочинения о Холокосте и расизме, а также комедии, в которых изображались оставленные мужьями жены и красавцы-солдаты, возвращавшиеся на побывку домой (см. подробнее [Wertheim 2004]). Таким образом, к 1945 г., когда «Стража на Рейне» была поставлена на советской сцене, американский театральный материал на военную тематику был очень разнообразен. В интервью журналу «Советское искусство» Хеллман заявляла: «Литература США создала немало книг на военные темы, написанных в большинстве своем газетными корреспондентами и дипломатами... Что касается драматургии, то здесь большое значение имели антифашистские пьесы Андерсона (особенно “Операция в бурю”). Широкое распространение получили мои пьесы “Стража на Рейне” и “Сквозняк” (рассказывающая об эволюции политических взглядов американского дипломата, работавшего на протяжении 20 лет в Германии и Италии). Любопытно сделана пьеса “Полковник и Якубовский”. Герои пьесы – беженец-еврей и польский полковник. Поначалу они враждебны друг другу, но по ходу пьесы их антагонизм переходит в дружбу... Особо стоит упомянуть две выдающиеся военные пьесы – “Эта армия” Ирвина Берлина и “Крылатая победа” Мосхарта» [Искусство и война 1944].

В СССР к этим достижениям американского театра военного времени отнеслись со сдержанным оптимизмом. С одной стороны, советские обозреватели соглашались с тем, что американская драматургия может похвастаться богатством и разнообразием пьес, при этом «несомненно заслуживает серьезного внимания творчество драматургов Лилиан Хеллман, Сиднея Кингсли, Максвелла Андерсона и таких популярных авторов комедий, как Кауфман и Харт и др.» [Рубин, Каринцев 1945: 114]. С другой стороны, засилье пьес-однодневок, использование «модной» военной темы в жанрах мелодрамы и легковесного ревью вызывало неприятие критиков.

Все же среди изобилия американского драматургического материала советская сторона обратилась к пьесам Хеллман, и думается, что не последнюю роль в этом отношении сыграло пребывание автора в Москве. «Стража на Рейне» выгодно выделялась на фоне советского театрального репертуара военных лет и послевоенного времени, ограниченного военно-патриотической тематикой («Фронт» Корнейчука, «Русские люди» Симонова, «Нашествие» Леонова). В однородный отечественный материал разнообразие внесли зарубежные драмы, которые смогли про-

должить свой путь в СССР на волне культурного братания народов антигитлеровской коалиции. Как сообщалось в журнале «Театр», «советские зрители получили возможность ознакомиться с пьесами видной американской писательницы Лилиан Хеллман – “Семья Ферелли теряет покой”, “Лисички”, с пьесой Пристли “Он пришел”. Готовится постановка комедии американских авторов Кауфмана и Харта “Гость к обеду”. Несомненно, обмен культурными ценностями между Советским Союзом, Англией и США будет расти» [Владимиров 1945: 55]. Был создан целый ряд советских инсценировок, адаптировавших к советскому контексту повесть / пьесу Дж. Стейнбека «Луна зашла» [Жданова 2015]. Однако с началом холодной войны «культурные ценности» прошли через сталинские жернова, которые перемололи и выбраковали драматургию, «отрыто проповедующую буржуазные взгляды и мораль» [Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) 1946]. Под этот ярлык попали практически все современные американские пьесы, в том числе и упомянутые в одном ряду с Хеллман Кауфман и Харт [там же].

Театр Ленинского комсомола, который в октябре 1945 г. взялся за постановку «Стражи на Рейне», работал над пьесой семь месяцев. Исполнительница роли Фанни Фарелли Серафима Бирман настаивала, что «пройти мимо автора – американки, современницы, спектакль которой впервые осуществлен на московской сцене в месяц крымской конференции» [Ф. 2046. Оп. 1. Ед. 126.] было недопустимо. В своем отчете на заседании Кабинета театра Шекспира и западной драматургии ВТО 27 марта 1945 г. Бирман вспоминает о работе над постановкой: «Я только сегодня посмотрела фотографии действующих лиц нью-йоркской постановки. Я вижу, что все они – без грима. Я инстинктивно хотела, чтобы было как можно меньше париков» [Ф. 2046. Оп. 1. Ед. 126.]

Усилив пропагандистскую составляющую, труппа, тем не менее, не отказалась от музыкальности и лиричности драматического действия. Это отметили советские театральные критики. По мнению И. Крути, в пьесе «имеют весьма важное значение резкие и броские приемы авантюрной драмы... вместе с тем в пьесе есть прозрачная атмосфера недоговоренности, невысказанных чувств, моральной чистоты, стыдливой гордости, скромного героизма – атмосфера, созданная приемами чеховского письма, которому Лилиан Хеллман следует смело, откровенно и очень удачно. А соединяет эти два как будто несовместимых “потока” как будто грубоватый, открытый, несколько инфантильный и поэтому очень сердечный американский

юмор. Правда, особенности американского юмора театру не вполне дались. Зато он очень деликатно смягчил мелодраматизм авантюрного сюжета, подчеркнув политический смысл пьесы» [Крути 1945].

По-видимому, именно об этом юморе Хеллман с досадой пишет в своем письме Раисе Орловой: «Продолжаю придерживаться своего мнения о “Страже” и должна сказать, что со мной согласны все возвращающиеся домой американцы и мои московские корреспонденты. Они считают спектакль веселой шуткой, но эта шутка мне не нравится по многим причинам. Сейчас это уже не имеет значения, я только знаю, что ты сдержишь свое обещание и никогда не допустишь, чтобы этот театр ставил еще какую-нибудь из моих пьес» [Ф. 2548. Оп. 1. Ед. 134. Л. 1.]. Свое разочарование постановкой Хеллман не забыла даже спустя двадцать лет. В интервью журналу “Paris Review” 1964 г. она делилась своими воспоминаниями: «Постановка “Лисичек” была превосходна. “Стража на Рейне” – очень плоха. Я думала, что все будет как раз наоборот. Я посещала репетиции “Стражи на Рейне” с Сергеем Эйзенштейном. Когда я кривила лицо и кричала от негодования, он говорил: “Не бери в голову, это хорошая пьеса. Не обращай внимания на то, что они творят. Они ее не испортят”. Я много видела с Эйзенштейном. Мне он очень понравился» [Conversations with Lillian Hellman 1986: 66].

Просьба Хеллман к Орловой была выполнена: драму «Семья Ферелли теряет покой» не ставили на сцене после сезона 1945 г. Другое антифашистское сочинение Хеллман «Пронизывающий ветер» (Searching Wind, 1944) ждала иная судьба. В нем драматург исследует политику умиротворения и то, как она привела к господству фашизма в Европе. Американские рецензенты признали пьесу недолговечной, «сезонным» хитом [Warner 1944], художественные достоинства которого уступают другим драмам Хеллман [Nichols 1944].

В СССР рассматривали возможность постановки «Пронизывающего ветра». Изначально ГУРК разрешил работать над пьесой «отдельным театрам по списку ГУТ» [Ф. 656. Оп. 5. Ед. 851. Л. 1.]. Однако эта драма так и не появилась на советских театральных подмостках. Начальник отдела театра и драматургии ГУРКа Е. Сурков в своем письме в управление агитации и пропаганды настаивал на том, что постановка пьесы в СССР крайне неуместна и нежелательна: «В американских условиях появление этой пьесы носило, по-видимому, прогрессивный характер: в пьесе осуждается политика компромисса в отношении фашистских агрессоров, осуждаются позиции “невмешательства” в европейские дела,

которые следует, очевидно, связывать с изоляционистскими традициями и т. п. ... Очень существенно, что Советский Союз попросту не принимается в пьесе во внимание (СССР упоминается в тексте только однажды и то попутно, вскользь). Лицом к лицу сталкиваются в пьесе две силы: Европа, не сумевшая собственными силами справиться с проблемами, выдвигаемыми наступлением фашизма, и Америка, которая приглашается осознать свою ответственность за спасение Европы. В этом смысле я и говорю о проамериканском характере пьесы Хеллман: в «Свежем ветре» выражена типично американская точка зрения на события и обстоятельства, связанные со Второй мировой войной, и на послевоенное устройство» [Ф. 656. Оп. 5. Ед. 851. Л. 2–4].

Совершенно иному литературному контексту, нежели «Семья Ферелли теряет покой» и «Пронизывающий ветер», принадлежит драма «Лисички». В американской традиции ее принято рассматривать как региональную (см. подробнее [Southern Women Playwrights 2002]): действие разворачивается в провинциальном городке южных штатов весной 1900 г. В Америке пьеса выдержала 410 показов, завоевав высокую оценку театральных обозревателей, а в 1941 г. вышла ее экранизация. По силе социального критицизма левые критики сравнивали «Лисичек» с «Гроздьями гнева», противопоставляя «лживым» картинам, «искусно маскирующим больное лицо умирающей южной аристократии», к которым относили «Унесенные ветром» М. Митчелл, «Вирджинию» Э. Гриффита и В. Ван Апп, «Мерилэнд» Дж. Эндрюса и Этель Хилл [Meltzer 1941].

В 1944 г. в Московском театре драмы начались репетиции постановки, причем Хеллман привлекли в качестве консультанта: в беседе с труппой она «рассказала историю пьесы, поделилась своими впечатлениями об исполнении “Лисичек” в Нью-Йорке и экранизации пьесы американским режиссером Уайлером... Хеллман дала подробную характеристику каждого персонажа и высказала свои пожелания о стиле исполнения этих ролей на советской сцене» [Лилиан Хеллман в Театре драмы 1944].

В СССР пьесу восприняли не столь положительно, как в США. Особых похвал заслужило актерское мастерство Ф. Раневской (в роли Берди) и К. Половиковой (в роли Реджины) [Бояджиев 1945]. О своей работе над ролью К. Половикова вспоминала: «Очень много времени я никак не могла понять психологию этой женщины, ее почти зоологическую страсть к наживе. И только, когда мы решили наделить Реджину любовью к дочери, я с увлечением повела роль, чтобы показать трагизм искупления – сначала

потерю дочери, а затем одиночество, – чтобы показать, как призрачно здание, построенное на эгоистических желаниях, как эти “лисички, пожирающие виноград”, должны быть наказаны во имя справедливости и чистоты» [Половикова 1945: 14].

Ставшее общим местом советского литературоведения сравнение сочинений иностранных авторов с работами Горького имело место и в случае с Хеллман. Критик А. Мацкин указывал: «схема событий пьесы услужливо подсказывает нашему зрителю аналогию с Вассой Железновой. Есть близость в их мотивах поведения, в обоих случаях продиктованных дурными инстинктами собственничества. Но таковы только внешние черты драмы: по мере ее развития эта соблазнительная аналогия теряет свою почву» [Мацкин 1945]. М.О. Мендельсон, развивая эту идею, выносит более строгий вердикт: «“Лисички” воспринимаются как американский вариант “Вассы Железновой”, при этом, несмотря на известные достоинства “Лисичек”, копия оказывается более слабой, нежели оригинал» [Мендельсон 1945: 15]. Мендельсон констатировал односторонность образа Реджины, не выдерживающего сравнения с образом Вассы Железновой, являющей собой не просто стяжательницу, но человека сильных страстей, умного и волевого. Таким образом, положительные оценки «Лисичек» превалировали над критикой, однако в адрес Хеллман уже начались раздаваться упреки. Возможно, объяснение такого положения дел кроется в социально-бытовой, региональной проблематике драмы, котирующейся в СССР гораздо ниже патристического и военного содержания.

В 1949 г. Московский театр драмы поставил еще одну «региональную» пьесу Хеллман «Леди и джентльмены» (Another Part of the Forest, 1946). Хеллман переносит драматическое действие в 1880-е гг., а в его центре помещает старшее поколение семьи Хаббардов, члены которой являются центральными действующими лицами «Лисичек». Объясняя разницу американского и советского заглавий, Юдифь Глизер, исполнительница роли Лавинии, вспоминала: «В оригинале пьеса называется “За лесами”. Нам заголовок показался неудачным. Чего доброго, публика могла подумать, что речь идет о лесозаготовках! Да и вообще такое название звучит непонятно. Кого-то в театре осенило: “Пусть это будет “Леди и джентльмены!””. Публика клюнула на приманку, видимо, заинтересовавшись, что это за джентльмены и тем более – что за леди? И пошли аншлаги. Пьеса держалась более десяти лет! В новом названии заключается некий иронический смысл, ибо на самом деле это были никакие не джентльмены, а самые что ни на есть бандиты

из так называемого приличного общества» [Глизер 1969: 225–226].

Несмотря на успех пьесы у зрителей, советские рецензенты посчитали постановку «Леди и джентльмены» провальной. О. Афанасьева беспощадно раскритиковала большую часть актерского состава: «А. Ханов, играющий Маркуса Хаббарда, звероподобен внешне, он рычит, движения его неуклюжи. Ханов изображает только одну сторону натуры Хаббарда – грубость и дикий деспотизм... Аржанов – Оскар – чрезмерно суетлив, криклив и нервен, особенно в заключительной сцене. Создается впечатление, что исполнитель не нашел для себя правильного решения образа младшего Хаббарда, а режиссер не сумел подсказать ему правильного решения... Карпова – Реджина – пытается дать образ еще молодой, но уже беспощадной и безжалостной хищницы. Но она держится несколько стандартно, не находит индивидуального рисунка образа... Ю. Глизер, исполняя роль слабоумной жены Маркуса Хаббарда, Лавинии, впадает в натурализм, стремясь передать поведение, жесты и приемы ненормального человека. Увлечение натуралистическими подробностями мешает созданию живого образа» [Афанасьева 1949: 98].

То, что новая пьеса Хеллман «Леди и джентльмены» получила негативную оценку, вполне симптоматично: с началом антиамериканской пропагандистской кампании и кампании против космополитов в конце 1940-х гг. из репертуара театров напрочь исчезли современные американские «буржуазные» пьесы. Хвалившего «Лисичек» театрального критика Бояджиева наряду с другими видными литературными обозревателями заклеили как «носителя глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему космополитизма» [Костырченко 1994: 47], а в заметке, посвященной 50-летию драматурга, автору выносится неутешительный приговор: «В последние годы, к сожалению, на творчестве Хеллман сказались настроения безнадежности и безысходности, бытующие среди американской интеллигенции. Так, в написанной в 1951 г. пьесе “Осенний сад” не находишь свойственного произведению Хеллман глубокого идейного содержания» [Кулаковская 1955].

О масштабах «чистки» репертуара советских театров свидетельствует выпущенный в 1952 г. сборник «Буржуазный театр на службе империалистической реакции». Как следует из статьи А. Аникста [Аникст 1952], сочинения всего лишь двух американских авторов были достойны увидеть советские театральные подмостки. Это был Г. Фаст с пьесой «Тридцать серебрянников» и А. Мальц с одноактной пьесой «Дело Моррисона». Удивительным образом театральными кори-

феями в это время в СССР оказались авторы, о пьесах которых на родине в США знали единицы.

Уже после хрущевской оттепели, с середины 1960-х гг. начинается новый виток отношений Хеллман с СССР. В октябре 1966 г. она решает вновь отправиться в Москву для работы над книгой воспоминаний, которую выпустит в 1969 г. Как признавалась драматург в интервью “New York Times”, «из-за собственной лени или плохо организованных поисков» [Arnold 1967] она не смогла найти и половины людей, с которыми хотела встретиться. Находясь в Москве, Хеллман с неохотой согласилась посетить IV Съезд советских писателей, запланированный на май 1967 г. Свое сопротивление она объясняла господствующими в СССР цензурными установками, всеилием бюрократов, определяющих культурную повестку и жестоко карающих писателей за инакомыслие.

В Москве Хеллман свиделась с Р. Орловой. После 1945 г. переписка Хеллман и Орловой возобновилась только в 1963 г., оттого их встреча после столь долгого перерыва оказалась для подруг крайне волнительной. От мужа Орловой Льва Копелева Хеллман оказалась без ума: «В завершение нашей первой встречи со Львом я поняла, что не только любовь заставляла думать ее [Р. Орлову. – *О. Ш.*], что он удивительный человек. Он действительно им был... В Москве его называли “святым”» [Kopelev 1977]. Супружеская пара представила свою американскую подругу и Солженицыну. В предисловии к книге Л. Копелева «Хранить вечно» Хеллман вспоминает это знакомство: «не могу сказать, что молчаливая странная фигура Солженицына показалась мне привлекательной. В нем было что-то необычное, слишком непонятное для меня. Конечно, я восхищалась им как писателем и как человеком, но Рая почувствовала, что я испытывала что-то еще» [там же].

Сочувствие Хеллман к диссидентам росло на протяжении следующих лет. Вернувшись в Москву в мае 1967 г., писательница с удовольствием заметила появление «огромного движения, состоящего не только из молодых, но и людей среднего возраста, и даже пожилых, готовых бороться за свое право критиковать правительство, писать свободно, а не по указке» [Arnold 1967]. Пример Копелева и Орловой, «евреев, которые ни при каких обстоятельствах не хотели покидать родину» [Kopelev 1977], стал для Хеллман образцом беззаветного следования правилам морального кодекса. Возможно, поэтому эмиграция Анатолия Кузнецова вызвала у нее резко негативное отношение. В своей провокативной статье в “New York Times” Хеллман вспоминала разговор, свидетелем которого она

стала в Москве в свой последний приезд. Один историк уверял, что политическая ситуация в СССР вскоре изменится благодаря смелым мужчинам и женщинам, таким как Лидия Чуковская, Василий Аксенов, Александр Солженицын, Петр Григоренко, Павел Литвинов, Евгения Гинзбург. По мнению Хеллман, заслуживает внимания тот факт, что Кузнецова в этом ряду русский собеседник не упомянул. Предатель друзей, трус, который согласился опубликовать свои произведения с правками, навязанными иностранными издательствами, – такую характеристику Хеллман дает бежавшему в Англию Кузнецову. В пример ему Хеллман ставит Солженицына – «удивительного писателя», не позволившего изменить свои тексты [Hellman 1969].

Естественно, обвинение такого характера не могло остаться без ответа. Кузнецов выступил с обращением в ПЕН-клуб, заявив: «Там, вблизи, КГБ кажется глобальной силой. Для мышей страшнее кошки зверя нет. Это, видимо, совершенно непонятно Лилиан Хеллман, которая написала, что раскаяния информаторов неприятно спекулятивны. Что должны же существовать и другие пути в Англию. Что когда я буду у каминов разглагольствовать о свободе, то мы будем помнить, что свобода как таковая и свобода, завоеванная предательством невинных друзей, – это противоречие в терминах. А что бы Лилиан Хеллман предложила человеку, вырвавшемуся из Орвелловского мира? Промолчать?... Почему я не остался в России к удовольствию мистера Стайрона, а также и Лилиан Хеллман, которая “не слышала” моей фамилии среди имен борцов за советскую власть против отдельных злоупотреблений. Видимо, они, Стайрон и Хеллман, ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ? Напрасно, сказал бы я Стайрону» [Обращение А. Анатоля в ПЭН 1969].

Будучи в Москве в мае 1967 г., Хеллман вращалась не только в диссидентских кругах. В своем отчете переводчица и одна из самых известных отечественных американистов М. М. Коренева, сопровождавшая американскую писательницу, докладывала:

«7 мая вместе с В. Г. Чернявским и Е. С. Романовой я встречала Л. Хеллман в аэропорте Шереметьево... 9 мая Орлова и Хеллман совершили поездку в Архангельское...

15 мая состоялся обед в СП, на котором присутствовали С. Антонов, Ю. Нагибин, Б. Ахмадулина, А. Бек, Н. Калашникова, С. Смирнов, Э. Радзинский, Ю. Эдлис, В. Г. Чернявский...

В Ленинграде 16 мая она побывала в Эрмитаже, а вечером навестила О. Берггольц. 17 мая вечером смотрела постановку “Мещан” в театре им. Горького, после чего состоялась краткая беседа с руководителем театра Г. А. Товстоноговым...

Днем 20 мая состоялась встреча Л. Хеллман с чилийским поэтом П. Нерудой.

22 мая присутствовала на открытии IV съезда советских писателей.

В 17.55 22 мая Хеллман улетела с аэродрома “Шереметьево” на родину» [Ф. 631. Оп. 27. Ед. 408.].

Отвечая в своем интервью на вопрос о состоянии современного русского театра и литературы, Хеллман отмечала: «В Москве образовалась замечательная компания литераторов и театралов, в Ленинграде эта компания называется театр Горького. Но я редко бывала на представлениях. Кажется, литература процветает. Я встретила с Солженицыным, он меня очень впечатлил. Видела я и Евтушенко. Мне говорили, что Вознесенский хороший поэт. Конечно, я могу читать его только в переводе. Мои русские друзья также сказали мне, что наиболее значительной фигурой сейчас является молодой человек из Ленинграда по фамилии Бродский, у которого, как мне кажется, неприятности политического характера» [Conversations with Lillian Hellman 1986: 118]. Ангажированная литература и драматургия произвели на нее куда менее благоприятное впечатление.

Через 6 лет после последнего приезда Хеллман в Москву на сцене театра имени Ленинского комсомола вновь поставят «Лисичек», в то время как «Леди и джентльмены» окажутся на подмостках учебного театра. Новая версия «Лисичек» понравилась критикам: рецензенты отмечали убедительную игру актеров, строгое и простое прочтение драматургического текста, интересное сценическое оформление [Исакова 1973; Бобров 1973]. В 1970-е гг. в моду вернутся и другие американские пьесы, а на афишах наряду с Хеллман возникнут имена Теннесси Уильямса, Артура Миллера, Эдварда Олби и др. Сама Хеллман к этому времени заметно отдалится от СССР и просоветских организаций в Штатах, поддерживая связь только с Р. Орловой. 1970-е станут для нее временем подведения жизненных итогов: писательница полностью переключится на написание мемуарных сочинений, которые на русском языке будут опубликованы в виде фрагментов в периодике.

Список литературы

Абросимова В. Мосты: русско-американские связи Раисы Орловой полвека спустя // Литература Двух Америк. 2019. № 6. С. 296–378.

Аникст А. Упадок и разложение буржуазного театра // Буржуазный театр на службе империалистической реакции: сборник статей. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. С. 3–30.

Афанасьева О. О добрых и злых плантаторах // Театр. 1949. № 12. С. 95–98.

Бобров Э. Лисички // Вечерняя Москва. 1973. 4 окт.

Бояджиев Г. Берди – Раневская // Советское искусство. 1945. 27 июля. С. 3.

Владимиров Р. Советский театр в оценке печати США и Англии // Театр. 1945. Сентябрь. С. 53–55.

Гиленсон Б. Социалистическая и радикальная традиции в литературе США. М.: ИНФРА-М, 2017. 388 с.

Глизер Ю. Воспоминания. М.: Искусство, 1969. 263 с.

Жданова Л. И. Путь повести Дж. Стейнбека «Луна зашла» к советской сцене // Вопросы театра. 2015. № 3–4. С. 264–272.

Исакова М. Стая Хаббардов на охоте // Московский комсомолец. 1973. 13 окт.

Искусство и война // Советское искусство. 1944. 28 нояб. С. 4.

Коваленко Г. За семью печатями. Чехов и американские драматурги: к истории вопроса // Современная драматургия. 2010. № 3. С. 233–253.

Костырченко Г. Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 47–60.

Крути И. Семья Ферелли обретает мужество // Советское искусство. 1945. 8 марта. С. 4.

Кулаковская И. Лилиан Хеллман. К 50-летию со дня рождения // Советское искусство. 1955. 19 июля.

Лилиан Хеллман в Театре драмы // Советское искусство. 1944. 19 дек. С. 4.

Мацкин А. Заметки о спектакле // Советское искусство. 1945. 12 апр. С. 2.

Мендельсон М. Хеллман и Пристли на московской сцене // Театр. 1945. Октябрь. С. 14–19.

Обращение А. Анатоля в ПЭН // Русская мысль. 1969. 25 сент. С. 2.

Половикова К. Во имя справедливости // Огонек. 1945. № 20–21. С. 14.

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». 26 авг. 1946 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/theatre.htm> (дата обращения: 13.02.2021).

РГАЛИ. Ф. 2046. Оп. 1. Ед. 126.

РГАЛИ. Ф. 2548. Оп. 1. Ед. 134.

Рубин В., Каринцев И. Обзор современной американской и английской драматургии // Новый мир. 1945. № 7. С. 109–117.

Arnold M. Lillian Hellman Says She Found Ferment Among Soviet Writers // New York Times. 1967. 31 May. P. 11.

Atkenson B. Hellman's Watch on Rhine // New York Times. 1941. 13 April.

Conversations with Lillian Hellman / ed. by Jackson R. Bryer. Jackson, MS; London: University Press of Mississippi, 1986. 298 p.

Gallagher D. Lillian Hellman: An Imperious Life. Yale University Press, 2014. 171 p.

Griffin A., Thorsten G. Understanding Lillian Hellman. University of South Carolina Press, 1999. 168 p.

Hellman L. Three: An Unfinished Woman; Penitence; Scoundrel Time. Boston, MA; Toronto: Little, Brown, 1979. 726 p.

Hellman L. Topics: The Baggage of a Political Exile // New York Times. 1969. 23 August. P. 26.

Kopelev L. To Be Preserved Forever. Philadelphia; New York: Lippincott, Cop. 1977. 268 p.

Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. University of California Press, 1983. Vol. I. 522 p.

Meltzer M. Hollywood Does Right By "The Little Foxes" // Sunday Worker. 1941. August 24.

Mickenberg J. American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream. Chicago; London: University of Chicago Press, 2017. 427 p.

New Play in Manhattan // Time. 1941. 14 Apr.

Newman R. P. The Cold War Romance of Lillian Hellman and John Melby. UNC Press Books, 1989. 392 p.

Nichols L. The Searching Wind: Lillian Hellman's Latest Play a Study of Appeasement and Love // New York Times. 1944. April 23.

Not Now Communist, Lillian Hellman Says // Associated Press. 1952. May 22.

Roosevelt E. My Day. 1941. 21 April.

Southern Women Playwrights: New Essays in History and Criticism / ed. by R. McDonald, L. Paige. University of Alabama Press, 2002. 304 p.

Warner R. On Broadway // Daily Worker. 1944. April 27.

Wertheim A. Staging the War: American Drama and World War II. Indiana University Press, 2004. 352 p.

References

Abrosimova V. Mosty: russko-amerikanskije svyazi Raisy Orlovoy polveka spustya [Raisa Orlova's bridges: Russian-American literary connections half a century later]. *Literatura dvukh Amerik* [Literature of the Americas], 2019, issue 6, pp. 296–378. (In Russ.)

Anikst A. Upadok i razlozhenie burzhuaznogo teatra [Decline and decay of the bourgeois theater]. *Burzhuaznyy teatr na sluzhbe imperialisticheskoy reaktzii: sbornik statey* [Bourgeois Theater on the Payroll of Imperialist Reaction: a collection of articles]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952, pp. 3–30. (In Russ.)

Afanas'eva O. O dobrykh i zlykh plantatorakh [On kind and cruel plantation owners]. *Teatr* [Theatre], 1949, issue 12, pp. 95–98. (In Russ.)

Bobrov E. Lisichki [The little foxes]. *Vechernyaya Moskva* [Evening Moscow], 1973, October 4. (In Russ.)

Boyadzhiev G. Berdi – Ranevskaya [Birdie – Ranevskaya]. *Sovetskoe iskusstvo* [Soviet Art], 1945, July 27, p. 3. (In Russ.)

Vladimirov R. Sovetskiy teatr v otsenke pechati SShA i Anglii [Soviet theater as assessed by the British and American press]. *Teatr* [Theatre], 1945, September, pp. 53–55. (In Russ.)

Gilenson B. *Sotsialisticheskaya i radikal'naya traditsii v literature SShA* [Socialist and Radical Traditions in the Literature of the USA]. Moscow, INFRA-M Publ., 2017. 388 p. (In Russ.)

Glizer Yu. *Vospominaniya* [Recollections]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1969, 263 p. (In Russ.)

Zhdanova L. I. Put' povesti Dzh. Steynbeka 'Luna zashla' k sovetskoy stsene [John Steinbeck's 'The Moon Is Down' on the Soviet stage]. *Voprosy teatra* [Problems of the Theatre], 2015, issue 3–4, pp. 264–272. (In Russ.)

Isakova M. Staya Khabbardov na okhote [A pack of the Hubbards on the hunt]. *Moskovskiy komso-molets* [Moscow Komsomolets], 1973, October 13. (In Russ.)

Iskusstvo i voyna [Art and war]. *Sovetskoe iskusstvo* [Soviet Art], 1944, November 28, p. 4. (In Russ.)

Kovalenko G. Za sem'yu pechatyami. Chekhov i amerikanskie dramaturgi: k istorii voprosa [Sealed with seven seals. Chekhov and American playwrights: On the history of the issue]. *Sovremennaya dramaturgiya* [Modern Drama], 2010, issue 3, pp. 233–253. (In Russ.)

Kostyrchenko G. Kampaniya po bor'be s kosmopolitizmom v SSSR [Campaign against cosmopolitanism in the USSR]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 1994, issue 8, pp. 47–60. (In Russ.)

Kruti I. Sem'ya Ferelli obretaet muzhestvo [The Farrelly family gains courage]. *Sovetskoe iskusstvo* [Soviet Art], 1945, March 8, p. 4. (In Russ.)

Kulakovskaya I. Lillian Hellman. K 50-letiyu so dnya rozhdeniya [Lillian Hellman. To the 50th birthday]. *Sovetskoe iskusstvo* [Soviet Art], 1955, July 19. (In Russ.)

Lillian Helman v Teatre dramy [Lillian Hellman in Drama Theatre]. *Sovetskoe iskusstvo* [Soviet Art], 1944, December 19, p. 4. (In Russ.)

Matskin A. Zametki o spektakle [Notes on a play]. *Sovetskoe iskusstvo* [Soviet Art], 1945, April 12, p. 2. (In Russ.)

Mendel'son M. Hellman i Pristli na moskovskoy stsene [Hellman and Priestly on Moscow stage]. *Teatr* [Theatre], 1945, October, pp. 14–19. (In Russ.)

Obrashchenie A. Anatolya v PEN [A. Anatol's appeal to PEN]. *Russkaya mysl'* [Russian Thought], 1969, September 25, p. 2. (In Russ.)

Polovikova K. Vo imya spravedlivosti [In the name of justice]. *Ogonek*, 1945, issue 20–21, p. 14. (In Russ.)

Resolution of the Organizational Bureau of the Central Committee of the CPSU(b) of August 26, 1946 'On the Repertoire of Drama Theaters and Measures to Improve It'. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/theatre.htm> (accessed 13.02.2021). (In Russ.)

Russian State Archive of Literature and Arts (RGALI). Fund 2046. Inventory 1. Unit 126. (In Russ.)

Russian State Archive of Literature and Arts (RGALI). Fund 2548. Inventory 1. Unit 134. (In Russ.)

Rubin V., Karintsev I. Obzor sovremennoy amerikanskoy i angliyskoy dramaturgii [Overview of contemporary American and British drama]. *Novyy mir* [New World], 1945, issue 7, pp. 109–117. (In Russ.)

Arnold M. Lillian Hellman says she found ferment among Soviet writers. *New York Times*, 1967, May 31, p. 11. (In Eng.)

Atkinson B. Hellman's Watch on Rhine. *New York Times*, 1941, April 13. (In Eng.)

Gallagher D. *Lillian Hellman: An Imperious Life*. Yale University Press, 2014. 171 p. (In Eng.)

Griffin A., Thorsten G. *Understanding Lillian Hellman*. University of South Carolina Press, 1999. 168 p. (In Eng.)

Hellman L. *Three: An Unfinished Woman, Penitence, Scoundrel Time*. Boston, MA, Toronto, Little, Brown, 1979. 726 p. (In Eng.)

Hellman L. Topics: The baggage of a political exile. *New York Times*, 1969, August 23, p. 26. (In Eng.)

Conversations with Lillian Hellman. Ed. by Jackson R. Bryer. Jackson, MS, London, University Press of Mississippi, 1986. 298 p. (In Eng.)

Kopelev L. *To Be Preserved Forever*. Philadelphia, New York, Lippincott, Cop. 1977. 268 p. (In Eng.)

Maltz A. *The Citizen Writer in Retrospect*. University of California Press, 1983, vol. 1. 522 p. (In Eng.)

Meltzer M. Hollywood does right by 'The Little Foxes'. *Sunday Worker*, 1941, August 24. (In Eng.)

Mickenberg J. *American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream*. Chicago, London, University of Chicago Press, 2017. 427 p. (In Eng.)

New play in Manhattan. *Time*, 1941, April 14. (In Eng.)

Newman R. P. *The Cold War Romance of Lillian Hellman and John Melby*. UNC Press Books, 1989. 392 p. (In Eng.)

Nichols L. The searching wind: Lillian Hellman's latest play, a study of appeasement and love. *New York Times*, 1944, April 23. (In Eng.)

Not now communist, Lillian Hellman says. *Associated Press*, 1952, May 22. (In Eng.)

Roosevelt E. *My Day*, 1941, April 21. (In Eng.)
Southern Women Playwrights: New Essays in History and Criticism. Ed. by R. McDonald, L. Paige. University of Alabama Press, 2002. 304 p. (In Eng.)

Warner R. On Broadway. *Daily Worker*, 1944, April 27. (In Eng.)

Wertheim A. *Staging the War: American Drama and World War II*. Indiana University Press, 2004. 352 p. (In Eng.)

LILLIAN HELLMAN AND THE SOVIET THEATER

Olga I. Shcherbinina

Postgraduate Student in the Department of History of Foreign Literatures

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation. olga-scherbinina24@mail.ru

SPIN-code: 6716-0197

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2102-547X>

Submitted 16.02.2021

The article examines the contacts of the American playwright Lillian Hellman with the Soviet theatrical world. It focuses on Soviet productions of her plays, recollections of actors involved in those productions, critics' reviews of the premieres. Hellman's more than 20-year career in the USSR helps to trace back the changes of Soviet cultural and ideological agenda. Acting as a cultural emissary during the Second World War, Hellman visited Moscow where she was greeted as a dear guest, and her plays were staged by two largest Moscow theaters. With the beginning of the Cold War, her dramas *The Little Foxes* and *Watch on the Rhine* disappeared from the repertoire. Surprisingly, Hellman's play with a conspicuously Western title *Ladies and Gentlemen* circumvented theatrical censorship amid an anti-American propaganda campaign, although the production received negative reviews from magazine critics. In the 1960s Hellman returns to Moscow again, where she meets Raisa Orlova and Lev Kopelev. Cultural and political landscape of that period was deeply influenced by struggles of the dissident movement, which Hellman deeply sympathized with. She considered Kopelev and Orlova to be people of remarkable courage and integrity since they refused to leave their native Russia despite the risk of being imprisoned and persecuted. That is why the case of Anatoly Kuznetsov who fled to the UK from the USSR infuriated Hellman who publicly disapproved his decision to flee. Hellman wrote and spoke about dissidents back at home in the United States, and she continued to correspond with Orlova almost until her death in 1984. Thus, Hellman's creative biography represents the trajectory of defecting from the ranks of Soviet sympathizers: starting her career as a pro-Stalinist, she subsequently refused to support Soviet socialism.

Key words: Lillian Hellman; USSR; anti-fascist drama; Soviet criticism; dissidents; *Watch on the Rhine*; *The Little Foxes*.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» (ISSN: 2073-6681; eISSN: 2658-6711) зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

Цель журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» – освещение новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современной филологической науки; содействие развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установление и укрепление научных связей между учеными из различных регионов России и других стран. Журнал публикует проблемные статьи и аналитические обзоры по актуальным вопросам современной филологической науки; результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкознания, литературоведения, журналистики, методики преподавания языков и литератур; рецензии на научные публикации; хронику научных событий, сообщения о достижениях ведущих научных школ. Одна из задач журнала – формирование тематических научных площадок для обмена мнениями, предложениями и опытом в данных научных областях. Научный журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» публикует качественные, оригинальные авторские исследования, ранее нигде не публиковавшиеся.

С 19.02.2010 журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (10.01.01 – Русская литература, 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология, 10.01.09 – Фольклористика, 10.01.10 – Журналистика, 10.02.01 – Русский язык, 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи), 10.02.03 – Славянские языки, 10.02.04 – Германские языки, 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология, 10.02.19 – Теория языка, 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика).

Полнотекстовая версия журнала выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/philology> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Оформленная в соответствии с требованиями журнала рукопись статьи направляется автором в редакцию в виде файла, сопровождается паспортом статьи. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника Пермского университета. Российская и зарубежная филология” <http://press.psu.ru/index.php/philology/index>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

К рецензированию направленных для публикации в журнал рукописей статей привлекаются рецензенты из состава редакционного совета или редакционной коллегии журнала, а также российские и зарубежные специалисты в соответствующей области знания, имеющие опыт практической работы или публикации в течение последних 3 лет по тематике рецензируемых статей. Рецензентом не может выступать научный руководитель автора статьи. Решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации принимается редколлекцией на основании результатов рецензирования. Поступающие рецензии на рукопись статьи обрабатываются в редакции, отправляются автору в виде нескольких рецензий или одной итоговой рецензии без указания данных о рецензентах. Если необходима доработка статьи, то автор вносит исправления, выделяя измененные места цветом. Срок доработки статьи не ограничен. Члены редакционного совета или редколлекции даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи.

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1 дня – 6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлекцией и главным редактором. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция не вступает в переписку с автором по содержанию его статьи. Плата за редакционную обработку и публикацию присланных рукописей, в том числе аспирантов, одобренных рецензентами и рекомендованных к печати, не взимается.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ по электронному адресу langlit2009@mail.ru (попросите отправить подтверждение). Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных. Зам. гл. редактора – Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова, администратор сайта – Алексей Васильевич Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта – Екатерина Владимировна Исаева.

Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 131, 133 (тел. (342)2396795), ауд. 172 (тел. (342)2396290).

Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 13. Выпуск 2 / 2021

Редакторы *Е. И. Герман, О. И. Кирьянова*

Корректор *Е. Г. Иванова*

Компьютерная верстка: *Л. С. Нечаева*

Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 24.06.2021. Дата выхода в свет 30.06.2021
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 16,62. Тираж 500 экз. Заказ 96

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в общероссийском каталоге «Пресса России» – 41008

Распространяется бесплатно и по подписке